Смит Уилбур

Тени солнца

Эту книгу я посвящаю своей жене Мохинисо, бесценному сокровищу моей жизни, с бесконечной любовью и искренней признательностью за благословенные годы нашей совместной жизни

1

— Мне это не нравится. — Уолли Хендри рыгнул, повозил во рту языком, смакуя вкус, и продолжил: — Попахивает хуже десятидневного трупа.

Вальяжно растянувшись, он лежал на одной из четырех кроватей, удерживая стакан на обнаженном торсе, потном от конголезской жары.

— Мы все равно поедем, нравится тебе это или нет. — Брюс Керри раскладывал бритвенные принадлежности.

Хендри одним глотком осушил стакан.

— Сказал бы, что никуда мы не двинем, а останемся здесь, в Элизабетвиле. Почему ты так не сделал, а?

— Потому что мне платят за то, чтобы я не спорил, — безучастно ответил Брюс.

Он посмотрел на себя в засиженное мухами зеркало над раковиной: загорелое лицо, коротко остриженные черные кудри, четкие брови вразлет, зеленые глаза с темной бахромой ресниц и губы, которые улыбались или кривились. Брюс равнодушно созерцал свое отражение. Он вообще давно не испытывал никаких чувств, и губы его больше не улыбались и не кривились. Не ощущал он и давнишнюю терпеливую нежность к своему носу — большому и крючковатому, который делал лицо не таким миловидным и придавал Брюсу сходство с благородным пиратом.

— Черт побери! — прорычал с кровати Уолли Хендри. — Я сыт по горло этой армией ниггеров. Я не против боя, но не хочу сто миль продираться сквозь заросли, чтобы утереть сопли горстке убогих беженцев.

— Жизнь не сахар, — рассеянно согласился Брюс и стал наносить на лицо пену для бритья — ослепительно белую на фоне загара. Гладкая кожа блестела, словно натертая маслом; на плечах и груди в такт движениям перекатывались мышцы. Да, он был на пике формы, но и это не приносило ему удовольствия.

— Налей мне еще, Андрэ. — Уолли Хендри сунул свой стакан в руку молодому человеку, сидящему на краешке кровати.

Бельгиец встал и послушно пошел к столу.

— Побольше виски и поменьше пива, — проинструктировал Уолли. Затем повернулся к Брюсу и снова рыгнул. — Вот что я обо всем этом думаю.

Пока Андрэ наливал в стакан виски и пиво, Уолли передвинул на живот потертую кобуру с пистолетом.

— Когда едем? — спросил он.

— Завтра утром у товарного склада будет локомотив с пятью вагонами. Отправимся сразу после загрузки.

Брюс начал бриться, проводя лезвием от виска к подбородку, оставляя полоску чистой загорелой кожи.

— После трех месяцев боев с кучкой грязных гуркхов я надеялся хоть на какой-нибудь отдых… Да черт побери, хоть бы женщину увидеть! А теперь, на второй день после прекращения огня, нас опять куда-то гонят.

— C'est la guerre, — пробормотал Брюс, продолжая бриться.

— Ты о чем? — с подозрением спросил Уолли.

— Это война, — перевел Брюс.

— Говори по-нашему, пижон.

Уолли Хендри, проведя полгода в бельгийском Конго, все еще не понимал ни слова по-французски.

Опять повисла тишина. Раздавалось только еле слышное поскребывание бритвы и тихое звяканье — их четвертый товарищ чистил винтовку.

— Выпей, Хейг, — пригласил его Уолли.

— Нет, спасибо. — Майкл Хейг посмотрел на Хендри, даже не пытаясь скрыть отвращение.

— Еще одна наглая скотина! Не хочешь со мной выпить? Даже благородный капитан Керри со мной пьет. А ты что, особенный?

— Ты же знаешь, я не пью.

Хейг снова занялся своим оружием. Для всех уродливые автоматические винтовки стали словно продолжением тела. Даже во время бритья Брюсу всего лишь стоило опустить руку, чтобы схватить винтовку, прислоненную к стене. Винтовки остальных лежали на полу рядом с кроватями.

— Не пьешь? — хмыкнул Уолли. — А почему у тебя тогда такой странный цвет лица, братишка? И нос как спелая слива?

Губы Хейга напряглись, руки сжали винтовку.

— Прекрати, Уолли, — сказал Брюс спокойно.

— Хейг не пьет! — завопил Уолли и ткнул бельгийца в ребра. — Видал, Андрэ? Он у нас трезвенник, чтоб его! У меня папаня тоже трезвенник — иногда два или три месяца подряд, а потом придет домой и как съездит мамане в харю — аж на той стороне улицы слышно, как у нее зубы хрустят. — Расхохотавшись, он поперхнулся, но, откашлявшись, продолжил: — Могу спорить, что ты именно такой трезвенник, Хейг. Одна рюмка — и проснешься только дней через десять. Всего одна рюмка — и бац! — баба получает по роже, а детишки две недели сидят голодные.

Хейг аккуратно положил винтовку на кровать и посмотрел на Уолли, стиснув зубы. Уолли, ничего не замечая, глумился дальше:

— Андрэ, возьми бутылку с виски и сунь ее под нос нашему трезвеннику Хейгу. Посмотрим, как он изойдет слюной, а глаза выпучатся, как песьи яйца.

Хейг поднялся — широкоплечий, с мускулистыми боксерскими руками. Ему было уже за пятьдесят — вдвое старше Уолли. В волосах проступила седина, а черты лица еще не утратили былой утонченности, хоть жизнь его и потрепала.

— Пора поучить тебя хорошим манерам, Хендри. Вставай.

— Танцевать, что ли, хочешь, или как? Я не вальсирую — это к Андрэ. Он с тобой станцует. Правда, Андрэ?

Хейг стоял со сжатыми кулаками.

Брюс Керри положил бритву на полочку над раковиной и, не смыв с лица пену, тихо двинулся в обход стола и занял выжидательную позицию, готовый в любой момент вмешаться и остановить ссору.

— Вставай, грязный оборванец.

— Ого, Андрэ, слыхал? Сладко поет, ой как сладко.

— Я тебе вправлю твою грязную рожу туда, где должны были быть мозги!

— Шутки пошли! Да он настоящий комик! — Уолли рассмеялся, но как-то натянуто.

Брюс понял, что Уолли драться не будет, хоть у него и здоровые руки, мускулистая грудь, заросшая рыжими волосами, мощный пресс и толстая шея. Нет, драться он не будет. Брюс был озадачен. Он помнил ночь у моста и знал, что Хендри не трус. Однако, судя по всему, Уолли не собирался принимать вызов Хейга.

Майк Хейг двинулся к кровати.

— Оставь его, Майк, — заговорил Андрэ мягким, почти девичьим, голосом. — Это шутка, он же не всерьез.

— Хендри, ты ошибаешься, если думаешь, что я джентльмен и не смогу ударить лежачего.

— Прекрасно, — пробормотал Уолли. — Этот парень не только шутит, но еще и геройствует.

Стоя над ним, Хейг поднял правый кулак, похожий на кувалду, и нацелил его в лицо Уолли.

— Хейг! — Брюс не повысил голоса, но его тон обуздал старшего товарища. — Хватит.

— Эта грязная свинья…

— Да, я знаю, — перебил Брюс. — Отстань от него.

Майк Хейг помедлил, не опуская кулака. В комнате снова стало тихо. Над головами громко хлопнула крыша из гофрированного железа — на полуденной жаре она расширялась и коробилась. Было слышно, как учащенно дышит Хейг, которому кровь бросилась в лицо.

— Майк, перестань, — прошептал Андрэ. — Он ведь просто так.

Ярость Хейга сменилась отвращением, он опустил занесенную руку и, повернувшись, взял с соседней кровати свою винтовку.

— Больше не могу терпеть вонь в этой комнате. Подожду тебя в грузовике, Брюс.

— Я скоро, — отозвался Брюс, когда Майк уже подошел к двери.

— Не испытывай судьбу, Хейг, — крикнул ему вдогонку Уолли. — В следующий раз так просто не отделаешься.

Майк Хейг резко обернулся, но Брюс положил руку ему на плечо.

— Не обращай внимания, Майк, — сказал он и закрыл за другом дверь.

— Ему чертовски повезло, что он старик, — проворчал Уолли. — А то я бы его так отделал…

— Несомненно, — согласился Брюс. — Ты поступил благородно, отпустил с миром.

Пена у него на лице уже высохла, и он намочил кисточку, чтобы снова нанести мыло.

— Ага. Не мог же я ударить старика, правда?

— Да уж. — Брюс слегка улыбнулся. — Не волнуйся, ты его так напугал, что он больше не сунется.

— Пусть только попробует! — запальчиво воскликнул Хендри. — В следующий раз убью!

«Не убьешь, — подумал Брюс. — Ты отступишь, как сейчас и как десять раз до этого. Ты отступаешь только передо мной и Майком. Так зверь рычит на своего дрессировщика, но приседает и съеживается, когда тот щелкает бичом».

Он продолжил бритье.

Из-за невыносимой жары в комнате было трудно дышать. Кислый запах пота смешивался с сигаретным дымом и парами спиртного.

— Куда вы с Майком идете? — прервал Андрэ затянувшуюся паузу.

— Попробуем раздобыть провиант и боеприпасы в дорогу. Потом отвезем на пакгауз, а Раффи поставит там вооруженную охрану.

Брюс наклонился над раковиной и плеснул в лицо водой.

— Надолго едем?

Брюс пожал плечами:

— На неделю или дней десять. — Он присел на кровать, натянул ботинок. — Это если не будет неприятностей.

— Каких неприятностей? — переспросил Андрэ.

— От Мсапы и дальше все кишмя кишит балуба.

— Так мы же на поезде, — запротестовал Андрэ. — А у них только луки и стрелы.

— Андрэ, нам нужно пересечь семь рек — из них одна довольно крупная. Мосты очень легко уничтожить, а рельсы разобрать. — Брюс завязывал шнурки. — Вряд ли нас ждет школьный пикник.

— Черт. Все это дурно пахнет, — мрачно повторил Уолли. — Зачем нам туда ехать?

— Затем, — терпеливо стал объяснять Брюс, — что население Порт-Реприва уже три месяца отрезано от остального мира. Там женщины и дети. У них кончается еда и другие предметы первой необходимости. — Брюс закурил сигарету и, выпустив дым, продолжил: — Район в кольце бунтующих балуба, которые без разбора жгут, насилуют и убивают. На город они еще не нападали, но за этим дело не станет. Ходят слухи, что мятежные отряды гарнизона центрального Конго и некоторые из наших частей объединились в банды хорошо вооруженных партизан — шуфта. Они зверствуют в северных районах. Никто точно не знает, что там делается. Мы должны вывезти мирных жителей в безопасное место.

— А почему ООН не вышлет самолет? — спросил Андрэ.

— Нет посадочной полосы.

— А вертолет?

— Не долетит.

— Вот пусть эти ублюдки там и остаются. Я туда не полезу, — проворчал Уолли. — Если балуба хочется человечинки, кто мы такие, чтобы отвлекать их от еды? Есть все хотят. И пусть едят. Только не меня.

Он поставил ногу на спину Андрэ и с силой выпрямил, столкнув бельгийца с кровати. Тот упал на колени.

— Иди найди мне красотку.

— Там никого нет, Уолли. Я тебе лучше налью еще виски.

Андрэ встал и потянулся за пустым стаканом, но Хендри перехватил его руку.

— Я сказал «красотку», а не «виски».

— Я не знаю, где их искать, Уолли, — отчаянно запротестовал Андрэ. — Я не знаю, что им говорить.

— Тупой ты парень. А если я тебе руку сломаю? — Уолли стал медленно выкручивать ему запястье. — Ты же не хуже меня знаешь, что внизу в баре их полно. Ведь знаешь же?

— Но что мне им сказать? — Андрэ скорчился от боли.

— Черт тебя подери, безмозглый лягушатник! Просто махни им купюрой, и даже рта раскрывать не придется.

— Уолли, больно же!

— Да что ты? Шутишь.

Уолли улыбнулся, продолжая выкручивать руку. Он смотрел мутным пьяным взглядом и явно получал удовольствие.

— Так ты пойдешь, приятель? Решай: или приводишь мне красотку, или я ломаю тебе руку.

— Хорошо, если ты так хочешь, я пойду. Пожалуйста, пусти, я пойду, — простонал Андрэ.

— Вот и славно.

Уолли выпустил бельгийца, и тот выпрямился, потирая руку.

— Смотри, чтоб была чистая и не старая. Слышишь?

— Да, Уолли. Я найду.

На лице Андрэ застыла страдальческая гримаса — и не только из-за физической боли. Он направился к двери.

«Что за интересные существа, — подумал Брюс, — и я один из них, но все равно не с ними. Я наблюдатель, и у меня они вызывают недовольство не больше, чем плохая пьеса».

Андрэ вышел.

— Еще выпьешь, братишка? — развязно предложил Уолли. — Я даже тебе налью.

— Спасибо, — ответил Брюс и стал натягивать второй ботинок.

Уолли протянул ему стакан. Брюс сделал глоток: крепкий коктейль, вот только чуть прелый вкус виски плохо сочетается с мягкой сладостью пива. Что ж, пришлось выпить.

— Мы с тобой, — сказал Уолли, — сильные люди. Мы пьем, потому что хотим, а не потому что вынуждены. Мы живем как хотим, а не по чьей-то указке. У нас с тобой много общего, Брюс. Нам надо подружиться, раз уж мы так похожи.

Алкоголь уже начал действовать — язык слегка заплетался.

— Конечно, мы друзья. Ты для меня один из самых близких, Уолли. — Брюс говорил серьезно, без всякого сарказма.

— Не шутишь? — горячо спросил Уолли. — Черт, я всегда думал, что ты меня недолюбливаешь. Никогда не загадаешь наперед, правда? — Он с удивлением покачал головой, расчувствовавшись от виски. — Правда, я тебе нравлюсь? Мы могли бы быть товарищами. Как тебе, Брюс? Каждому нужен товарищ. Каждому нужно надежное плечо.

— Конечно, — сказал Брюс. — Мы товарищи. Как тебе, а?

— Здорово, братишка! — кивнул Уолли с глубоким чувством.

«А я ничего не чувствую, — подумал Брюс, — ни отвращения, ни сожаления — ничего. Так ты в безопасности. Тебя нельзя ни разочаровать, ни возмутить, ни расстроить. Тебя нельзя снова уничтожить».

Оба подняли головы, когда в комнату вошел Андрэ, ведя девушку. У нее было маленькое курносое лицо и чувственные, ярко накрашенные губы — рубин на янтаре.

— Прекрасно, Андрэ, — зааплодировал Уолли, рассматривая девушку — миловидную, на высоких каблуках и в коротком розовом платье с широкой пышной юбкой, не доходившей до колен. — Заходи, цыпочка.

Уолли протянул ей руку, и девушка не колеблясь подошла к нему, сияя профессиональной улыбкой. Хендри усадил ее рядом с собой на кровать.

Андрэ все еще стоял в дверях. Брюс надел камуфляжную куртку, застегнул потертый ремень и сдвинул кобуру с пистолетом на бедро.

— Уходишь?

Уолли поил девушку из своего стакана.

— Да.

Брюс нахлобучил на голову панаму: красно-зелено-белая эмблема войск Катанги на тулье придавала ему опереточный вид.

— Останься, ну же, Брюс.

— Меня ждет Майк.

Брюс взял винтовку.

— К черту его. Останься, повеселимся.

— Нет, спасибо.

Брюс пошел к двери.

— Эй, Брюс. Взгляни-ка.

Уолли опрокинул девушку на кровать и прижал ее рукой. Девушка игриво сопротивлялась. Другой рукой он задрал ей платье выше талии.

— Посмотри хорошенько и скажи, что ты все еще хочешь уйти!

Под платьем девушка была абсолютно голая, неприятно выпирала округлость гладко выбритого лобка.

— Давай, Брюс! — загоготал Уолли. — Ты первый. И не говори, что я тебе не товарищ.

Брюс взглянул на девицу. Хихикая, она сучила ногами и извивалась всем телом, борясь с Уолли.

— Мы с Майком вернемся к началу комендантского часа. Чтобы этой женщины здесь уже не было, — сказал Брюс.

«Нет и желания, — подумал он, глядя на девицу. — Все кончено». Он открыл дверь.

— Керри! — крикнул Уолли. — Ты еще и придурок. Я то думал, ты мужчина, черт побери, а ты такой же, как все! Андрэ — куколка. Хейг — пьянчуга. А ты что? С бабами проблемы? Да ты не мужик!

Брюс закрыл дверь, постоял в коридоре и усилием воли отвратил от себя жало издевки, прошедшей сквозь пробоину в броне.

«Все кончено. Она меня больше не тронет», — решительно сказал он себе и вспомнил женщину — не ту, которую привели в комнату, а свою бывшую жену.

— Сука, — прошептал он и быстро с виноватым видом добавил: — Ненависти нет. И желания тоже.

2

Вестибюль гостиницы «Гранд-отель Леопольд II» кишел народом. Рядовые хвастливо выставляли напоказ свое оружие, громко разговаривали и оглушительно смеялись, наваливаясь на стойку бара; с ними были женщины с кожей всех оттенков — от черного до светло-коричневого. В стороне стояли несколько бельгийцев с ошеломленным взглядом: беженцы, сразу видно. Одна женщина плакала, укачивая на руках младенца. Белые в гражданской одежде, с настороженными, беспокойными глазами, выдававшими в них искателей приключений, разговаривали с одетыми в деловые костюмы африканцами. Небольшая группа журналистов терпеливо, словно стая стервятников, сидела за столом и выжидала.

Все взмокли на жаре.

Два южноафриканца — пилоты чартерных рейсов — окликнули Брюса с другого конца зала.

— Привет, Брюс. По стаканчику?

— Дейв, Карл, — помахал им Брюс. — Сейчас спешу, давайте вечером.

— Мы днем вылетаем. — Карл Энгельбрехт покачал головой. — Назад только на следующей неделе.

— Ладно, договорились, — кивнул Брюс и вышел из гостиницы на авеню дю Касаи. Слепящий свет, отразившись от выкрашенных в белый цвет домов, ударил в лицо. Брюс поморщился от нахлынувшей жары и почувствовал, как тело под камуфляжем вновь стало покрываться потом. Он вынул из нагрудного кармана темные очки, надел их и направился через улицу к трехтонке-«шевроле», где ждал Майк Хейг.

— Я поведу, Майк.

— Ладно.

Майк перелез на соседнее сиденье, и, взобравшись в кабину, Брюс повел грузовик по авеню дю Касаи строго на север.

— Извини за сцену, Брюс.

— Ничего, все живы.

— Зря я вышел из себя.

Брюс не ответил, оглядывая брошенные дома по обеим сторонам дороги. Многие были разграблены, а на стенах виднелись следы от шрапнели. Время от времени вдоль тротуара попадались обгоревшие остовы автомобилей, словно панцири погибших жуков.

— Надо было не обращать внимания, но правда чертовски жжется…

Брюс молча выжал педаль газа, и грузовик набрал скорость.

«Я не хочу слушать. Я тебе не духовник, я не хочу слушать».

Он свернул на авеню Л’Этуаль и направил машину к зоопарку.

— Уолли прав, насквозь меня видит, — не отставал Майк.

— У каждого свои скорби, иначе нас бы здесь не было, — заметил Брюс и добавил, чтобы поднять Майку настроение: — Мы горсточка счастливцев, братьев.

Майк неожиданно улыбнулся, совсем по-мальчишески.

— По крайней мере мы — наемники — имеем честь принадлежать ко второй древнейшей профессии.

— Древнейшая профессия лучше оплачивается и приносит больше удовольствия, — сказал Брюс и повернул руль. Подведя грузовик к двухэтажному зданию, он припарковался у входа и выключил мотор.

Еще недавно здесь жил главный бухгалтер горнорудной компании «Юнион миньер дю О-Катанга»; сейчас в доме квартировало подразделение «Д» войск спецназа под командованием капитана Брюса Керри.

Человек шесть чернокожих рядовых сидели в тени на террасе и, когда Брюс поднялся по лестнице, прокричали приветствие, ставшее традиционным после введения войск ООН:

— ООН — merde[1]!

Брюс улыбнулся. За последние месяцы между ними установились товарищеские отношения.

— А, сливки армии Катанги!

Он угостил рядовых сигаретами, обмолвился парой слов, а потом спросил:

— Где сержант-майор?

Один из солдат указал на стеклянную дверь, ведущую в гостиную, и Брюс с Майком прошли внутрь.

На дорогой мебели в беспорядке было навалено снаряжение, из камина торчали пустые бутылки, один солдат храпел, растянувшись на персидском ковре, картина на стене, прорванная штыком, висела косо, а кофейный столик из пробкового дерева припал, как пьяный, на сломанную ногу. В комнате пахло мужчинами и дешевым табаком.

— Привет, Раффи, — сказал Брюс.

— Как кстати, босс. — Не помещавшийся в кресле сержант-майор Раффараро радостно улыбнулся. — Эти чертовы арабы все выпили.

Он кивнул на солдат, столпившихся вокруг его стола. «Арабом» вне зависимости от национальности Раффи называл любого в знак презрения или неодобрения. Речь Раффи всегда приводила Брюса в замешательство. Никак нельзя было ожидать, что такая чернокожая громадина вдруг загремит чистым американским выговором. Три года назад Раффи вернулся из Штатов со знанием языка, дипломом агронома, чудовищной любовью к бутылочному пиву (желательно «Шлиц», но другое тоже не помешает) и жестокой формой гонореи — прощальным подарком светлокожей мулатки, второкурсницы Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Воспоминания об этом одолевали Раффараро, а после выпивки — особенно болезненно. Успокоиться он мог, только если метнет подальше какого-нибудь гражданина Соединенных Штатов. Едва ничего не подозревающий американец и пять-шесть галлонов пива одновременно оказывались в

непосредственной близости от Раффи, в сержант-майоре пробуждалась дремавшая расовая неприязнь и находила выход, что являло незабываемое зрелище и для потерпевших, и для зрителей. Однажды вечером в отеле «Лидо» Брюс стал свидетелем одного из самых виртуозных бросков Раффи.

В тот раз жертвами оказались трое журналистов известных изданий. Ближе к вечеру они беседовали все громче, а благодаря тому, что американский выговор доносился до присутствующих со скоростью хорошо пущенного мяча для гольфа, Раффи услышал его с другого конца зала. Он молча выхлебал последний, необходимый для баланса галлон пива, утер пену с верхней губы и встал, не отводя глаз от американцев.

— Раффи, подожди. Стой!

Сержант-майор, будто не слыша окликов, направился через зал. Американцы заметили его и смущенно притихли.

Первая попытка оказалась тренировочной: парень не отвечал аэродинамическим требованиям из-за большой сопротивляемости своего живота. Бросок на двадцать футов.

— Раффи, оставь их в покое! — крикнул Брюс.

К следующей попытке Раффи уже разогрелся, но взял слишком высоко. Дальность полета — тридцать футов. Журналист пролетел через весь зал и приземлился на лужайке у входа, все еще сжимая в руке стакан.

— Беги, идиот! — предостерег Брюс третьего недотепу, но того словно парализовало.

На этот раз Раффи превзошел себя. Он ухватил «снаряд» поудобнее — за шиворот и ремень брюк — и размахнулся со всей силы. Должно быть, он осознавал, что это его лучший бросок, потому что сопроводил попытку торжествующим криком «Гонор-р-р-рея!»

Позже Брюс успокоил американцев. Те пришли в себя и, осознав, что им оказана великая честь быть причастными к установлению рекорда в метании, принялись мерить шагами дальность полетов. Проникнувшись к Раффи почти собственническим чувством, они целый вечер угощали его пивом и хвастались каждому новому посетителю. Один из американцев — тот, которого швырнули последним и дальше всех, — захотел написать статью о Раффи и сопроводить ее фотографиями. К концу вечера он вдохновенно разглагольствовал о том, что нужно включить метание людей в программу Олимпийских игр.

Раффи со скромной признательностью принимал и похвалу, и пиво. Один из американцев даже предложил метнуть его еще раз, однако

сержант-майор отказался — мол, он никогда не метает одного человека дважды. Короче говоря, вечер удался.

В общем, несмотря на отдельные досадные недоразумения, Раффи обладал крепчайшим телом и вполне здоровым духом и потому был симпатичен Брюсу.

Вот и сейчас, когда Раффи предложил сыграть в карты, Керри не смог удержаться от улыбки.

— Сейчас есть дело. Как-нибудь в другой раз.

— Садитесь, босс, — повторил Раффи, и Брюс, скорчив покорную гримасу, опустился на стул напротив.

— Сколько поставите? — спросил Раффи, подаваясь вперед.

— Un mille. — Брюс достал банкноту в тысячу франков. — Вот проиграю — и пойдем.

— Спешки нет, — успокоил Раффи, выкладывая три карты рубашкой вверх. — У нас целый день. Славный христианский монарх где-то здесь. Отгадайте где — и mille ваша.

— В середине, — прошептал стоящий за спиной Брюса солдат. — Вон он.

— Не обращайте внимания на этого безумного араба. Он с утра уже пять тысяч проиграл, — заметил сержант-майор.

Брюс перевернул правую карту.

— Не повезло, — позлорадствовал Раффи. — Вам досталась дама червей — дама сердца. — Он взял банкноту и засунул ее в нагрудный карман. — Она уж постарается вас провести, эта сладколицая сучка. — Улыбаясь, он перевернул среднюю карту — валета пик с хитрыми глазами и изящно подкрученными усиками. — Вот, спала с валетом прямо под носом у короля. — Он перевернул третью карту. — А сонный старикан смотрит совсем не туда.

При виде карт Брюса замутило. Все сошлось; только дама его сердца не обладала таким невинным взглядом, а «валет» носил бороду и водил красный «ягуар».

— Все, хватит, Раффи, — резко сказал Брюс. — Возьми десяток солдат и пойдем со мной.

— Куда?

— На склад, раздобыть кое-какое снаряжение.

Раффи засунул колоду в карман и стал отбирать рядовых. Потом обратился к Брюсу:

— Не мешало бы взять топлива, как считаете, босс?

Брюс помедлил с ответом. От дюжины сворованных в августе ящиков выпивки осталось всего два, а бутылка настоящего шотландского виски обладала такой большой покупательной способностью, что Брюс использовал спиртное только в исключительных обстоятельствах. Впрочем, сейчас ему стало ясно, что без взятки интенданту вероятность получить на складе необходимое снаряжение стремится к нулю.

— Ладно, Раффи. Принеси ящик.

Раффи встал из-за стола и нахлобучил на голову стальной шлем — завязки болтались по обе стороны черного круглого лица сержант-майора.

— Целый ящик? — Он улыбнулся Брюсу. — Хотите купить военный корабль?

— Почти, — ответил Брюс. — Давай неси.

Раффи исчез в глубине дома и вскоре появился, неся под мышкой ящик виски «Грантс Стендфаст» и прихватив за горлышки шесть бутылок пива «Симба».

— Вдруг жажда замучает, — объяснил он.

Солдаты, клацая оружием, забрались в кузов грузовика. Им вслед неслась веселая брань товарищей, оставшихся на террасе. Брюс, Майк и Раффи залезли в кабину, и Раффи, засунув ящик с виски себе под ноги, оперся на него огромными ботинками.

— А что случилось, босс? — спросил он.

Брюс вывел грузовик из переулка и, свернув на авеню Л’Этуаль, принялся рассказывать. Раффи выслушал, буркнул что-то непонятное и открыл бутылку пива крепкими, как долото, белыми зубами. С легким шипением пена потекла по стеклу и закапала Раффи на колени.

— Моим ребятам это не понравится, — сказал он, протягивая открытую бутылку Майку Хейгу. Майк покачал головой, и Раффи передал пиво Брюсу. Открыв еще одну бутылку, сержант-майор продолжил: — А еще хуже будет, когда мы доберемся до Порт-Реприва и заберем алмазы.

Вздрогнув, Брюс искоса взглянул на него:

— Какие алмазы?

— Выкопанные, — ответил Раффи. — Вы что, решили, что нас посылают спасать поселенцев? Все из-за алмазов, точно говорю!

Внезапно прояснилось многое из того, чего Брюс прежде не понимал. В памяти всплыл почти забытый разговор с инженером из «Юнион миньер». Они говорили про три земснаряда, которые выкапывали гравий со дна болот по берегам Луфиры. Суда базировались в Порт-Реприве и, конечно, вернулись туда при первой же тревоге. Они все еще там, с полным грузом алмазов, добытых за три или четыре месяца. Это примерно полмиллиона фунтов стерлингов неграненых камней. Вот почему правительство Катанги возлагало столь большие надежды на эту экспедицию, вот почему задействованы такие мощные силы и вот почему для проведения спасательной операции не стали обращаться к командованию миротворческого контингента ООН.

Брюс саркастически усмехнулся, вспомнив, какие «гуманитарные» доводы приводил ему министр внутренних дел: «Это наш долг, капитан Керри. Мы не можем оставить поселенцев на сомнительную милость туземцев. Это наш долг как цивилизованных людей».

Связи со многими отдаленными миссиями и государственными учреждениями Катанги и южной части провинции Касаи не было многие месяцы, никаких новостей оттуда не поступало, но благополучие тамошних жителей почему-то заботило правительство гораздо меньше, чем положение дел в Порт-Реприве.

Брюс отхлебнул пива, удерживая руль одной рукой, и взглянул поверх бутылки на дорогу. «Ладно, привезем мы груз, его упакуют в ящик для патронов — и на самолет. А потом счет в Цюрихе пополнится солидной суммой. Так о чем беспокоиться? Мне хорошо платят».

— Думаю, не стоит говорить моим ребятам про алмазы, — печально сказал Раффи.

Брюс притормозил и въехал в промышленную зону близ железной дороги. Он всматривался в каждое проплывающее мимо здание, пока наконец не увидел нужное ему. Он свернул с дороги и, остановив машину у входа, пару раз нажал на клаксон. Вышел солдат, тщательно проверил пропуск и что-то крикнул охранникам. Ворота открылись. Брюс завел грузовик во двор и выключил двигатель.

Во дворе стояло несколько грузовиков, украшенных гербом Катанги и окруженных солдатами в мокрой от пота форме. Из одной кабины высунулся лейтенант:

— Чао, Брюс!

— Как дела, Серджио? — откликнулся Брюс.

— Ужасно! Ужасно!

Брюс улыбнулся. Итальянцу все казалось ужасным. Брюс вспомнил, как в июле, в разгар боя у моста, он повалил лейтенанта на капот джипа и штыком выковырял осколок шрапнели из волосатой задницы итальянца. Это тоже было ужасно.

— Ладно, еще увидимся, — махнул ему Брюс и повел Майка и Раффи через двор к зданию склада.

На большой двустворчатой двери висела табличка «Dйpyt Ordinance — Armйe du Katanga»[2]. В кабинете за столом, отделенным стеклянной перегородкой, сидел похожий на жизнерадостную черную жабу майор в круглых, как у Ганди, очках со стальными дужками. Он поднял голову.

— Non[3], — решительно сказал он. — Non, non.

Брюс достал листок заявки и положил его перед майором. Тот презрительно оттолкнул его в сторону.

— У нас этого нет, все закончилось. Ничем не могу помочь. Не могу! Порядок нарушать нельзя. К тому же надо учитывать обстоятельства. Нет, извините.

Он схватил со стола пачку бумаг и, отвернувшись от Брюса, углубился в их изучение.

— Заявка подписана господином президентом, — негромко сказал Брюс.

Майор отложил бумаги и, выйдя из-за стола, подошел вплотную к Брюсу. Его макушка доходила капитану лишь до подбородка.

— Да хоть самим Всемогущим! Извините, ничем помочь не могу.

Брюс прошелся глазами по горам оборудования и снаряжения, занимавших все пространство склада. Со своего места он разглядел по меньшей мере штук двадцать нужных ему предметов. Майор заметил это и так возбужденно и быстро залопотал на французском, что Брюс улавливал лишь часто повторяющееся слово «Non». Он многозначительно взглянул на Раффи. Тот вышел вперед и, успокаивающе приобняв майора за плечо, повел его, все еще упиравшегося, во двор к грузовику. Открыв дверцу кабины, Раффи продемонстрировал майору ящик виски, штыком поддел крышку и позволил майору проверить печати на пробках.

Через несколько минут майор и Раффи вернулись в кабинет. Сержант-майор нес ящик.

— Капитан, — сказал майор, взяв со стола заявку, — я понял, что ошибался. Она действительно подписана господином президентом. Мой

долг — предоставить вам внеочередной приоритет. — Брюс пробормотал спасибо, и майор широко улыбнулся. — Я дам вам своих людей в помощь.

— Вы очень любезны, но не стоит отрывать их от неотложных дел. У меня есть люди.

— Отлично, — обрадовался майор и обвел помещение пухлой ручкой: — Берите что нужно.

3

Брюс взглянул на часы. До конца комендантского часа — до шести утра — оставалось двадцать минут. Все это время он вынужден был смотреть, как Уолли Хендри завтракает. Зрелище малопривлекательное — Хендри ел методично, но неаккуратно.

— Ты можешь есть с закрытым ртом? — не выдержал Брюс, не в силах больше терпеть.

— Без твоих советов обойдусь! — Хендри оторвался от тарелки. Утыканный рыжей щетиной подбородок и воспаленные, распухшие глаза напоминали о вчерашней оргии.

Брюс отвел взгляд и снова посмотрел на часы.

Огромных усилий стоило не поддаться безумному искушению и не отправиться на станцию немедленно. Если рискнуть, то в лучшем случае будет арест и двенадцать часов задержки, пока все разрешится. В худшем — стрельба и несчастный случай.

Он налил себе еще одну чашку кофе и медленно отпил. «Нетерпение — моя слабость, — подумал он. — Все мои ошибки из-за него. Хотя с возрастом я все-таки изменился к лучшему: в двадцать лет хотел прожить жизнь за неделю, а теперь и за год сойдет».

Допив кофе, Брюс вновь сверился с часами. Без пяти шесть, уже можно — как раз до грузовика дойти.

— Надеюсь, вы готовы, господа.

Он оттолкнул стул, взял рюкзак и, закинув его на плечо, вышел из комнаты.

Раффи сидел на груде камней в одном из ангаров из гофрированного железа. Его солдаты, разведя с десяток небольших костров на бетонном полу, готовили завтрак.

— Где поезд?

— Хороший вопрос, босс, — оценил Раффи.

— Он давно уже должен быть здесь, — со стоном заметил Брюс.

— «Должен быть» совсем не то, что «есть», — пожал плечами сержант-майор.

— Черт! — не выдержал Брюс. — А нам еще грузиться. Теперь раньше полудня точно не уедем. Пойду к начальнику станции.

— Лучше с подарком, босс. У нас еще остался ящик.

— Нет, черт побери! — прорычал Брюс. — Майк, пошли со мной.

Вместе они перешли пути и вскарабкались на главный перрон, где оживленно беседовала группа железнодорожных служащих. Брюс с яростью на них обрушился.

* * *

Два часа спустя состав, пыхтя, направлялся к складскому двору. Брюс стоял на подножке кабины машиниста.

— Monsieur[4], вы ведь не в Порт-Реприв? — обеспокоенно спросил темнокожий коротышка-машинист, сверкнув белыми зубами и ярко-красным пластиком десен вставной челюсти.

— Именно туда.

— Ничего не известно о качестве путей. Туда вот уже четыре месяца транспорт не ходит.

— Я знаю. Будем продвигаться осторожно.

— Рядом со старым аэродромом на железной дороге стоит пост ООН, — возразил машинист.

— У нас пропуск есть. — Брюс ободряюще улыбнулся. Его плохое настроение испарилось, как только он получил средство передвижения. — Останови возле первого ангара.

Тормоза зашипели, и состав замер у бетонного перрона. Брюс соскочил с подножки.

— Ну, Раффи, за дело! — крикнул он.

Первыми в составе Брюс поставил три открытые товарные платформы с бронированными бортами — их легче оборонять. Из-за бортов, доходивших до груди, ручными пулеметами «брен» простреливался бы перед и фланги. Затем следовали два пассажирских вагона — там будет каптерка и помещение для офицеров, а на обратном пути там

разместятся беженцы. Наконец, последним шел локомотив — в конце поезда он менее уязвим, да и не дымит на весь состав.

Припасы загрузили в четыре купе и наглухо закрыли окна и двери. Затем Брюс принялся за устройство обороны. На крыше одного из вагонов он поместил пулемет, окружив его мешками с песком, и организовал себе пост, откуда хорошо просматривались открытые платформы, локомотив и, конечно же, окрестности. Остальные пулеметы он поставил на переднюю платформу и поручил командование Хендри. Взятые со склада три новые рации Керри распределил так: одну отдал машинисту, вторую Хендри, а третью оставил себе. Связь обеспечена.

К полудню приготовления завершили, и Брюс повернулся к Раффи, который сидел рядом с ним на мешках с песком:

— Все?

— Все, босс.

— Скольких нет?

Брюс знал по опыту, что никогда все сразу не собираются.

— Восьмерых, босс.

— Как, еще трое? Значит, у нас только пятьдесят два человека. Как ты думаешь, эта троица тоже рванула в лес?

Пятеро из его солдат дезертировали с оружием в день прекращения огня. Видимо, они присоединились к одной из банд шуфта, которые разбойничали на дорогах, атаковали из засады неохраняемый транспорт, при любой возможности насиловали. Редкие счастливчики из пленных отделывались побоями, а те, кому повезло меньше, становились трупами. В общем, бандиты хорошо проводили время.

— Нет, босс. Эти трое — хорошие ребята. Они, наверное, развлекаются в cité indigène[5] и совсем забыли о времени. — Раффи покачал головой. — Мы их найдем за полчаса, только надо обойти все бордели. Выполнять?

— Отставить. Некогда. Нам засветло нужно быть на Мсапе. Ну ничего, вот вернемся и заберем их.

«Интересно, — подумал Брюс, — когда еще в армии со времен англо-бурской войны так спокойно относились к дезертирству?»

Он взял рацию и нажал кнопку приема.

— Машинист.

— Oui, monsieur[6].

— Трогай, только медленно. Остановишь состав недалеко от поста ООН.

— Oui, monsieur.

Состав плавно выехал со складского двора, постукивая на стрелках. Справа остался промышленный квартал, где на перекрестке авеню дю Симетьер стояли вооруженные часовые армии Катанги. Через некоторое время поезд проехал окраины, и впереди замаячил пост ООН. Внутри Брюса нарастало беспокойство. Пропуск, который лежал у него в кармане, был подписан генералом Ри Сингхом. Раньше на этой войне еще никогда не передавали приказы индийского генерала ирландскому сержанту через суданского капитана. Прием обещал быть неравнодушным.

— Я надеюсь, что они про нас знают.

Майк с деланным безразличием закурил сигарету, внимательно и тревожно вглядываясь в кучи свежей земли по обе стороны путей — места огневых позиций.

— У этих ребят есть базуки, а сами они ирландские арабы, — пробормотал Раффи. — Из всех арабов самые сумасшедшие — ирландцы. Не хотите получить из базуки в глотку, босс?

— Нет, спасибо, Раффи, — отказался Брюс и нажал кнопку рации. — Хендри!

На головной платформе Уолли Хендри взял аппарат и, держа его на уровне груди, оглянулся на Брюса.

— Керри?

— Прикажи канонирам отойти от пулеметов, а остальным положить винтовки на пол.

— Есть.

Уолли стал пробираться по платформе, отталкивая солдат от бортов. Брюс чувствовал напряжение, навалившееся на поезд, смотрел, как его люди неохотно кладут на пол винтовки и стоят с пустыми руками, угрюмо глядя на приближающийся пост ООН.

— Машинист! — вновь сказал Брюс в рацию. — Снизь скорость. Остановись в пятидесяти метрах от поста. Если будет хоть один выстрел, открывай дроссель и несись мимо них на полной мощности.

— Oui, monsieur.

Похоже, что навстречу поезду делегацию не выслали. Виднелось только зловещее заграждение из кольев и бочек из-под горючего на путях.

Стоя на крыше, Брюс спокойно поднял руки над головой в знак мирных намерений — и напрасно. Жест словно вывел его солдат из оцепенения, взметнулись руки со сжатыми кулаками.

— ООН — merde! — воскликнул один из рядовых.

Крик тут же подхватили другие, и по составу понесся воинственный клич, сначала в шутку, а потом и всерьез. Голоса становились все громче.

— ООН — merde! ООН — merde!

— Заткнитесь, чтоб вас! — заорал Брюс и шлепнул по голове ближайшего к нему солдата. Тот словно и не заметил: глаза его туманила заразная истерия, которой так подвержены африканцы. Рядовой подхватил с пола винтовку и прижал ее к груди, а все его тело дергалось в ритм возгласу.

Брюс подцепил край его стальной каски и спихнул ее солдату на глаза, оголив шею. Удар дзюдо — и рядовой свалился на мешки с песком, а винтовка выпала из рук. Керри в отчаянии огляделся: истерия расползалась.

— Остановите их, Хендри, де Сурье! Остановите их, черт подери!

Голос капитана потонул в рокоте толпы.

Один рядовой схватил винтовку с пола и пробирался к борту, собираясь начать стрельбу. Он передернул затвор.

— Муамбэ! — заорал Брюс, но не смог перекричать рев.

Мгновение — и все взорвется огнем из базук и пулеметов.

Брюс задержался на краю крыши и, рассчитав расстояние, прыгнул солдату на плечи. Под тяжестью Брюса рядовой рухнул, ударившись лицом о стальной борт, и вместе с капитаном повалился на пол. Палец солдата соскользнул со спускового крючка, винтовка вырвалась из рук, и раздался выстрел. Тут же наступила тишина. Брюс поднялся на ноги, вынимая пистолет из брезентовой кобуры на поясе.

— Так, — тяжело дыша, выдавил он, оглядываясь вокруг. — Кто-нибудь хочет попробовать? — Он поймал взгляд одного из своих сержантов. — Ты! Давай, стреляй, я жду!

При виде револьвера тот обмяк, и выражение безумия постепенно сошло с его лица. Он опустил глаза и неловко переступил с ноги на ногу.

Брюс оглянулся на Раффи и Майка, стоящих на крыше, и громко сказал:

— Следите за ними. Пристрелите первого, кто опять начнет.

— Есть, босс. — Раффи перекинул винтовку из одной руки в другую. — Ну, кто первый? — бодро вопросил он, глядя вниз.

Настроение отряда переменилось, открытый бунт уступил место робости. Послышался тихий гул голосов.

— Майк, — с тревогой крикнул Брюс, — предупреди машиниста, он пытается провести поезд без остановки!

Звук двигателя стал громче — заслышав выстрел, машинист увеличил скорость, — и поезд на всех парах мчался к посту ООН.

Майк Хейг схватил рацию, что-то прокричал в нее. Поезд, взвизгнув тормозами, остановился в ста ярдах от заграждений.

Брюс неторопливо взобрался на крышу вагона.

— Пронесло? — спросил Майк.

— Черт! — Брюс потряс головой и слегка дрожащими руками зажег сигарету. — Еще пятьдесят ярдов, и… — Он повернулся и оглядел солдат. — Сволочи! В следующий раз, когда соберетесь покончить с собой, на меня не рассчитывайте. — Рядовой, которого он сбил с ног, сидел на полу, потирая огромный синяк над глазом. — Друг мой, — повернулся к нему Брюс, — у меня до тебя еще дойдут руки. — И затем к другому, который растирал шею: — И до тебя тоже! Сержант-майор, запишите их фамилии!

— Есть! — рявкнул Раффи.

— Майк. — Голос Брюса смягчился. — Пойду подольщусь к парням с базуками. Как только подам сигнал, трогайтесь.

— Может, мне с тобой пойти? — спросил Майк.

— Нет, останься здесь.

Брюс взял винтовку, закинул ее за спину и, соскользнув на землю по приставной лестнице, зашагал прочь. Гравий хрустел у него под ногами.

«Хорошенькое начало экспедиции, — подумал он мрачно. — Еще не выехали за пределы города, а уже чуть не попали в переделку. Ну, хорошо хоть эти придурки-ирландцы в свалке не выпустили пару-тройку гранат из базуки».

Капитан прищурился и разглядел верхушки касок над земляными укреплениями.

Без ветра, который сопровождал движение поезда, становилось жарко. Брюс снова покрылся потом.

— Ни с места, мистер, — раздался из-за укрепления чей-то глубокий звучный голос с ирландским акцентом.

Керри замер на деревянной шпале. Теперь ему были видны лица людей под касками — хмурые, неулыбчивые.

— Что за стрельба? — продолжал все тот же голос.

— Случайность.

— Больше не допускайте, а то у нас тоже может произойти случайность.

— Не хотелось бы, Пэдди.

Брюс улыбнулся уголками губ, а ирландец чуть раздраженно продолжал:

— Куда и зачем направляетесь?

— У нас есть пропуск, хотите взглянуть? — Брюс достал из нагрудного кармана свернутый листок.

— Куда и зачем направляетесь? — повторил ирландец.

— Направляемся в Порт-Реприв, вывезти жителей.

— Ага, нас предупреждали, — кивнул ирландец, блеснув тремя капитанскими звездочками на погонах. — Покажите пропуск.

Брюс сошел с путей и, взобравшись по земляному валу, отдал ирландцу розовый бланк. Капитан пробежал глазами пропуск и обратился к стоящему рядом:

— Все в порядке, сержант, убирайте заграждения.

— Можно пускать состав? — спросил Брюс.

Ирландец снова кивнул.

— Смотрите мне, чтобы больше случайностей не было. Мы не жалуем наемных убийц.

— Непременно, Пэдди. Это не твоя война, и ты тут ни при чем, — огрызнулся Брюс, спрыгнул на рельсы и помахал Майку Хейгу, стоявшему на крыше вагона.

Сержант-ирландец и несколько рядовых расчистили пути. Пока состав с грохотом подползал ближе, Брюс пытался побороть раздражение. Колкость ирландца ранила его. «Наемный убийца…» Да, он им и был. Способен ли человек опуститься еще ниже?

Поезд поравнялся с ним, и Брюс, схватившись за поручни, вскочил на площадку. Насмешливо махнув на прощание ирландскому капитану, он вскарабкался на крышу.

— Ну что там они? — спросил Майк.

— Надерзили оперным голосом, — ответил Брюс, — а так ничего серьезного.

Он взял рацию.

— Машинист.

— Monsieur?

— Не забудь мои инструкции.

— Я не буду превышать сорока миль в час и остановлю в любую секунду.

— Хорошо!

Брюс выключил рацию и сел на мешок с песком между Раффи и Майком.

«Ну, — подумал он, — наконец-то едем. Шесть часов до Мсапы. Это еще ничего. А вот дальше... Бог знает, один Бог знает...»

Пути повернули, и беленые дома Элизабетвиля исчезли за деревьями. Поезд въезжал в леса саванн.

Позади состава черный дым локомотива уходил вбок, внизу ритмично стучали стрелки, а рельсы тянулись на много миль вперед и сливались вдали с оливково-зеленой массой леса.

Брюс поднял голову. Небо было по-тропически голубым и ясным, хотя на севере собрались тучи, а под ними стеной стоял дождь, на котором зажгло радугу солнце. Тень от тучи двигалась по земле медленно, как стадо пасущихся буйволов.

Брюс Керри ослабил завязки шлема и положил винтовку рядом с собой.

— Хотите пива, босс?

— Еще как.

Раффи отправил одного из своих солдат в вагон. Посыльный тут же вернулся, неся шесть бутылок. Сержант-майор открыл зубами две, пиво вспенилось, и половина содержимого растеклась по крыше вагона.

— А пиво-то как взбесившаяся баба, — проворчал Раффи, передавая Брюсу бутылку.

— По крайней мере оно мокрое.

Брюс отхлебнул — теплое, газированное и слишком сладкое.

— Что поделаешь! — сказал Раффи.

Капитан посмотрел вниз на солдат, которые устраивались для длительного путешествия. Все, кроме дежурных пулеметчиков, отдыхали, лежа или сидя на корточках. Многие разделись до белья. Какой-то худющий парнишка спал, подложив под голову каску; тропическое солнце било ему прямо в лицо.

Брюс допил пиво и выбросил бутылку. Раффи открыл следующую и молча вложил ему в руку.

— Почему мы так медленно едем, босс?

— Я приказал машинисту не гнать, чтобы можно было остановиться, если вдруг пути взорваны.

— А… Эти балуба способны и на такое. Все они сумасшедшие арабы.

Теплое пиво, выпитое на жарком солнце, успокоило Брюса. Как хорошо не участвовать в кипящей вокруг жизни и не принимать решений.

— Послушайте, как поезд разговаривает, — сказал Раффи.

Брюс слушал стук колес.

— Да, я знаю. Можно заставить его сказать все, что хочешь услышать, — согласился он.

— А он еще и петь может, — продолжал Раффи. — У него своя музыка. Как эта.

Он набрал воздуха в гигантскую грудь, поднял голову и дал себе волю.

Глубокий зычный голос сержант-майора привлек внимание отдыхавших внизу солдат. Те, кто успел развалиться на полу, вздрогнули и сели. Присоединился еще один голос, сначала робко, потом более уверенно. Мелодию подхватили и остальные. Слова не имели значения, певцов заводил ритм. Они пели вместе уже не один раз, и теперь, как в хорошо спевшемся хоре, каждый голос нашел свое место, солисты вели, меняя темп, импровизируя и ускоряясь до тех пор, пока изначальная мелодия не исчезла, превратившись в один из племенных напевов. Брюс узнал в нем посевную песню — одну из его любимых. Он сидел, прихлебывая теплое пиво, а вокруг него штормовыми волнами разливалось хоровое пение, изредка прерываемое соло тенора.

Поезд двигался прямо в грозовые тучи на севере.

Вскоре из вагона внизу вышел Андрэ и, протиснувшись сквозь толпу, добрался до Хендри. Они о чем-то заговорили, и Андрэ внимательно, с серьезным лицом слушал, подняв голову на высокого Уолли.

Хендри обозвал Андрэ «куколкой». Описание очень подходило нежному лицу с большими карамельными глазами. Стальная каска казалась слишком велика для юноши. Андрэ внезапно рассмеялся, все так же глядя в глаза Хендри.

«Интересно, сколько ему лет? — подумал Брюс. — Наверняка не больше двадцати. Никогда я не встречал никого менее похожего на наемного убийцу».

— Как, черт побери, де Сурье угораздило попасть в эту заварушку? — произнес он вслух, и сидящий рядом Раффи ответил:

— Когда все началось, он работал в Элизабетвиле и не смог вернуться в Бельгию. Почему — не знаю, но, наверное, что-то личное. Его фирма закрылась, и, кроме как здесь, он нигде не мог найти работу.

— Ирландец на пропускном посту назвал меня наемным убийцей. — Размышления о судьбе Андрэ возвратили Брюса к мыслям о своем положении. — Я об этом раньше не думал, но, наверное, он прав. Вот кто мы такие.

Майк Хейг сначала молчал, а потом заговорил решительно:

— Взгляни на эти руки!

Брюс невольно посмотрел на них и первый раз заметил, что они тонкие, с длинными изящными пальцами — красивые руки творца.

— Посмотри, — повторил Майк, сжимая и разжимая пальцы. — Они созданы для того, чтобы держать скальпель, чтобы спасать жизни. — Он уронил руки на ствол винтовки, лежавшей у него на коленях. Тонкие длинные пальцы чуждо смотрелись на голубом металле. — А что они держат сейчас!

Брюс раздраженно передернулся. У Майка опять приступ самокопания. Черт побери… Хейг же прекрасно знает, что в наемной армии Катанги не принято вспоминать прошлое — его не существует.

— Раффи, — рявкнул Брюс, — ты что, не собираешься кормить своих людей?

— Будет сделано, босс. — Раффи открыл еще одну бутылку и протянул ее Керри. — Держите и постарайтесь не думать о еде. Я сейчас что-нибудь раздобуду.

Напевая, он загромыхал прочь по крыше вагона.

— Три года… А кажется, что вечность прошла, — продолжил Майк, словно Брюс и не прерывал его. — Три года назад я был хирургом, а теперь… — В его глазах отразилась скорбь, и Брюс пожалел его в глубине души, где держал под замком все свои чувства. — Я был хорошим хирургом, одним из лучших. Королевский колледж. Харли-стрит. Больница Гая. — Майк горько рассмеялся. — Представляешь, меня на «роллс-ройсе» возили читать лекции студентам о моей новейшей методике холецистэктомии!

— И что произошло? — Вопрос вылетел сам собой, и Брюс осознал, как близко к поверхности он подпустил свою жалость. — Нет, не говори мне ничего. Это твои дела. Я не хочу знать.

— Я расскажу, Брюс. Я хочу рассказать. Как-то легче становится, когда поговоришь.

«Сначала, — подумал Брюс, — и я хотел говорить, хотел смыть боль словами».

Несколько секунд Майк молчал. Пение внизу становилось то громче, то тише, а поезд все ехал по лесу.

— Десять долгих лет я шел к этому и наконец достиг: любимая работа, заслуженное вознаграждение, жена всем на зависть, прекрасный дом, много друзей… Пожалуй, слишком много — успех плодит друзей, как грязная кухня тараканов. — Вынув платок, Майк вытер затылок — туда не долетал ветер. — Есть друзья — есть вечеринки. А на вечеринке после тяжелого рабочего дня отдохнуть можно только с рюмкой. Своей слабости поначалу не замечаешь, а потом становится слишком поздно, бутылка селится в ящике стола, и работается намного хуже. — Майк обернул палец платком и упрямо продолжал: — Внезапно ты это понимаешь. Понимаешь, когда по утрам у тебя трясутся руки, а на завтрак не хочется ничего, кроме рюмки; когда нужно оперировать, а выпивка — единственный способ, чтобы руки не тряслись. А окончательно это осознаешь, только когда нож дрогнет в руке и из артерии начнет бить кровь, а ты стоишь словно парализованный и смотришь, как она заливает халат и собирается в лужи на полу операционной.

Майк умолк, вытряс сигарету из пачки и закурил. Он сидел ссутулившись, а в глазах набежали тучи от осознания вины. Затем он выпрямился и заговорил увереннее:

— Ты, наверное, читал. Обо мне несколько дней кричали все газеты. Впрочем, я тогда еще не был Хейгом. Это слово я увидел на какой-то бутылке в баре. Глэдис, конечно, не бросила меня. Она такая. Мы уехали в Африку. На оставшиеся у меня сбережения мы купили в рассрочку табачную плантацию около Солсбери. Два года я не пил. Глэдис была

беременна нашим первым ребенком, мы оба очень хотели детей. Все опять вставало на свои места. — Майк засунул платок в карман, и снова его голос потерял твердость, стал глухим и хриплым. — Однажды я поехал в деревню, на обратном пути зашел в клуб, где бывал и раньше. Вот только на этот раз просидел не полчаса, а до самого закрытия и на ферму вернулся с ящиком шотландского виски.

Брюсу опять захотелось его остановить; он знал, что будет дальше, и не хотел слушать.

— Той ночью начались дожди, и реки вышли из берегов. Телефонные линии оборвались, и мы оказались отрезаны от остального мира. Утром... — Майк замолчал и повернулся к Брюсу. — Наверное, от шока, что я опять в таком состоянии, у Глэдис начались схватки. Это был первый ребенок, а она уже не молоденькая. Схватки продолжались целые сутки, от усталости она уже не могла кричать. Без ее криков и мольбы о помощи стало так хорошо и спокойно... Она знала, что у меня есть все нужные инструменты, просила помочь. Ее голос прорывался сквозь туман виски, и мне так надоели ее крики, что я возненавидел жену. Наконец она замолчала, только я и не осознал, что она умерла, — просто обрадовался, что стало тихо и спокойно. — Он опустил глаза. — Я был слишком пьян и не пошел на похороны. Позже, не помню точно когда, я встретил в каком-то баре, кажется, в «Медном поясе», какого-то вербовщика. Он набирал добровольцев в армию Чомбе, и я записался. Мне казалось, что больше ничего не остается делать.

Солдат принес им ржаной хлеб с консервированным маслом, тушенкой и маринованным луком. Они молча жевали, слушая пение.

— Мог бы мне и не рассказывать, — наконец заметил Брюс.

— Я знаю.

— Майк...

— Да?

— Прими мои соболезнования. Может быть, от этого тебе станет легче.

— Станет, — ответил Майк. — Иногда нужно, чтобы кто-то... Нужно не быть совсем одному. Ты мне нравишься, Брюс.

Он выпалил последнее предложение, и Брюс вздрогнул, словно Майк дал ему пощечину.

«Дурак, — грубо накинулся он на себя, — ты открыл душу. И почти выпустил все наружу».

Он беспощадно, приложив нечеловеческое усилие, затолкал жалость обратно и схватился за рацию. Глаза утратили мягкость.

— Хендри, — сказал он, — кончай языком чесать. Я поставил тебя впереди следить за путями.

На головной платформе Уолли Хендри небрежно вскинул два пальца в неприличном жесте и встал лицом по ходу поезда.

— Пойди смени Хендри, — сказал Брюс Майку. — А его пришли сюда.

Майк Хейг поднялся и посмотрел на Брюса.

— Чего ты боишься? — спросил он слегка озадаченно.

— Я отдал приказ, Хейг.

— Есть, сэр.

4

Самолет обнаружил их во второй половине дня. Реактивный «вампир» индийских воздушных сил показался с севера. Они услышали его тихий рокот в небе, заметили, как фюзеляж блеснул на солнце кусочком слюды над грозовыми облаками, висевшими впереди.

— Ставлю тысячу франков против кучки дерьма, что этот пижон про нас не знает! — воскликнул Уолли, следя за самолетом, который свернул с курса и направился к ним.

— Теперь уже знает, — сказал Брюс.

Он скользнул взглядом по дождевым облакам: уже близко, еще десять минут, и поезд скроется под ними и будет недоступен с воздуха. Тучи почти прижались к земле, а дождь, висящий серо-голубой дымкой, снизит видимость до нескольких сотен футов.

Брюс включил рацию.

— Машинист, дай максимальную скорость — нам как можно скорее нужно вон под тот дождь.

— Oui, monsieur, — послышалось в ответ.

Почти тотчас же локомотив запыхтел чаще, стук колес ускорился.

— Смотрите, подлетает, — проворчал Хендри.

Самолет серебристой точкой прошел позади облака, приближаясь и вырастая.

Брюс щелкал переключателем рации, разыскивая канал пилота. Он перебрал четыре волны — везде помехи и гудение, но на пятой мягко забубнили на хиндустани. Брюс языка не знал, но разобрал озадаченные интонации. Последовала пауза — пилот слушал указания с базы Камина,

которая была вне пределов досягаемости их небольшой рации, — а потом краткий утвердительный ответ.

— Он подлетит ближе, посмотрит на нас, — сказал Брюс и, повысив голос, продолжил: — Всем в укрытие. — Ему не хотелось еще раз рисковать, пытаясь продемонстрировать дружественные намерения.

Похожий на акулу самолет, приближаясь, шел на средней скорости, и все равно невероятно быстро, оставляя шум мотора далеко позади. Сначала Брюс разглядел через стекло кабины голову летчика, потом черты смуглого лица под серебристым шлемом, маленькие черные усики, как у валета пик. Самолет летел так низко, что Брюс успел заметить момент, когда пилот узнал в них армию Катанги. Глаза летчика расширились так, что показались белки, а рот исказился проклятиями. Из лежащей рядом рации через помехи донеслось ругательство, а затем самолет с ревущим во всю мощь мотором поднялся выше, показав серебристое брюхо и ряды ракет под крыльями.

— Ага, испугался, — захохотал Хендри. — Дал бы ты мне выстрелить. Он совсем близко — я попал бы в левый глаз.

— У тебя еще будет возможность, — мрачно заверил его Брюс.

Из рации доносились удивленные интонации, а самолет ушел в небо. Брюс быстро переключился на свой канал.

— Машинист, быстрее!

— Monsieur, я никогда еще не шел так скоро.

Брюс снова включил частоту пилота и прислушался к его взволнованному голосу. Летчик зашел на очередной разворот примерно в пятнадцати милях от них. Густые облака и стена дождя впереди двигались навстречу, но медленно и важно.

— Если он вернется, — крикнул Брюс солдатам в вагоне, — то уж точно не для того, чтобы еще раз на нас посмотреть. Открывайте огонь, как только самолет окажется в пределах досягаемости. Не жалейте сил и патронов, надо испортить ему планы.

На обращенных к капитану лицах солдат отразилось осознание собственной неполноценности — как у всех сухопутных перед небесным охотником. Только Андрэ не отрывал взгляда от самолета, нервно сжимая челюсти и невероятно широко распахнув глаза.

Рация смолкла. Все головы повернулись в сторону приближающегося самолета.

— Ну давай, пижон, давай! — нетерпеливо рычал Хендри. Он плюнул на ладонь, а затем обтер ее о куртку. — Давай, мы тебя ждем. — Большим пальцем он щелкал предохранителем винтовки.

Внезапно рация опять заговорила. Из нее вырвались два слова, по-видимому, подтверждающие получение приказа, и одно из них Брюс узнал. Он его слышал раньше при обстоятельствах, которые навсегда засели в памяти. Слово на хиндустани — «Атака!»

— Ясно, — сказал он. — Он возвращается.

Ветер трепал рубашку у него на груди. Брюс поправил каску и вставил обойму в патронник винтовки.

— Иди вниз, на платформу, Хендри, — приказал он.

— Мне отсюда лучше видно. — Уолли на широко расставленных ногах стоял рядом, удерживая равновесие при тряске поезда.

— Как хочешь, — сказал Брюс. — Раффи, в укрытие.

— Да там слишком жарко, в коробке-то, — улыбнулся огромный негр.

— Ты сумасшедший араб, — сказал Брюс.

— Конечно, мы все сумасшедшие арабы.

Самолет резко повернул и пошел на снижение, все еще находясь в нескольких милях от них.

— А он совсем еще салага, — злорадствовал Хендри, — собирается нас с фланга атаковать. Да мы его тут же обстреляем. Если бы он не спал на ходу, то ударил бы сзади, разнес бы локомотив, а потом наблюдал бы, как мы тут все стреляем поверх друг друга.

Быстро и бесшумно самолет поравнялся с ними, почти касаясь верхушек деревьев. Внезапно на носу его замерцали лимонно-желтые вспышки пушечных выстрелов, и тотчас же воздух наполнился тысячью хлопков — в ответ стреляли все, кто был в поезде. Пулеметные очереди следовали одна за другой, пытаясь достичь самолета, винтовки не отставали, теряясь в общем гуле орудийного огня.

Брюс тщательно прицелился — от постоянной тряски состава самолет плясал на мушке, — нажал на спусковой крючок, и винтовка с силой ударила ему в плечо. Краем глаза он увидел, как бронзовой струей высыпались гильзы, а в нос ударил запах пороха.

Самолет качнулся, пытаясь увернуться от огня.

— Трус! — взревел Хендри. — Трус, сукин сын!

— Не прекращать огонь! — прорычал Раффи.

Самолет дернулся и задрал вверх носовую часть, так что снаряды пролетели над головами. Затем он снова опустил нос и выстрелил из всех орудий. Стрельба с поезда прекратилась, потому что все нырнули в укрытие, однако трое на крыше вагона продолжали стрелять. Выпущенные пилотом ракеты взвыли, как четыре демона в упряжке, и, оставляя за собой полосы белого дыма, пролетели четыреста ярдов со скоростью одного вздоха. К счастью, летчик опустил нос самолета слишком низко и выстрелил слишком поздно — снаряды врезались в насыпь под поездом.

Взрыв сбил Брюса с ног. Он упал и покатился, отчаянно пытаясь схватиться за гладкую крышу, перелетел через край, но успел зацепиться пальцами за желоб и повис. Перед глазами плыли круги, желоб врезался в пальцы, шею душил ремень винтовки, а под ногами стремительно проносился гравий насыпи.

С крыши вагона Раффи протянул руку, схватил его за куртку и поднял, как ребенка.

— Куда-то собрались, босс?

Большое круглое лицо сержант-майора покрывала пыль, но сам он счастливо улыбался. Брюс уже давно подозревал, что на эту темнокожую гору произведет впечатление разве что целый ящик динамита.

Стоя на коленях, капитан пытался собраться с силами. Взрыв расщепил деревянную стенку вагона, крышу засыпало землей и щебенкой. Хендри сидел рядом, медленно качая головой из стороны в сторону. Из царапины на щеке Уолли текла кровь, капая с подбородка. На открытой платформе солдаты стояли или сидели с окаменевшими лицами. Поезд мчался дальше к грозовому фронту, а далеко позади, над лесом, висело облако пыли от взрывов.

Брюс поднялся на ноги и, быстро оглядев небо в поисках самолета, обнаружил его крошечный силуэт высоко над облаками.

Рация под защитой мешков с песком осталась нетронутой. Брюс дотянулся до нее и нажал кнопку.

— Машинист, все в порядке?

— Monsieur, я потрясен. Там…

— Ничего страшного, — успокоил его Брюс. — Веди поезд, как раньше.

— Oui, monsieur.

Потом он включил волну самолета. В ушах гудело после взрыва, но он уловил перемену интонации в голосе пилота. Тот говорил медленно, задыхаясь на отдельных словах. «Или испуган, или ранен, — подумал Брюс. — Хотя все равно успеет нагнать нас до того, как въедем в грозу».

Сознание быстро прояснялось, и он понял, что солдаты совсем раскисли.

— Раффи! — крикнул он. — Подними их. Самолет вот-вот вернется.

Сержант-майор спрыгнул на платформу, и Брюс услышал звуки пощечин — так Раффи пробуждал в солдатах воинственный дух. Керри спустился вниз, перелез на следующую платформу и стал проделывать то же самое.

— Хейг, помоги мне их растормошить.

Немного отойдя от шока после взрыва, солдаты с готовностью вскочили и сгрудились у борта, проверяя и перезаряжая винтовки, чертыхаясь. Их лица уже утратили тупое, оцепенелое выражение.

Брюс крикнул:

— Раффи, у тебя кто-нибудь ранен?

— Пара царапин, ничего страшного.

На крыше вагона Хендри поднялся на ноги и, обратив окровавленное лицо к самолету, крепко сжимал в руках винтовку.

— Где Андрэ? — спросил Брюс у Хейга, столкнувшись с ним на середине платформы.

— Там, впереди. Похоже, ранен.

Брюс обнаружил Андрэ чуть дальше, в углу платформы. Юноша сидел скрючившись и закрыв лицо руками. Винтовка лежала рядом. Плечи Андрэ поднимались и опускались, как будто от боли.

«Глаза, — решил Брюс, — он ранен в глаза».

Наклонившись, он отнял руки Андрэ от лица, ожидая увидеть кровь.

Юноша плакал: по щекам струились ручьи слез, ресницы слиплись. Секунду Брюс смотрел на него, а затем схватил за шиворот и поднял на ноги. Керри подобрал винтовку с пола: ствол совсем холодный, из оружия не стреляли.

Брюс подтащил бельгийца к борту и сунул ему в руки винтовку.

— Де Сурье, — прорычал он, — я буду рядом. Если такое повторится еще раз, я тебя пристрелю. Понял?

— Прости, Брюс… — Искусанные губы Андрэ вспухли, по лицу была размазана грязь, а в глазах застыл ужас. — Прости, я нечаянно.

Брюс ничего не ответил и стал следить за самолетом, который приближался для следующей атаки.

«Опять подлетит сбоку, — подумал Брюс, — но на этот раз нам крышка. Дважды он не промахнется».

Самолет, скользнув между двумя огромными белыми облаками, снизился и полетел почти над деревьями. Он настигал их, маленький и зловещий.

С платформы хрипло застрекотал один из пулеметов, выплевывая трассирующие снаряды, словно нанизанные на нитку бусы.

— Рано, — пробормотал Брюс. — Слишком рано. Он вне досягаемости.

Неожиданно самолет покачнулся, чуть не задев верхушки деревьев, и сбился с курса.

Над поездом пронесся радостный возглас и тут же затерялся в грохоте выстрелов из всех имеющихся орудий. Самолет, отчаявшись, вслепую выпустил оставшиеся ракеты, а затем, круто набрав высоту, исчез в облаках. Шум моторов становился все тише и наконец совсем пропал.

Раффи исполнял торжествующий танец, размахивая винтовкой над головой. Хендри, стоя на крыше, выкрикивал оскорбления в облака, где только что скрылся самолет. Один из пулеметов все еще выпускал беспорядочные очереди. Откуда-то послышался военный клич Катанги, который тут же подхватили остальные. Машинист тоже дал несколько свистков.

Брюс надел винтовку на плечо и, сдвинув каску на затылок, закурил сигарету. Солдаты пели, смеялись и болтали, избавившись от опасности.

Рядом с ним Андрэ перегнулся через борт. Его тошнило. Из носа тоже текло и капало на куртку. Юноша вытер рот рукой.

— Прости меня, Брюс. Прости, пожалуйста, — шептал он.

Они въехали в облако, и прохлада налетела на них, как из открытого холодильника. Первые капли укололи Брюса в щеку и покатились вниз, смывая запах пороха. С лица Раффи стекла грязь, и оно вновь засветилось, как вымытый кусок угля.

Брюс почувствовал, как намокшая куртка прилипает к спине.

— Раффи, по двое на пулемет. Всем остальным в крытые вагоны. Сменяться каждый час. — Он перевесил винтовку дулом вниз. — Де Сурье, можешь идти. Хендри, ты тоже.

— Я останусь с тобой, Брюс.

— Ладно.

Галдя и смеясь, солдаты перебрались в крытые вагоны. Раффи подошел к Брюсу и протянул ему плащ-палатку.

— Все рации укрыты. Если я вам не нужен, босс, у меня там дело к одному из этих арабов в вагоне. У него с собой почти двадцать тысяч франков. Пойду поучу его в картишки играть.

— Я как-нибудь расскажу им о твоих фокусах, — пригрозил Брюс.

— Не стоит, босс, — серьезно ответил Раффи. — Деньги им пользы не принесут, одни неприятности.

— Ладно, иди. Я тебя потом позову, — сказал Брюс. — Передай им, что я сказал «хорошая работа» и что я ими горжусь.

— Конечно, передам, — пообещал Раффи.

Брюс приподнял брезент, под которым лежала рация.

— Машинист, поменьше пару, а то взорвешь котел!

Неукротимый бег поезда стал сдержаннее. Брюс, надвинув каску на глаза, подтянул плащ-палатку до подбородка. Затем он перегнулся через борт платформы, пытаясь выяснить, насколько серьезны повреждения от взрыва.

— По этой стороне вылетели все стекла и кое-где пробита стенка, — пробормотал он. — Счастливо отделались.

— Какая жалкая война, как из комической оперы, — ворчал Майк Хейг. — Летчик прав: зачем рисковать жизнью и вмешиваться не в свое дело.

— Быть может, его ранило, — предположил Брюс. — Похоже, мы его с самого начала задели.

Они помолчали, щурясь вдаль. Дождь хлестал их по лицам.

Солдаты у пулеметов завернулись в защитные плащ-палатки. Все их ликование улетучилось. «Как кошки, — подумал Брюс, заметив их уныние, — не выносят воды».

— Уже половина шестого, — наконец сказал Майк. — Доберемся до Мсапы засветло?

— При такой погоде к шести стемнеет. — Брюс взглянул на низкое облако, которое несло с собой преждевременную темень. — Ночью ехать рискованно. Здесь везде балуба, мы даже огнями локомотива не сможем воспользоваться.

— Остановимся?

Брюс кивнул. «Какой тупой вопрос», — с раздражением подумал он и тут же понял, что его раздражение — ответ на опасность, которую они только что пережили.

— Мы, наверное, уже недалеко, — пояснил он. — Если двинемся с рассветом, то доедем до Мсапы до восхода солнца.

— Черт, холодно, — вздрогнув, пожаловался Майк.

— Или слишком жарко, или слишком холодно, — согласился Брюс. Он знал, что становится болтливее после опасности, но его уже несло. — Это свойственно нашей маленькой планете — ни в чем нет меры. Слишком жарко или слишком холодно; ты либо голоден, либо объелся; или влюблен, или ненавидишь весь мир...

— Это ты про себя? — спросил Майк.

— Черт побери, Майк, ты хуже бабы. Неужели нельзя вести разговор, не переходя на личности? — возмутился Брюс.

Он чувствовал, как натягиваются нервы. Ему было холодно, хотелось курить.

— Для подтверждения объективных теорий нужны субъективные факты, — заметил Майк. На его широком постаревшем лице показалась лукавая улыбка.

— Все, хватит. Я не хочу о личном, — огрызнулся Брюс и тут же сам продолжил: — Меня тошнит от людей. От де Сурье, которого от страха вывернуло наизнанку, от этой скотины Хендри, от тебя, алкоголика, от Джоан... — Он резко замолчал.

— Кто такая Джоан? — спросил Майк.

— Я к тебе с вопросами пристаю?

В наемной армии Катанги это был стандартный ответ на все, что касалось личных дел.

— Нет. Это я спрашиваю: кто такая Джоан?

«Ладно. Скажу ему. Если хочет знать, скажу».

В раздражении Брюс становился неосторожен.

— Джоан — это та сука, на которой я женился.

— Ага, вон оно что!

— Да. Теперь знаешь. И оставь меня в покое.

— А дети?

— Двое — мальчик и девочка. — Злость прошла. На мгновение Керри пронзила острая боль, но он овладел собой и заговорил прежним ровным голосом: — Все это не важно. Пусть человечество катится в пропасть — мне от него ничего не нужно.

— Сколько тебе лет, Брюс?

— Отстань, черт побери.

— Сколько тебе лет?

— Тридцать.

— Разговариваешь как подросток.

— А чувствую себя стариком.

Майк спросил серьезным тоном:

— А что ты делал раньше?

— Спал, дышал, ел. И об меня вытирали ноги.

— Кем ты работал?

— Юристом.

— Успешно?

— Тебя интересует, зарабатывал ли я? Да, и неплохо.

«Хватило и на дом, и на машину, — подумал он горько. — И на то, чтобы оспаривать опекунство над детьми, и на тяжбу по разводу. На все хватило, хотя свою долю бизнеса пришлось продать».

— Ну, тогда все будет нормально, — ответил Майк. — Если у тебя было успешное дело, ты сможешь к нему вернуться. Вот придешь в себя, по-другому посмотришь на свою жизнь и пустишь в нее других людей. Ты опять станешь сильным.

— Я сильный, Хейг. Я силен именно потому, что в моей жизни никого нет. В одиночку ты свободен.

— «Силен, свободен»! — раздраженно передразнил его Майк. — В одиночку ты ничто, Керри! В одиночку ты так слаб, что я тебя струей

мочи смою. — Затем, уже мягче, он добавил: — Пойми, ты — счастливчик. Люди к тебе тянутся. Тебе не придется быть одному.

— Пока я побуду один.

— Посмотрим, — пробормотал Майк.

— Что ж, посмотрим, — согласился Брюс и достал из-под брезента рацию. — Машинист, на ночь делаем привал. В темноте ехать слишком опасно.

5

Радио Браззавиля с трудом пробивалось сквозь шум и помехи рации. Дождь все лил, а гром перекатывался по небу, как незакрепленный груз по трюму корабля.

— ...Наш корреспондент в Элизабетвиле сообщает, что подразделения армии Катанги на юге провинции Касаи нарушили соглашение о прекращении огня, обстреляв низко летящий самолет, принадлежащий войскам ООН. Самолет — «вампир» индийских военно-воздушных сил — вернулся на аэродром в Камине неповрежденным. Пилот, однако, был ранен из мелкокалиберного оружия. Его состояние оценивается как удовлетворительное. Командующий вооруженными силами ООН в Катанге, генерал Ри, подал протест правительству Катанги... — Послышался треск помех, и голос диктора умолк.

— Подбили мы его, — позлорадствовал Уолли Хендри. Царапина у него на щеке запеклась и почернела, хотя по краям еще поблескивала красным.

— Заткнись, — рявкнул Брюс, — и не мешай слушать.

— Да ни черта вы не услышите. Андрэ, в моем мешке есть бутылка. Принеси ее! Я выпью за этого кули с пулей в...

Из радио вновь донесся громкий голос диктора:

— ...в миссии Сенвати в пятидесяти милях от Порт-Реприва. Представитель правительства Конго отрицает, что конголезские войска проводят маневры в этом районе. Высказываются опасения, что большой отряд вооруженных боевиков воспользовался нестабильностью ситуации и... — Помехи снова заглушили голос диктора.

— Черт подери, — пробормотал Брюс, пытаясь настроить рацию.

— ...заявили сегодня, что вывоз русскими ракетных установок с Кубы подтверждается воздушной разведкой...

— Все, больше нас ничего не интересует. — Брюс выключил рацию. — Какая кутерьма! Раффи, где миссия Сенвати?

— На дальнем конце болот, рядом с родезийской границей.

— Пятьдесят миль от Порт-Реприва, — встревоженно выдохнул Брюс.

— По дороге, босс, больше сотни.

— В такую погоду они будут добираться три-четыре дня, не считая времени на грабежи и разбой по пути, — подсчитал Брюс. — Прекрасно. Надо попасть в Порт-Реприв к завтрашнему вечеру и выехать обратно на восходе следующего дня.

— А зачем нам делать привал? Ехали бы и ехали. — Хендри отнял бутылку от губ. — Уж лучше, чем москитов тут кормить.

— Посидим, — ответил Брюс. — Ничего хорошего, если вдруг состав ночью сойдет с рельсов. — Он повернулся к Раффи: — Сержант-майор, выставите часовых, сменяться каждые три часа. Первым лейтенант Хейг, потом лейтенант Хендри, за ним лейтенант де Сурье, а на восходе — я.

— Хорошо, босс. Пойду проверю, не спят ли мои ребята, — ответил Раффи и вышел из купе, тяжело ступая. В коридоре захрустело битое стекло.

— Я тоже пойду, — поднялся Майк и натянул плащ-палатку на плечи.

— Не трать зря батареи прожектора, Майк. Включай примерно каждые десять минут.

— Понял. — Майк посмотрел на Хендри: — Я тебя вызову в девять часов.

— Хорошо повеселиться, старый осел, — подначил Уолли Майка. — Удачной охоты, ага!

Майк вышел из купе.

— Вот тупица, — заявил Хендри. — Почему он так разговаривает?

Ему никто не ответил, и он задрал рубашку на голову.

— Андрэ, что там у меня на спине?

— Прыщ.

— Ну выдави его тогда.

Брюс проснулся ночью, весь в поту. У самого лица вились москиты. Снаружи все еще шел дождь. Свет установленного на крыше прожектора тускло освещал купе.

На нижней полке Майк Хейг скрипел зубами во сне. Его лицо блестело от пота, голова металась из стороны в сторону. Брюс привык к этому звуку и предпочитал его храпу Хендри.

— Бедняга, — прошептал Керри.

С противоположной полки раздался тоненький стон, перешедший в хныканье. Рассыпавшиеся по подушке мягкие темные пряди делали Андрэ де Сурье похожим на совсем юного мальчугана.

6

Дождь перестал только под утро, и солнце начало нещадно жечь, еще не выйдя из-за горизонта. От мокрого леса поднимался теплый туман. При продвижении дальше на север лес становился гуще, деревья стояли ближе друг к другу, а подлесок был гораздо мощнее, чем у Элизабетвиля.

Сквозь влажную дымку показалась водонапорная башня Мсапы, возвышающаяся над лесом, как маяк. Ее серебристую поверхность испещряли полосы ржавчины.

Поезд повернул еще раз, и перед глазами отряда предстал маленький поселок — пять-шесть домов. Веяло одиночеством и заброшенностью — все жители ушли в джунгли.

Возле путей, рядом с башней, возвышались бетонные бункеры для угля. Чуть поодаль — деревянное станционное здание со стальными перекрытиями. Табличка над входом гласила: «Станция Мсапа. Высота над уровнем моря — 963 м».

От станции к жилым постройкам вела аллея кассий с темно-зеленой листвой и ярко-оранжевыми цветами. У самого леса виднелся ряд домов.

Один из домов сожгли, его черный обгорелый остов покосился. За три месяца брошенные без ухода сады совсем одичали.

— Машинист, остановись у башни. У тебя пятнадцать минут, чтобы наполнить котел.

— Спасибо, monsieur.

Выпустив облако пара, локомотив затормозил рядом с башней.

— Хейг, возьми четырех человек и помоги машинисту.

— Хорошо, Брюс.

Брюс снова включил рацию.

— Хендри.

— Я.

— Возьми патруль из шестерых. Обыщите дома и осмотрите опушку — нам не нужны нежданные гости. — Уолли Хендри помахал рукой с платформы, а Брюс продолжил: — Позови де Сурье. — Он видел, как Хендри передал рацию Андрэ. — Де Сурье, в отсутствие Хендри останешься за главного на передних платформах. Задача — обеспечить прикрытие Хендри и следить за лесом позади. Оттуда тоже могут нагрянуть. — Выключив рацию, Брюс повернулся к Раффи: — Оставайся здесь, на крыше, Раффи. А я пойду проверю, что у них там с водой. Если что, не жди меня, отстреливайся.

Раффи кивнул.

— Вот, возьмите с собой завтрак. — Он протянул открытую бутылку пива.

— Лучше, чем яичница с беконом.

Брюс взял бутылку и спустился на платформу. Потягивая пиво, он прошелся вдоль поезда, взглянул на Майка с машинистом, которые возились на башне.

— Пустая? — крикнул он.

— Наполовину. Ванну принять можно, — ответил Майк.

— Не искушай. — Заманчивая картина вдруг ясно предстала перед глазами. Он чувствовал затхлый запах своего немытого тела; веки распухли и горели от укусов москитов. — Полцарства за ванну. — Он потер жесткую щетину, покрывавшую щеки.

Сверху спускали брезентовый рукав. Круглолицый машинист вскарабкался на котел и стал прилаживать шланг.

Крик сзади заставил Брюса обернуться. Хендри с патрулем подходили к составу, таща за собой двоих детей — мальчика и девочку.

— Прятались в доме, — крикнул Хендри. — Чуть в лес не удрали.

Он подтолкнул девочку штыком. Она завизжала и стала вырываться из рук солдата.

— Хватит. — Окрик Брюса заставил Хендри опустить штык.

Брюс Керри пошел им навстречу.

Девочка только вступила в пору отрочества — маленькие груди только-только припухли, как следы укусов насекомых. На тонких ногах неестественно выделялись огромные коленные чашечки. Одежду

девочке заменяла грязная тряпица, проходящая между ног и перехваченная на талии кожаной тесемкой. На лбу, щеках и груди красовались выпуклые шрамы-татуировки с тотемами племени.

— Раффи, — окликнул Брюс, — можешь с ними поговорить?

Спустившись с поезда, сержант-майор посадил мальчишку к себе на колени. Он был младше девочки — лет семи-восьми, смуглый и совершенно голый, неприкрытый, можно сказать, совсем как ужас на его физиономии.

Раффи грозно заворчал, и солдат выпустил из рук девочку. Она стояла на месте, дрожа и не пытаясь убежать. Раффи стал тихо разговаривать с мальчиком, ласково гладя его по голове. Постепенно страх исчез с его лица, и он что-то защебетал на наречии, которое Брюс не знал.

— Ну, что он говорит? — поторопил он.

— Он думал, что мы их съедим, — рассмеялся Раффи. — Для полноценного завтрака недостаточно. — Он потрепал мальчика по худой ручонке, серой от приставшей грязи, а затем отдал приказ одному из своих солдат.

Тот пошел обратно к поезду и вернулся с пригоршней шоколадок. Все еще нашептывая что-то, Раффи развернул одну и сунул мальчику в рот. Глаза ребенка широко распахнулись, и он стал быстро жевать, глядя в лицо Раффи и отвечая на вопросы с набитым ртом.

Наконец Раффи повернулся к Брюсу:

— Все нормально, босс. Они из маленькой деревни в часе ходьбы отсюда. Там всего пять или шесть семей и никаких вооруженных отрядов. Детишки пробрались сюда, хотели что-нибудь стащить. Вот и все.

— Сколько людей в деревне? — спросил Брюс, и Раффи повернулся к мальчику.

Вместо ответа тот поднял все десять пальцев, не переставая жевать.

— Свободна ли дорога на Порт-Реприв? Мосты не сожжены? Рельсы не взорваны?

Дети не могли ответить на этот вопрос. Мальчик проглотил последний кусочек и посмотрел голодными глазами на Раффи, который дал ему еще шоколадку.

— Черт, — с отвращением процедил Хендри. — Мы что, в яслях? Давайте еще цветочки пособираем.

— Заткнись, — рявкнул Брюс. — Раффи, спроси, не видели они каких-нибудь солдат?

Дети с серьезным видом замотали головами.

— А среди их родных не было вооруженных людей?

Опять твердое «нет».

— Ладно, отдай им весь шоколад, — велел Брюс. Больше ничего от них не добиться, а время идет.

Он вскинул глаза — Хейг и машинист уже закончили наполнять котел. Он перевел взгляд на мальчишку. Его сыну сейчас столько же, вот уже год, как... Брюс остановил себя. Так недалеко и до сумасшествия.

— Хендри, отведи их к лесу и отпусти на все четыре стороны, да поживей. Мы уже и так много времени потеряли.

— Это ты мне говоришь! — хмыкнул Хендри и поманил детей за собой. Сопровождаемые Хендри и двумя солдатами, дети послушно побрели прочь и вскоре скрылись за станционным зданием.

— Машинист, все готово?

— Да, monsieur, можно отправляться.

— Не жалей угля, раскачай малышку как следует. — Брюс улыбнулся машинисту. Ему нравился этот маленький человек, и их перешучивания доставляли удовольствие.

— Pardon, monsieur.

— Глупая шутка, прости.

— А-а, шутка! — Пухлый животик смешно закачался.

— Эй, Майк, — крикнул Брюс, — загоняй своих на поезд. Мы...

Автоматная очередь, донесшаяся из-за здания станции, оборвала его на полуслове. Она так резко вонзилась в знойное утро, что на несколько секунд Брюс прирос к месту.

— Хейг, — заорал он, — быстро на поезд, смени де Сурье.

Это было слабое место в обороне, и ребята Хейга бросились к платформам.

— Вы, — остановил Брюс шестерых солдат. — За мной!

Керри окинул быстрым взглядом поезд, убедился, что составу ничего не угрожает. По всей длине из-за бортов и из окон высовывались винтовки,

а на крыше Раффи разворачивал пулемет, прикрывая фланги. Нападение даже тысячи балуба будет отражено.

— Вперед, — сказал Брюс и побежал к зданию станции — там безопаснее. Солдаты от него не отставали.

Выстрелов больше не было. Значит, либо тревога ложная, либо Хендри с группой погибли при первой же атаке.

Брюс ударом ноги вышиб дверь в кабинет начальника станции и улыбнулся про себя: он всегда хотел повторить этот прием Кларка Гейбла из фильма «Сан-Франциско».

— Четверо — внутрь! Прикройте нас из окон.

Солдаты ворвались в комнату, держа наготове винтовки. Сквозь приоткрытую дверь на столе у дальней стены Брюс увидел телеграф. Аппарат громко стрекотал, перегоняя сообщения по линии Элизабетвиль — Жадовиль. «Почему в самый напряженный момент мозг тратит силы на всякую ерунду? — подумал Брюс. — И на эту мысль тоже».

— Вы двое — за мной.

Он повел их вдоль самой стены, и, задержавшись на углу, проверил заряд винтовки и переключил ее на скорострельный режим. Еще секунду он раздумывал. Что там, за углом? Сотня голых дикарей вокруг растерзанных тел Хендри и его солдат? Или…

Пригнувшись, держа винтовку у груди, чувствуя каждый нерв в теле и готовый в любой момент отпрыгнуть, Брюс боком вышел из-за угла здания.

Хендри и два солдата стояли на пыльной дороге у первого дома и спокойно переговаривались. Уолли Хендри перезаряжал винтовку, сжимая магазин большими красными руками, на которых рыжие волосы блестели на солнце. С нижней губы у него свисала сигарета. Он неожиданно рассмеялся, закинув голову; сигарета выпала изо рта и скользнула вниз по куртке. На плечах у него темнели следы пота.

Мальчик и девочка лежали на дороге ярдах в пятидесяти.

Брюс похолодел. Лед сковал его изнутри, сжимая грудь. Капитан медленно выпрямился и пошел к детям, бесшумно ступая по мелкой пыли. Брюс слышал только свое дыхание — тяжелое и хриплое, словно позади брело раненое животное.

Он прошел мимо Хендри и двух солдат, даже не взглянув на них. Те замолчали, с тревогой наблюдая за Брюсом. Капитан опустился на

колено рядом с девочкой, отложив в сторону винтовку, и осторожно перевернул ребенка на спину.

— Неправда, — прошептал он. — Не может быть.

Пуля пробила девчушке грудь, образовав дыру размером с кофейную чашку. Кровь в теле еще пульсировала, медленно стекая вниз, тягучая, как свежий мед.

Как во сне, Брюс повернулся к мальчику.

— Нет, не может быть, — сказал он вслух, словно пытаясь словами изменить реальность.

Мальчика прошили три пули. Одна вывернула из плеча руку — острый осколок кости торчал из раны. Остальные разорвали тело почти надвое.

Накатило откуда-то издалека, как шум приближающегося поезда в туннеле. Брюса затрясло. Он опустил веки и слушал рев в голове, а перед глазами все стало кроваво-красным.

«Не смей! — донесся сквозь рев тоненький голосок сознания. — Не поддавайся, борись. Борись, как раньше».

Словно жертва наводнения, он схватился за соломинку своего рассудка, а вокруг бушевал шторм. Затем рев стал затихать, откатываясь куда-то вдаль, превратился в шепот и вот совсем исчез.

Спокойствие снова вернулась к Брюсу — более всепоглощающее, чем только что прошедшая буря. Он открыл глаза, вздохнул и, поднявшись, направился к месту, где стоял Хендри с патрулем.

— Капрал, идите к поезду. Передайте лейтенанту Хейгу и сержант-майору Раффараро, чтобы тотчас явились ко мне.

Капрал ушел. Брюс обратился к Уолли Хендри таким же ровным голосом:

— Я приказал отпустить их.

— Ага, чтобы они побежали домой и всем про нас рассказали — ты этого хотел, пижон? — Хендри уже пришел в себя и теперь говорил с дерзкой ухмылкой.

— И вместо этого ты их казнил?

— Казнил? Ты в своем уме, Брюс? Они же балуба! Людоеды-балуба! — зло закричал Хендри, уже не улыбаясь. — Ты что? Это же война, пижон, война! C’est la guerre[7], как сказал кто-то, c’est la guerre! — И вдруг он понизил голос: — Давай это забудем. Я сделал то, что должен был

сделать. Ну чего стоят еще двое чертовых балуба после всей этой бойни? Давай забудем.

Брюс не ответил. Он зажег сигарету и, глядя мимо Хендри, ждал, когда к ним придут остальные.

— Ну так что, Брюс? Забудем? — не отставал Хендри.

— Нет, Хендри. Я даю тебе священную клятву и призываю Бога в свидетели. — Брюс не смотрел на Уолли. Он боялся, что убьет его, если они встретятся взглядом. — Вот тебе мое обещание: я сделаю так, что тебя повесят. Не расстреляют, а именно повесят. На добротной пеньковой веревке. Я послал за Хейгом и Раффараро, так что свидетелей будет предостаточно. Первое, что я сделаю, как только мы вернемся в Элизабетвиль, — передам тебя властям.

— Ты что, серьезно?

— Серьезней некуда.

— Черт подери, Брюс...

Появились Хейг и Раффи. Сначала они бежали, но потом резко остановились, в недоумении переводя взгляд с Брюса на два маленьких трупа, лежащих на дороге.

— Что случилось? — спросил Майк.

— Хендри их застрелил, — ответил Брюс.

— Зачем?

— Спроси у него.

— В смысле просто убил их, расстрелял?

— Да.

— Боже, — сказал Майк хриплым от шока голосом, — Боже мой...

— Пойди взгляни на них, Хейг. Посмотри и запомни.

Хейг направился к детям.

— Ты тоже, Раффи. Будете свидетелями в суде.

Майк Хейг и Раффи подошли к тому месту, где лежали тела, и остановились, глядя на них. Хендри неуклюже повозил ногами по пыли и продолжил перезаряжать винтовку.

— Да черт побери! — взорвался он. — Что вы раскудахтались! Из-за двух-то балуба.

Майк Хейг медленно повернул голову. Лицо у него пожелтело, только на носу и щеках под кожей слегка пульсировали крошечные вены. Губы побелели. Каждый его вдох отдавался рыданием в горле. Все еще тяжело дыша и не в состоянии вымолвить ни слова, он пошел на Хендри, на ходу снимая с плеча винтовку.

— Хейг! — резко окликнул его Брюс.

— На этот раз ты… ты… негодяй… И это последний… — выдохнул Хейг.

— Осторожнее, пижон! — предупредил его Хендри.

Он отступил, неловко пытаясь засунуть заряженный магазин в винтовку.

Майк Хейг поднес штык к животу Хендри.

— Хейг! — закричал Брюс.

В этот момент Майк атаковал — с удивительным для его возраста проворством, наклонившись и бормоча бессвязные ругательства, которые переросли в оглушающий рев.

— Ну, давай! — ответил Хендри и сделал шаг вперед.

Они сошлись, и Хендри отразил штык прикладом. Острие прошло ему под мышку. Противники столкнулись и под весом Хейга подались назад. Хендри бросил винтовку и обхватил руками шею Хейга, отклоняя его голову назад на нужный ему уровень.

— Майк! Он будет бить головой!

Брюс узнал приготовления к приему, но было уже поздно. Голова Хендри метнулась вперед, и стальная каска пришлась как раз на переносицу Хейга. Майк вскрикнул, отпустил приклад, и винтовка упала на дорогу. Он поднял руки и закрыл ими лицо. Между пальцами текла кровь.

Хендри снова замахнулся головой, как кувалдой, обрушивая сталь на лицо и пальцы Хейга. Майк охнул.

— Коленом его, Майк! — заорал Брюс, пытаясь уловить момент и вмешаться, но противники кружили колесом, и он ничего не мог поделать.

Готовясь к следующему удару, Хендри запрокинул голову и широко расставил ноги. И тут ему в пах со всей силы впилось колено Майка. Рот Хендри раскрылся в беззвучном крике. Уолли согнулся пополам, обеими руками держась за низ живота, и медленно осел на пыльную землю.

Ослепленный болью Хейг, у которого по лицу текла кровь, схватился за брезентовую кобуру.

— Я тебя пристрелю, свинья!

В руке у него голубым отблеском сверкнул пистолет — уродливый, короткоствольный.

Брюс подскочил к Хейгу и, нащупав большим пальцем нервное сплетение на локте, надавил. Пистолет выпал из оцепеневшей руки Майка и повис на ремне, болтаясь у колена.

— Раффи, останови его! — крикнул Брюс, потому что Хендри, пересиливая боль, скреб пальцами по лежащей в пыли винтовке.

— Есть, босс!

Раффи быстро наклонился над скорчившимся телом и, ловким движением отстегнув ремень кобуры, выдернул пистолет. Порвавшийся ремень щелкнул, как бич.

Все замерли: Брюс держал Хейга сзади, Хендри скрючился у ног Раффи. Раздавалось только хриплое прерывистое дыхание.

Брюс понял, что напряжение Майка пошло на убыль и сумасшествие покинуло его. Керри отстегнул его пистолет и бросил на землю.

— Отпусти, Брюс. Все нормально.

— Уверен?

— Да, все в порядке.

— Если опять начнешь, я тебя пристрелю. Понял?

— Да. Я на секунду потерял рассудок.

Брюс выпустил Майка.

Все собрались вокруг стоявшего на коленях Хендри.

— Если ты или Хейг начнете опять, ответите мне головой, — сказал Брюс Керри. — Ты меня слышишь?

Хендри взглянул на него сощуренными от боли глазами и не ответил.

— Ты меня слышишь? — повторил Брюс.

Хендри кивнул.

— Хорошо. С этого момента, Хендри, ты под открытым арестом. Лишних людей у меня нет, конвоировать тебя некому, так что если хочешь — беги. Местное население с удовольствием тебя примет. Они даже устроят банкет в твою честь.

Хендри оскалился, обнажив зубы с грязно-зеленым налетом.

— Помни мою клятву, Хендри, как только мы вернемся…

— Уолли, Уолли, ты ранен? — Андрэ, бежавший от самой станции, упал на колени рядом с Хендри.

— Отвали, отстань от меня, — рявкнул на него Хендри.

Андрэ отпрянул.

— Де Сурье, кто дал тебе право оставить пост? Возвращайся на поезд.

Андрэ неуверенно поднял голову, а затем снова взглянул на Хендри.

— Де Сурье, ты меня слышал? Ступай. Ты тоже, Хейг.

Хейг с Андрэ скрылись за зданием станции, а Брюс снова взглянул на детей. На щеке мальчика были следы крови и шоколада, глаза широко распахнуты в немом удивлении. По трупам уже ползали мухи.

— Раффи, принеси лопаты. Похорони их вон там. — Он указал на аллею кассий. — И поторопись.

Он говорил быстро, боясь, что голос выдаст его чувства.

— Хорошо, босс. Я все устрою.

— Пошли, Хендри, — рявкнул Брюс.

Уолли Хендри, тяжело поднявшись, покорно поплелся за ним.

7

От станции Мсапа состав медленно шел через леса на север. Проплывающие мимо деревья были словно сделаны по образцу — одно к одному, высокие, стройные, изящные. Будучи повторенной миллион раз, красота терялась, превращаясь в скучную, однообразную картину. Над лесом простиралось небо, а разбросанные по нему облака кое-где собирались вместе, готовясь к новой атаке. Лес задерживал жару и влагу, и путешественники покрылись потом, несмотря на ветерок от движения поезда.

— Как лицо? — спросил Брюс.

Майк провел рукой по двум параллельным вздувшимся ссадинам на лбу.

— Да ничего, — ответил он и, подняв голову, посмотрел на платформу, где стоял Уолли Хендри. — Зачем ты меня остановил…

Брюс не ответил. Он тоже глядел на Хендри, который неловко прислонился к борту платформы — похоже, боль еще не отпустила, — и вполоборота разговаривал с Андрэ.

— Дал бы его убить, — продолжал Майк. — Тот, кто может хладнокровно застрелить двух маленьких детей, а потом еще и смеяться...

Майк не закончил, но его кулаки сжимались и разжимались.

— Не твое дело, — сказал Брюс, почувствовав скрытый упрек. — Ты кто такой? Карающий ангел Господа?

— Не мое дело, говоришь? — Майк резко повернулся к Брюсу. — Черт побери, да что ты за человек?! Надеюсь, ты шутишь.

— Я тебе говорю простым языком, что я за человек, Хейг, — ровно ответил Брюс. — Я тот, кто не лезет в чужие дела и не мешает жить другим. Я готов предпринять соответствующие меры, чтобы никто не нарушал законы, предписанные нам обществом. Но и только. Хендри совершил убийство. Согласен, это плохо. По возвращении в Элизабетвиль я обращу на лейтенанта Хендри внимание тех, кто по долгу службы этим занимается, а вот размахивать знаменами и цитировать Библию с пеной у рта я не собираюсь.

— Все?

— Все.

— Тебе не жалко ребятишек?

— Жалко. Хотя, видишь ли, жалость еще никого не воскресила. А раз это все пустые терзания, то я выключил жалость — детям она уже не поможет.

— Неужели ты не чувствуешь ни злости, ни отвращения, ни ужаса при виде Хендри?

— Нет, — ответил Брюс, снова начиная терять терпение. — Меня разорвет, если я дам волю чувствам, как ты.

— Значит, вместо этого ты с равнодушием и терпением смотришь на такого урода, как Хендри?

— Черт! — заскрежетал зубами Брюс. — Что ты от меня хочешь?

— Я хочу, чтобы ты перестал притворяться мертвым, — взволнованно заявил Майк, начиная терять терпение. — Я хочу, чтобы ты видел зло и боролся с ним.

— Замечательно! Вот прикуплю подержанные доспехи и белого коня, брошу вызов жестокости и равнодушию, похоти и жадности, ненависти и бедности...

— Да я не то... — пытался вмешаться Майк, но Брюс не дал ему возможности. Его красивое лицо потемнело от гнева и солнца.

— Ты хочешь, чтобы я боролся со злом? Придурок, ты что, не знаешь — у него сто голов и на месте отрубленной сразу вырастает еще сто? Зло есть и в тебе, а значит, чтобы его уничтожить, ты должен уничтожить себя.

— Ты трус, Керри! Обожжешь пальчик и бежишь строить себе укрытие из асбеста...

— Я не люблю, когда меня обвиняют в трусости, Хейг. Попридержи-ка язык.

Майк замолк, и его лицо смягчилось. Он улыбнулся.

— Прости, Брюс. Хотел тебя поучить...

— Спасибо, — с каменным лицом процедил Брюс. Извинения его не успокоили. — Ты хотел меня поучить, большое спасибо! А чему, Хейг? У тебя какая специализация? «Как стать успешным и счастливым», лекцию читает весельчак Майк Хейг, дослужившийся до лейтенанта черной армии Катанги, — как тебе тема? Или что-нибудь понаучнее: «Использование алкоголя в духовных исканиях»...

— Ладно, Брюс. Все, молчу.

Керри внезапно понял, как глубоко он ранил Майка. Лучше бы промолчал. Однако сказанного не вернуть. Майк Хейг вдруг как-то постарел и поник. Морщины под глазами вмиг стали глубже, а глаза поблекли.

— Да, забавно получилось, — с коротким горьким смешком подтвердил он.

— Переборщил немного, — признал Брюс и добавил: — Наверное, надо было тебе дать пристрелить Хендри. Пустая трата патронов на самом деле, но если уж тебе так не терпится, на, возьми мой. — Брюс вынул пистолет, протянул его Майку рукояткой вперед и обезоруживающе улыбнулся.

Улыбка вышла такой нелепой и такой заразительной, что Майк невольно расхохотался. Шутка, конечно, не из лучших, но искорка зажглась, и внезапно они оба зашлись смехом.

Черты Майка разгладились, как тающее масло, он словно помолодел лет на двадцать. Брюс в изнеможении прислонился к мешкам с песком, все еще держа в руке пистолет, и его длинное стройное тело сотрясалось от хохота. В этом смехе было что-то лихорадочное, отчаянное, как будто с его помощью они хотели избавиться от вкуса крови и ненависти.

Снизу, с платформ, на них смотрели солдаты и тоже стали подсмеиваться — из солидарности, не замечая болезненной ноты.

— Эй, босс! — крикнул Раффи. — В первый раз вижу, чтобы вы так по-настоящему хохотали.

Эпидемия распространилась: смеялись все, улыбался даже Андрэ де Сурье.

Смех не коснулся только одного человека — Уолли Хендри. Лейтенант стоял, молчаливый и угрюмый, оглядывая всех маленькими, ничего не выражающими глазками.

* * *

Во второй половине дня отряд подъехал к мосту через реку Шек. Автомобильная и железная дороги пересекали реку рядом, но потом разделялись, и шоссе уходило влево. К воде спускались густые заросли колючего боярышника и древовидного папоротника, сквозь которые поднимались огромные деревья, цветущие только на самой верхушке, на солнце.

— Хорошее место для засады, — пробормотал Майк Хейг, окидывая взглядом величественные заросли по обе стороны путей.

— Просто чудесное, — съехидничал Брюс.

Судя по тому, как настороженно вели себя солдаты, было видно, что и они полностью согласны.

Поезд медленно полз сквозь растительность, как стальная змея по кроличьим ходам, и наконец подобрался к реке.

Брюс включил рацию.

— Машинист, останови состав по эту сторону моста. Я хочу осмотреть его, прежде чем доверять ему наш бесценный груз.

— Oui, monsieur.

Глубокая и быстрая река Шек в этом месте была шириной ярдов пятьдесят. После дождей она разлилась, закрыв собой песчаные пляжи по берегам, а вокруг опор моста бутылочно-зеленая вода отчаянно бурлила, смешиваясь с грязью.

— Вроде все в порядке, — высказал предположение Хейг. — Далеко мы от Порт-Реприва?

Брюс разложил перед собой на крыше вагона походную карту и нашел скобки, схватившие извилистую ленту реки.

— Вот где мы. — Он дотронулся до карты и провел пальцем вдоль пунктирной линии железной дороги до красного кружка,

обозначающего Порт-Реприв. — Еще тридцать миль — час пути. До темноты успеем.

— А вон Луфирские холмы. — Хейг указал на голубую дымку, только что показавшуюся впереди над лесом.

— Сможем посмотреть на город сверху, — заметил Брюс. — На той стороне Шек течет параллельно гряде, а справа болото — из него берет начало река.

Он скатал карту и отдал ее Раффи, который засунул ее в футляр.

— Раффи, мы с лейтенантом Хейгом осмотрим мост. Глядите по сторонам.

— Есть, босс. Возьмете с собой пива?

— Спасибо.

Брюсу очень хотелось пить, и он выпил полбутылки еще до того, как слез с поезда на гравийную насыпь. Сняв с плеч винтовки и беспокойно поглядывая по сторонам, они с Хейгом быстро добрались до моста и прошли его до середины.

— Вроде крепкий, — сказал Майк. — Кажется, никто его не ломал.

— Это дерево. — Брюс поставил ногу на одну из мангровых балок. Они были три фута толщиной и пропитаны специальным составом, замедляющим гниение.

— Ну дерево, и что? — не понял Майк.

— Дерево хорошо горит, — объяснил Брюс. — Мост легко сжечь.

Он облокотился о перила и, осушив бутылку пива, разжал пальцы. Бутылка упала в реку, в двадцати футах под ними.

— Скорее всего в зарослях засели балуба, — задумчиво сказал он, показывая на берега. — У них может возникнуть такая же идея. Может, оставить здесь патруль?

Майк подошел к нему, и они оба стали смотреть туда, где в двухстах ярдах вниз по течению река круто поворачивала. На излучине росло огромное дерево, раза в два выше, чем все остальные. Прямой ствол покрывала гладкая серебристая кора, а крона пирамидой уходила в облака. Оно невольно бросалось в глаза.

— Интересно, что это за дерево. Никогда таких не видел. — Брюса так поразило его величие, что он на секунду забыл обо всем. — Похоже на гигантский эвкалипт.

— Да, впечатляет, — согласился Майк. — Надо бы спуститься вниз и посмотреть... — Вдруг он напрягся, поднял руку и тревожно сказал: — Брюс, смотри! Что там, на нижних ветках?

— Где?

— Над первой развилкой, слева...

Внезапно Брюс увидел, как ему показалось, леопарда, но потом понял, что уж слишком длинным и темным был силуэт.

— Это человек! — воскликнул Майк.

— Балуба, — рявкнул Брюс.

Блестящее черное обнаженное тело, висящие у пояса звериные хвосты, на голове украшение из перьев, из-за плеча торчит длинный лук со стрелами. Человек пригнулся, держась одной рукой за ствол, и наблюдал за ними.

Брюс оглянулся на поезд. Хендри заметил их беспокойство и, следуя жесту Майка, тоже заметил балуба на дереве. Керри понял, что собирается сделать Хендри, и хотел было крикнуть, но не успел. Хендри сдернул с плеча винтовку и выпустил длинную, стрекочущую очередь...

— Только бы пострелять, идиот, — зарычал Брюс и оглянулся на дерево. От ствола отлетали кусочки белой коры, а разорванные пулями листья дрожали, как умирающие насекомые.

Балуба исчез.

Стрельба прекратилась. Хендри возбужденно орал:

— Готов! Готов, сукин сын!

— Хендри! — Голос Брюса хрипел от ярости. — Кто приказал тебе стрелять?

— Это же балуба, грязный оборванец балуба. Видел его, да? Ты видел?

— Иди сюда, Хендри.

— Готов, сукин сын, — продолжал злорадствовать Хендри.

— Ты оглох? Иди сюда!

Пока Хендри спускался с платформы, Брюс спросил Майка:

— Он его сбил?

— Вряд ли. По-моему, он просто спрыгнул. Если бы в него попала пуля, он бы опрокинулся назад. Ну, ты знаешь, как они падают.

— Да, — сказал Брюс. — Знаю.

Пуля, выпущенная из снайперской винтовки, бьет с силой в тонну. Если она попадает в человека, то сомневаться не приходится. Ладно, похоже, балуба все еще на дереве.

Подошел Хендри, самодовольный и торжествующий.

— Убил, значит, да? — спросил Брюс.

— Камнем упал, черт побери!

— Ты его видишь?

— Нет, он внизу, на земле.

— Поближе посмотреть не желаешь, Хендри? Уши его заполучить?

Уши — лучший трофей при убийстве человека. Не такой хороший, как шкура черногривого льва или бугристые рога буйвола, но лучше, чем скальп. Лохматый скальп африканца весьма неприятно сдирать и слишком сложно хранить. Его засаливают и, вывернув наизнанку, натягивают на каску для просушки, и все равно он воняет. С ушами возни меньше, и Хендри стал жадным собирателем. В своем пристрастии он не был одинок: в армии Катанги многие этим увлекались.

— Ага. — Хендри отстегнул штык от дула винтовки. — Сейчас сбегаю.

— Туда нельзя никого пускать, Брюс. Даже его, — тихо запротестовал Хейг.

— Почему бы и нет? Он это заслужил тяжелым трудом.

— Я на минуту. — Большим пальцем Хендри проверил лезвие штыка.

«Черт побери, ведь он не шутит, — подумал Брюс. — Ведь полезет-таки в джунгли за парой ушей. Это не от храбрости. Ему просто катастрофически не хватает воображения».

— Подожди меня, Брюс, я быстро, — сказал Хендри, шагая прочь.

— Брюс, это же шутка? — переспросил Майк.

— Да, — согласился Брюс ледяным тоном, — это шутка.

Он схватил Хендри за плечо и остановил.

— Слушай меня! Больше у тебя шансов нет. Ну, давай, Хендри, только попробуй. Еще раз — и все.

Хендри помрачнел.

— Не толкай меня, пижон.

— Иди назад и проведи поезд через мост, — с презрением сказал Брюс и повернулся к Хейгу. — Нужно оставить здесь патруль. Теперь они знают, что мы перебрались через реку и наверняка сожгут мост, особенно после такого фиаско.

— Кого оставишь?

— Десять человек с сержантом. Мы вернемся к ночи или, самое позднее, завтра утром. С ними все будет нормально. Туземцев здесь немного — скорее всего одиночки шастают. Их основные силы ближе к городу.

— Надеюсь, ты прав.

— Я тоже надеюсь, — рассеянно ответил Брюс, уже тщательно обдумывая, как лучше защитить мост. — Снимем с поезда все мешки с песком, соорудим на путях огневую позицию, оставим два прожектора на батареях, ящик сигнальных ракет, пулемет и пару ящиков с гранатами. Еды и питья на неделю. Да ладно, все должно быть хорошо.

Поезд не спеша катил на них, и тут с опушки джунглей в воздух взвилась стрела. Крутясь, она медленно взлетела и, увеличив скорость, беззвучно упала в гущу людей на платформе.

Значит, Хендри промазал. Балуба пробрался через заросли и, желая отомстить, пустил свою стрелу. Брюс подскочил к перилам и, положив на них винтовку, дал несколько коротких очередей по зеленому пологу леса, видя, как дрожит листва от пуль. Хейг тоже стрелял, обшаривая место, откуда вылетела стрела.

Поезд уже поравнялся с ними. Брюс закинул винтовку на плечо, вскарабкался на платформу и протиснулся к рации, расталкивая столпившихся солдат.

— Машинист, останови так, чтобы крытые вагоны оказались на середине моста! — прокричал он, выключил рацию и обратился Раффи: — Сержант-майор, приказываю сбросить все мешки с песком с крыши на дорогу.

— Есть, босс.

Брюс выбрал самого толкового сержанта.

— Канаки, останешься здесь с десятью людьми, будете защищать мост до нашего возвращения. Возьмите один пулемет и два прожектора… — Керри быстро и четко отдал приказания, и у него даже осталось время спросить Андрэ: — Где стрела? Кого-нибудь задела?

— Нет, прошла в нескольких дюймах. Вот она.

— Повезло.

Брюс взял у Андрэ стрелу и быстро ее осмотрел. Легкая, грубо оперенная листьями тростинка со свинцовым наконечником, привязанным к ней полоской сыромятной кожи. Хрупкая и совсем безобидная, но острие густо смазано темной, засохшей, как карамель, пастой.

— Чудесно, — пробормотал Брюс и передернулся, представив, как яд растекается под кожей лиловым пятном. Такая смерть не из приятных. Тростинка со свинцовым наконечником сразу предстала зловещей и омерзительной. Он сломал ее и бросил через перила моста. Потом спрыгнул с платформы, чтобы посмотреть, как идет сооружение огневого рубежа.

— Не хватает мешков с песком, босс, — сказал Раффи.

— Возьмите матрасы с коек, — разрешил проблему Брюс. Обтянутые кожей соломенные тюфяки легко задержат стрелу.

Через пятнадцать минут все было закончено. В кольце мешков и матрасов высотой до плеч свободно помещались десять человек, оружие и продовольствие. Сквозь амбразуры простреливались оба конца моста.

— Канаки, мы вернемся завтра утром. Никто ни по какой причине не должен покидать пост. Щели между балками достаточно большие, нужду справить сможете.

— Мы проведем время с завидным удобством, капитан. Вот только успокоительного будет не хватать, — многозначительно улыбнулся Канаки, глядя на Брюса.

— Раффи, оставь им ящик пива.

— Целый ящик? — Сержант-майор даже не пытался скрыть, что резко не одобряет такое неэкономное решение.

— Ты мне не доверяешь?

— Доверяю, босс. — Раффи перешел на французский, чтобы протест прозвучал более формально. — Я выражаю озабоченность по поводу восполнения такого ценного продукта.

— Раффи, ты зря теряешь время!

8

От моста до Порт-Реприва оставалось тридцать миль. В шести милях от города показалось шоссе, нырнуло под железнодорожный мост и скрылось в лесу, добираясь до Порт-Реприва в обход возвышенности. А железная дорога карабкалась на вершину холма и оказывалась в

шестистах футах над поселком. На каменистых склонах лес поредел и уже не закрывал обзор.

Стоя на крыше, Брюс оглядывал Луфирские топи, тянувшиеся к северу, — бесконечное пространство болотной осоки и открытой воды, уходящее в голубую дымку. С юга его окаймляла река Луфира шириной в полмили. По ее темно-оливковой поверхности гуляла рябь, закручиваясь в водовороты у берегов, под нависшими над водой кустами. Там, где сходились река и топи, образовался естественный мыс, который защищал небольшую гавань Порт-Реприва. Город ютился на клочке земли между гаванью и небольшим болотцем. Шоссе обходило холмы справа и, преодолев дамбу над болотом, вливалось в единственную улицу города.

В центре, напротив станции, стояли три больших здания, железные крыши которых блестели на солнце, как маяки. Вокруг сгрудились штук пятьдесят крытых соломой лачуг.

Вдоль берега гавани протянулся длинный сарай, по всей видимости, мастерские, откуда к воде спускались два пирса. К ним были пришвартованы три дночерпателя — черные неповоротливые суда с высокими надстройками и тупыми носами.

Здесь, на берегу змееподобной реки, в маленькой убогой деревне, поселились жара и болотная лихорадка.

— Хорошее местечко для выхода на пенсию, — проворчал Майк Хейг.

— Или для санатория, — отозвался Брюс.

Внизу, у дамбы, теснилось еще несколько строений — над лесом виднелись лишь верхушки крыш. Над ними возвышался медный шпиль церкви.

— Миссия, — то ли сказал, то ли спросил Брюс.

— Святого Августина, — подтвердил Раффи. — У моей первой жены брат здесь учился. Он теперь атташе чего-то там в Элизабетвиле. У него чертовски недурно идут дела. Хвастун.

— Что ж, молодец, — сказал Брюс.

Поезд медленно съезжал по склону вниз, к городку.

— Ну, босс, вот мы и на месте.

— Точно. Теперь остается только вернуться.

— Да, сэр. Плевое дело.

Отряд въехал в город.

На перроне их встречало больше сорока человек.

«Да, приличный груз будет на обратном пути», — подумал Брюс, пробежав по толпе взглядом. В глаза бросились яркие пятна женских нарядов. Брюс насчитал четыре. «Еще одна непредвиденная сложность. Надеюсь, хоть когда-нибудь в моей жизни все будет так, как я ожидал, и все пройдет гладко вплоть до логического завершения. Надеюсь, черт побери, надеюсь...»

Радость и облегчение слышались в приветственных возгласах. Женщины плакали, а мужчины бежали рядом с поездом, как ребятня. Брюс заметил, что все они смешанных кровей. Цвет кожи варьировался от сливочно-желтого до угольно-черного. Похоже, бельгийцы оставили после себя богатые воспоминания.

В стороне от толпы и всеобщего ликования стоял пожилой бельгиец-полукровка, начальственный вид которого выдавал в нем чиновника высокого ранга. Рядом с ним стояла дородная женщина такого же почтенного возраста, но с более темной кожей. Брюс сразу понял, что это его жена. Стоявшую неподалеку девушку в джинсах и белой рубашке с открытым воротом Брюс сначала принял за мальчика, пока не заметил темные локоны, рассыпавшиеся по плечам, и совсем не мужские выпуклости груди под тонким полотном рубашки.

Поезд остановился. Брюс соскочил на перрон и стал, смеясь, проталкиваться сквозь толпу к бельгийцу. Керри уже целый год провел в Конго, но так и не привык к тому, чтобы его целовали не брившиеся два или три дня люди, от которых пахло чесноком и дешевой махоркой. Такую бестактность он испытал не один раз, пока добрался до бельгийца.

— Да благословит вас Господь, что вы прибыли нам на помощь, мсье капитан. — Бельгиец разглядел две планки на шлеме Брюса и подал ему руку.

Ожидая и опасаясь очередного поцелуя, Брюс с радостью и облегчением ответил на рукопожатие.

— Рад, что мы вовремя, — заметил он.

— Я — Мартин Бусье, представитель «Юнион миньер», а это моя жена, мадам Бусье.

Мартин Бусье был высок и в отличие от своей жены весьма скромно наделен плотью. Седые волосы резко оттеняли темную, выдубленную экваториальным солнцем кожу. Брюсу он сразу понравился. Мадам Бусье прижалась к Брюсу обширным телом и расцеловала его от души. Ее мягкие усы не причинили ему никакого неудобства. От нее пахло

туалетным мылом, что, решил Брюс, давало ей несомненное преимущество.

— Разрешите также представить мадам Картье.

Брюс в упор посмотрел на девушку. Сразу несколько вещей поразило его: белая кожа — не болезненно бледная, а матово-прохладная, к которой хотелось прикоснуться; огромные глаза, занимавшие, казалось, все лицо; неосознанно зовущие губы и слово «мадам» перед фамилией.

— Брюс Керри, капитан армии Катанги, — назвался он и подумал: «Слишком юна для замужества, ей всего лет семнадцать. Она по-девичьи свежа и наверняка пахнет как щенок-сосунок».

— Спасибо вам, что приехали, monsieur.

Ее голос, с хрипотцой, звучал так, словно она вот-вот рассмеется или займется любовью. Брюс прибавил ей еще три года. Такой голос не мог принадлежать девочке. Да и ноги в джинсах совсем не девчачьи, и выпуклости под рубашкой — тоже. Переведя взгляд к ее лицу, Брюс заметил румянец на щеках и искорки раздражения в глазах.

«Боже, — подумал он, — я пялюсь на нее, как солдат на побывке». Он быстро перевел взгляд на Бусье, но горло сжалось, и заговорил Керри с трудом.

— Сколько вас?

— Сорок два человека, из них пять женщин и двое детей.

Брюс кивнул. Он так и ожидал. Женщин можно поместить в крытый вагон. Керри повернулся и стал осматривать станцию.

— Есть ли у вас круговой путь, где можно развернуть локомотив? — спросил он у Бусье.

— Нет, капитан.

Придется ехать задним ходом всю дорогу до Мсапы. Будет трудно следить за путями, и к тому же все прокоптятся дымом.

— Какие меры вы предприняли против возможных нападений, мсье?

— Неадекватные, капитан, — признался Бусье. — У меня не хватает людей, чтобы защищать город, — большинство уехали до обострения ситуации. Я расставил караулы на всех подступах и как мог укрепил гостиницу. Там мы собирались укрыться от нападения.

Брюс снова кивнул и посмотрел на солнце. Оно уже краснело, подбираясь к горизонту. До темноты оставался всего час или два.

— Мсье, сейчас уже поздно собирать людей и нет смысла ехать в ночь. Пусть загрузят вещи сегодня. Переночуем и отправимся завтра на рассвете.

— Мы все не дождемся отсюда выбраться. На краю джунглей дважды замечены большие отряды балуба.

— Понимаю, — сказал Брюс. — И тем не менее ночью путешествовать опасно, лучше подождать еще двенадцать часов.

— Вам виднее, — согласился Бусье. — Что нам делать сейчас?

— Проследите за погрузкой. Взять разрешаю лишь самое необходимое. Нас будет почти сто человек.

— Прослежу лично, — заверил его Бусье. — А потом?

— Это гостиница? — Брюс указал на большое двухэтажное здание на другой стороне улицы, всего в двухстах ярдах от них.

— Да, капитан.

— Хорошо, — сказал Брюс. — Близко. Пусть ваши люди в ней и переночуют. Здесь будет удобнее, чем в поезде.

Он снова посмотрел на девушку. Она наблюдала за ним с легкой улыбкой, как мать за маленьким сынишкой, играющим в солдатики. Пришел черед Брюса раздражаться: ему вдруг стало неловко за свою форму и эполеты, за револьвер у бедра, за висевшую на плече винтовку и за тяжелую каску на голове.

— Мне нужен проводник, который хорошо знает местность. Я хочу осмотреть ваши укрепления, — сказал он Бусье.

— Мадам Картье вам все покажет, — бесхитростно предложила жена Бусье.

«Интересно, заметила ли она что-нибудь? — подумал Брюс. — Наверняка. Обычно женщины такое чуют сразу».

— Шермэйн, поедешь с капитаном? — спросила мадам Бусье.

— Как угодно капитану. — Она продолжала улыбаться.

— Значит, договорились, — резко сказал Брюс. — Встретимся у гостиницы через десять минут, а у меня пока дела здесь. — Он повернулся к Бусье: — Можете начинать погрузку, мсье.

Брюс направился к составу.

— Хендри, — крикнул он, — вы с де Сурье останетесь в поезде. Стоим до утра, сейчас жители погрузят свои вещи. Просвети прожекторами пути в оба конца и проверь, в порядке ли пулеметы.

Хендри, кивнув, проворчал что-то, не глядя на Брюса.

— Майк, — продолжал Брюс, — возьми десять человек, и засядьте на ночь в гостинице — на случай нападения.

— Хорошо, Брюс.

— Раффи.

— Сэр!

— Возьми кого-нибудь и помоги машинисту заправиться.

— Хорошо, босс. Кстати, босс…

— Да. — Брюс повернулся к нему.

— Когда пойдете в гостиницу, посмотрите, нет ли там пива. У нас уже почти кончилось.

— Буду иметь в виду.

— Спасибо, босс, — облегченно выдохнул Раффи. — Неприятно будет, черт побери, помереть в этой дыре от жажды.

Жители потоком устремились в гостиницу. Шермэйн шла вместе с четой Бусье. Брюс услышал над головой голос Хендри.

— Боже, только посмотрите, что у нее в штанишках! Что бы это ни было, оно круглое и из двух половинок, и половинки двигаются отдельно друг от друга!

— У тебя нет работы, Хендри? — жестко спросил Брюс.

— А что такое, Керри? — Хендри глумливо улыбался. — Ты сам на нее глаз положил? Да, пижон?

— Она замужем, — сказал Брюс и удивился сам себе.

— Конечно, — загоготал Хендри. — Как и все лучшие. Но ведь это ничего не значит, ровно ничего.

— Делом займись, — рявкнул Брюс, а затем обратился к Хейгу: — Готов? Пойдем со мной.

9

Бусье ждал их на открытой террасе гостиницы. Он отвел Брюса в сторону и тихо заговорил с ним:

— Monsieur, не хотел бы показаться паникером, но я только что получил тревожные известия. Вооруженные современным оружием бандиты движутся с севера. Последние новости — разграблена миссия Сенвати в трехстах километрах к северу отсюда.

— Да, — кивнул Брюс. — Я знаю. Мы слышали по радио.

— Тогда вы, наверное, уже поняли, что они могут здесь быть очень скоро.

— Они явятся не раньше чем завтра к обеду, а к тому времени мы уже будем подъезжать к станции Мсапа.

— Надеюсь, вы правы, monsieur. Зверства, которые творил генерал Мозес в Сенвати, невозможно себе вообразить. По-видимому, у него патологическая ненависть ко всем людям европейского происхождения. — Бусье помолчал, но потом продолжил: — В Сенвати было двенадцать белых монахинь. Говорят, их...

— Да, — быстро перебил его Брюс. Он не хотел слушать дальше. — Могу себе представить. Постарайтесь, чтобы эти новости не распространились среди ваших людей. Нам не нужно паники.

— Конечно, — кивнул Бусье.

— Сколько человек у генерала Мозеса?

— Не больше сотни, но, как я уже сказал, у них современное оружие. Говорят, у них даже пушка большого калибра, хотя это вряд ли. Они захватили колонну грузовиков, а в Сенвати украли цистерну с бензином, принадлежащую нефтяной компании.

— Ясно, — задумчиво протянул Брюс. — Что ж, моего решения остаться здесь на ночь это не меняет. Отправляемся рано утром.

— Как скажете, капитан.

— А сейчас, monsieur, — сменил тему Брюс, — мне бы не помешал хоть какой-нибудь транспорт. Машина на ходу? — Он указал на бледно-зеленый «форд-ранчеро», припаркованный у стены.

— Да. Принадлежит моей компании. — Бусье достал из кармана связку ключей и отдал их Брюсу. — Вот ключи. Бак полон.

— Хорошо, — сказал Брюс. — Теперь нужно встретиться с мадам Картье...

* * *

В вестибюле гостиницы Шермэйн Картье встала навстречу входящим Брюсу и Бусье.

— Вы готовы, мадам?

— К вашим услугам, — ответила она, и Брюс резко взглянул на нее. Лишь по едва заметной искорке в ее синих глазах можно было понять, что она осознала двусмысленность сказанного.

Они подошли к «форду», и Брюс открыл ей дверцу.

— Вы так галантны, monsieur, — поблагодарила его Шермэйн и скользнула на сиденье.

Брюс обошел машину и забрался на водительское кресло.

— Почти стемнело, — сказал он.

— Сверните направо, на дорогу к Мсапе, там пост.

Брюс повел автомобиль по грунтовой дороге через весь городок, и вскоре они подъехали к последнему дому перед дамбой.

— Здесь, — сказала девушка, и Брюс остановился.

Пост охраняли двое мулатов, вооруженных спортивными винтовками. Брюс заговорил с ними. Никаких балуба они не видели, но очень нервничали.

— Идите назад в гостиницу, — приказал им Керри. — Балуба наверняка видели, как приехал поезд, сегодня они атаковать не станут. До завтра мы в безопасности. Но если мы вас здесь оставим, вам могут перерезать глотки.

Полукровки подхватили свои пожитки и с легким сердцем отправились в центр города.

— Где остальные? — спросил Брюс девушку.

— Следующий пост — у насосной станции вниз по реке, там трое.

Брюс следовал ее указаниям, украдкой поглядывая на нее. Шермэйн сидела, подобрав под себя ноги. Сидела неподвижно, заметил Брюс. «Мне нравится, когда женщина не суетится, это успокаивает. Но как она улыбается! Нет, это не успокаивает, черт побери! Не успокаивает, а волнует».

Вдруг она повернулась и с улыбкой встретила взгляд.

— Вы ведь англичанин, капитан?

— Нет, я из Родезии, — ответил Брюс.

— Это одно и то же, — сказала девушка. — Вы так плохо говорите по-французски, что в вас нетрудно узнать англичанина.

Брюс рассмеялся.

— Наверное, ваш английский лучше, чем мой французский, — поддразнил он.

— Наверное, не хуже, — в тон ему ответила она. — Вы совсем другой, когда смеетесь, не такой мрачный, не такой героический. Нам следующий поворот направо.

Брюс повернул руль, и они покатили к бухте.

— Вы откровенны, — сказал он. — Кстати, у вас прекрасный английский.

— Вы курите? — спросила она.

Он кивнул. Она зажгла две сигареты и передала одну ему.

— Вы слишком молоды для курения. И слишком молоды для замужества.

Она перестала улыбаться и спустила ноги с сиденья.

— Вот здесь насосная станция, — сказала она.

— Прошу прощения, мне не следовало этого говорить.

— Не важно.

— Это бестактность с моей стороны, — возразил он.

— Не имеет значения.

Брюс остановил машину и открыл свою дверцу.

Он прошел по деревянному пирсу к зданию станции, доски глухо стучали под его ботинками. Из тростника поднимался туман, расползаясь по бухте, а лягушки гудели на сотню разных ладов.

В единственной комнате сидели трое. Брюс заговорил с ними:

— Успеете добраться до гостиницы засветло, если поспешите.

— Oui, monsieur, — согласились они.

Брюс смотрел, как они идут по дороге, а затем вернулся к машине. Он повернул ключ и сквозь шум мотора услышал голос девушки:

— Как ваше имя, капитан Керри?

— Брюс.

Она повторила, получился почти «Брус».

— Почему вы стали военным?

— По многим причинам, — ответил он небрежно.

— Вы не похожи на военного, несмотря на все ваши нашивки и оружие, вопреки вашей мрачности и привычке отдавать приказы.

— Наверное, я не очень хороший военный. — Он улыбнулся ей.

— Идеальный, когда не смеетесь. Но я рада, что вы не похожи на служаку, — сказала она.

— Где следующий пост?

— На железной дороге. Там двое. Здесь опять направо, Брюс.

— Вы тоже хорошо знаете свое дело, Шермэйн.

Назвав друг друга по имени, они снова замолчали. Брюс чувствовал, как между ними возникает что-то доброе и теплое, как свежеиспеченный хлеб. «А как же ее муж? — подумал Керри. — Интересно, где он, кто он. Почему он не с ней?»

— Он умер, — сказала она тихо. — Четыре месяца назад, от малярии.

От неожиданности ответа на незаданный вопрос и от самого известия Брюс несколько секунд не мог ничего сказать, но потом выдавил:

— Простите...

— Вот и пост, — сказала она, — в доме с соломенной крышей.

Брюс остановил машину, выключил двигатель. Тишину прервала Шермэйн:

— Он был очень хороший человек, очень добрый. Я его знала всего несколько месяцев, но он был очень хороший.

Она сидела рядом с ним, маленькая и грустная в наступающей темноте. Брюса охватила нежность. Ему захотелось обнять ее и защитить от всех печалей. Он искал слова, но она опередила его и, встрепенувшись, заговорила обычным голосом:

— Уже темно, надо спешить.

Вестибюль гостиницы заполняли подчиненные Бусье. Хейг установил пулемет у окна второго этажа, откуда простреливалась главная улица, а двух человек поставил у дверей кухни, защищать тылы. Жители собрались группками, тихо переговариваясь, и все как один с собачьей преданностью посмотрели на вошедшего Брюса. Он почувствовал себя неловко.

— Все в порядке, Майк? — резко спросил он.

— Да, Брюс. Здание должно выдержать неожиданную атаку. Де Сурье и Хендри на станции, у них тоже все нормально.

Брюс указал на столпившихся людей:

— Они уже погрузили свои вещи?

— Да, все уже в поезде. Я приказал Раффи снабдить их едой из наших запасов.

— Хорошо.

Брюс вздохнул с облегчением: пока никаких осложнений.

— Где Бусье?

— В своем кабинете, напротив.

— Мне надо с ним поговорить.

Шермэйн вошла в кабинет вместе с Брюсом, без приглашения. Керри было приятно, что она рядом.

Бусье поднял голову. Яркий свет лампы нещадно подчеркивал морщины в углах глаз и рта, выделял прожилки на розовой коже головы под аккуратно причесанными волосами.

— Мартин, вы еще работаете! — воскликнула Шермэйн.

Он улыбнулся ей спокойно и приветливо:

— Нет, милая, просто навожу порядок. Пожалуйста, садитесь, капитан.

Бусье обошел стол и, сняв со стула стопку тяжелых кожаных папок, упаковал их в коробку на полу. Вернувшись на свое место, он достал из стола коробку сигар и предложил Брюсу закурить.

— Нет слов, какое облегчение я испытываю с тех пор, как появился ваш отряд. Последние несколько месяцев выдались очень тяжелыми. Сомнения. Беспокойство. — Бусье чиркнул спичкой и, поднеся ее подавшемуся вперед Брюсу, зажег его сигару. — Но теперь все кончено. Я чувствую себя так, словно с плеч сняли огромный груз. — Затем тон его стал резким. — Вы запоздали, капитан. Час назад я получил известия, что генерал Мозес со своими бойцами оставил Сенвати и продвигается на юг. Они сейчас в двухстах километрах к северу отсюда. При такой скорости они будут здесь к утру.

— Откуда вы это узнали?

— От одного из моих людей. Не спрашивайте, откуда узнал он. В этой стране существует система сообщения, которую я за все годы не смог постичь. Может быть, барабаны. Я их слышал сегодня вечером. Не знаю. Тем не менее источник достоверный.

— Не думал, что они так близко, — пробормотал Брюс. — Если бы я знал, рискнул бы выехать сегодня в ночь, хотя бы до моста.

— Думаю, что ваше решение задержаться до утра было правильным. Генерал Мозес — да и никто из его людей — не рискнет передвигаться в темноте. К тому же состояние дороги от Сенвати после трех месяцев отсутствия ухода таково, что ему понадобится десять — двенадцать часов, чтобы покрыть это расстояние.

— Надеюсь, вы правы. — Брюсом овладело беспокойство. — Может быть, стоит выступить сейчас же?

— Это рискованно, капитан, — возразил Бусье. — Мы знаем, что вблизи города затаились туземцы. Их видели. Они знают о вашем прибытии и уже могли повредить пути, чтобы предотвратить наш отъезд. Нет, ваше первоначальное решение правильно.

— Знаю. — Брюс сгорбился на стуле, хмурясь и посасывая сигару. Затем он откинулся назад, а лицо прояснилось. — Однако рисковать нельзя. Поставлю часового на дамбе. Если пожалует мистер Мозес, мы сможем его задержать, и люди успеют погрузиться в поезд.

— Вероятно, это наилучший путь, — согласился Бусье. Он помолчал и, взглянув на открытые окна, понизил голос: — Есть еще одна вещь, капитан, на которую я хотел бы обратить ваше внимание.

— Слушаю вас.

— Как вы знаете, деятельность моей компании в Порт-Реприве заключается в добыче алмазов из луфирских топей.

Брюс кивнул.

Бусье указал на тяжелую стальную дверь в стене за столом.

— В сейфе — девять с половиной тысяч карат алмазов ювелирного качества и около двадцати шести тысяч карат технических алмазов.

— Я так и думал, — ровным тоном ответил Брюс.

— Надо договориться об их транспортировке и хранении…

— Как они упакованы? — спросил Брюс.

— В одном деревянном ящике.

— Какого размера и веса?

— Я вам покажу.

Бусье подошел к сейфу. Послышались щелчки тумблеров и жужжание механизма.

Брюс вдруг осознал, что после приветствия Шермэйн не произнесла ни слова. Он взглянул на нее, она улыбнулась в ответ.

«Мне нравятся женщины, которые знают, когда нужно молчать».

Распахнув дверь сейфа, Бусье вынул оттуда небольшой деревянный ящик и поставил его на стол.

— Вот, — сказал он.

Восемнадцать дюймов в длину, девять в высоту, двенадцать в ширину. Брюс приподнял его, взвешивая.

— Почти двадцать фунтов веса, — прикинул он. — Крышка запечатана.

— Да, — подтвердил Бусье, коснувшись восковых оттисков.

— Хорошо, — кивнул Брюс. — Не хотелось бы привлекать излишнее внимание и приставлять охрану.

— Согласен.

Брюс еще некоторое время рассматривал ящик, а потом спросил:

— Какова ценность камней?

Бусье пожал плечами:

— Около пятисот миллионов франков.

Брюса впечатлила сумма: полмиллиона фунтов стерлингов. За такую и убить можно.

— Я бы предложил вам, monsieur, спрятать шкатулку в своем багаже. В одеялах, например. Вряд ли до Мсапы возникнет опасность кражи — у вора не будет возможности сбежать. Когда мы доберемся до Мсапы, я предприму дополнительные меры безопасности.

— Хорошо, капитан.

Брюс встал и посмотрел на часы:

— Семь часов, черт побери. Пора проверить часовых на дамбе. Будьте добры, удостоверьтесь, что ваши люди смогут погрузиться в поезд завтра до рассвета.

— Разумеется.

Брюс посмотрел на Шермэйн, и она быстро встала. Он открыл ей дверь и уже собирался выйти вслед за ней, когда его поразила мысль.

— А миссия Святого Августина? Там уже никого нет?

— Есть. — Бусье выглядел смущенным. — Отец Игнаций еще там, и, конечно, пациенты больницы.

— Спасибо, что сказали, — с горечью заметил Брюс.

— Простите, капитан. Вылетело из головы, столько всего пришлось решать.

— Вы знаете дорогу в миссию? — набросился Брюс на Шермэйн. Она должна была сказать!

— Да, Брюс.

— Что ж, будьте так любезны, покажите.

— Конечно, — виновато согласилась она.

Брюс хлопнул дверью кабинета Бусье и быстро зашагал к гостинице. Шермэйн почти бежала, стараясь держаться вровень.

«Ни на кого нельзя положиться, — думал капитан, — ни на кого!»

По дороге им встретился Раффи, похожий в темноте на большого медведя.

— Сержант-майор!

— Да, босс.

— Генерал Мозес ближе, чем мы полагали, — в двухстах километрах к северу отсюда, по дороге на Сенвати.

Раффи присвистнул.

— Отправляемся сейчас, босс?

— Нет, я хочу поставить караульных с пулеметом на этой стороне дамбы. Если что, будет время сняться с места. Назначаю тебя главным.

— Приступаю сейчас же.

— Я еду в миссию, там белый священник. За меня остается лейтенант Хейг.

— Хорошо, босс.

10

— Простите, Брюс. Я должна была вам сказать. — Шермэйн с виноватым видом сидела в машине.

— Ничего страшного, — солгал Брюс.

— Мы пытались уговорить отца Игнация переехать в город. Мартин несколько раз с ним разговаривал, но священник отказывается.

Брюс не ответил, осторожно ведя автомобиль по дамбе. Клочки тумана, поднимаясь с болот, плыли вдоль откосов. Мошки вспыхивали в лучах фар, как трассирующие пули, и разбивались о лобовое стекло. В болотных зарослях оглушительно звенел лягушачий хор.

— Я же попросила прощения, — тихо сказала она.

— Да, я слышал, — ответил Брюс. — Второй раз не нужно.

Она помолчала, потом спросила по-английски:

— Вы всегда такой раздражительный?

— «Всегда», — взорвался Брюс, — это слово, которое нужно исключить из языка.

— Так как его еще не исключили, я буду его использовать. Вы не ответили на мой вопрос: вы всегда такой раздражительный?

— Не люблю, когда бардак.

— Что такое бардак?

— Вот как сейчас: ошибка, ситуация, сложившаяся по недосмотру или по чьей-либо безголовости.

— У вас никогда не бывает бардака, Брюс?

Он перешел на французский:

— Это грубое выражение, Шермэйн. Юные утонченные девушки так не говорят.

— Вы никогда не делаете ошибок? — поправила себя Шермэйн.

Брюс не ответил. «Забавно, наверное, — подумал он, — никогда не делать ошибок».

Шермэйн положила руку на грудь и выпрямилась в кресле.

— Бонапарт, — сказала она. — Холодный, молчаливый и расчетливый.

— Я этого не говорил… — стал оправдываться Брюс, но в неясном ночном свете увидел шаловливое выражение лица своей спутницы и с улыбкой заметил: — Ладно, хватит, а то веду себя как ребенок.

— Хотите сигарету? — спросила она.

— Да, пожалуй.

Она прикурила сигарету и передала ему.

— Вам не нравятся… — она помедлила, подыскивая слово, — ошибки. А что вам нравится?

— Много чего, — ответил Брюс.

— Например?

Машина съехала с дамбы, и Брюс надавил на газ. Они помчались по противоположному берегу.

— Мне нравится стоять на вершине горы, когда в лицо дует ветер. Мне нравится запах моря. Мне нравится Синатра, вареные раки, ощущение винтовки на плече и смех маленькой девочки. Мне нравится первая затяжка сигаретой, зажженной от костра, запах жасмина, прикосновение шелка. Еще люблю подольше поспать утром и поймать ферзя в вилку конем. Мне нравятся тени на земле в лесу. И конечно, деньги. Но особенно мне нравятся женщины, которые не задают слишком много вопросов.

— Это все?

— Нет, это только начало.

— А кроме ошибок, что вам еще не нравится?

— Женщины, которые задают слишком много вопросов. — Он увидел, что Шермэйн улыбается. — Эгоизм, кроме моего собственного, суп из репы, политика, светлые волосы на лобке, виски, классическая музыка и похмелье.

— Наверное, это не все.

— Конечно, нет.

— Вы очень чувственны. Все, что вы перечислили, из области ощущений.

— Так точно.

— Вы не упомянули людей. Почему?

— Это поворот на миссию?

— Да, езжайте медленно, дорога плохая. Так почему вы не говорили об отношениях с другими людьми?

— А почему вы задаете так много вопросов? Возможно, я вам как-нибудь расскажу.

Она помолчала и мягко добавила:

— А чего вы хотите от жизни? То, что перечислили? Это все, чего вы хотите?

— Нет. Даже не это. Я ничего не хочу и ничего не жду. Так я хотя бы не разочаруюсь.

Внезапно она разозлилась.

— Вы не только ведете себя как ребенок, но и разговариваете как ребенок.

— Еще одна вещь, которая мне не нравится, — критика.

— Вы молоды. Вы умны, красивы...

— Спасибо, вот так-то лучше.

— ...И глупы.

— Это не очень хорошо. Только никому не говорите.

— Не буду, не волнуйтесь, — взвилась она. — Можете пойти и... — она явно подыскивала что-то убийственное, — и прыгнуть под озеро.

— Вы имеете в виду «в озеро»?!

— «В», «из», «под», «над» — какая разница!

— Хорошо. Я рад, что хоть что-то решено. А вон огонек. Наверное, миссия.

Шермэйн не ответила. Тяжело дыша, она сидела в уголке и так яростно затягивалась сигаретой, что тлеющий кончик освещал салон машины.

Церковь скрылась в темноте. Рядом с ней стояло низкое длинное здание. Брюс заметил тень в одном из окон.

— Это больница?

— Да, — резко ответила девушка.

— Представьте меня отцу Игнацию.

Секунду она не двигалась, потом распахнула дверцу машины и, не глядя на Брюса, широкими шагами зашагала к крыльцу.

Он прошел за ней через приемную, затем по длинному коридору мимо амбулатории и операционной. Наконец они вошли в маленькую палату.

— А, мадам Картье. — Отец Игнаций, склонявшийся над постелью больного, выпрямился и направился им навстречу. — Я слышал, что спасительный поезд прибыл в Порт-Реприв. Я думал, вы уже уехали.

— Еще нет, отец. Завтра утром.

Худощавый отец Игнаций был высок — примерно шесть футов и три дюйма. Из-за климата рукава его коричневого облачения были коротко подрезаны, тощие безволосые руки покрыты голубой сетью вен, плечи покатые, волосы неопределенного цвета, без признаков седины, на больших костлявых ступнях — открытые коричневые сандалии. Лицо почти не запоминалось: обычное, с бесформенным носом, на котором примостились очки в стальной оправе, — не старое и не молодое. Священника отличала спокойная неторопливость, свойственная служителям церкви.

Он обратился к Брюсу, мягким пристальным взглядом изучая его сквозь очки:

— Добрый вечер, сын мой.

— Добрый вечер, отец.

Брюс почувствовал неловкость, как и всегда в присутствии священника. «Как было бы хорошо, — подумал он с завистью, — если бы я был так же уверен хотя бы в чем-то одном в моей жизни, как этот человек уверен во всем в своей».

— Отец, это капитан Керри, — ледяным тоном представила его Шермэйн, но затем вдруг улыбнулась. — Он не любит людей и поэтому приехал за вами, чтобы отвезти вас в безопасное место.

Отец Игнаций протянул Брюсу руку — холодную и сухую. Керри осознал, насколько влажной была его собственная.

— Вы очень любезны, — сказал священник, чувствуя его неловкость. — Не хотел бы показаться неблагодарным, но боюсь, что не могу принять ваше предложение.

— Мы получили известия, что отряд вооруженных бандитов находится всего в двухстах километрах к северу и прибудет сюда через день-два. Они не знают жалости, — попробовал уговорить его Брюс.

— Да, — кивнул отец Игнаций. — Я тоже слышал и предпринял меры, которые счел нужными. Я уведу весь свой персонал и больных в лес.

— За вами погонятся, — возразил Брюс.

— Вряд ли, — покачал головой отец Игнаций. — Они не станут терять время. Им нужны деньги, а не больные люди.

— Они сожгут миссию.

— Значит, придется отстроить ее заново, когда мы вернемся.

— Лес кишит туземцами, вы закончите свои дни в похлебке, — попробовал Брюс другие аргументы.

— Нет. — Священник опять покачал головой. — Почти все местные туземцы хотя бы раз были пациентами нашей больницы. Мне нечего их бояться, они друзья.

— Послушайте, отец, давайте не будем спорить. У меня есть распоряжение доставить вас в Элизабетвиль. Я настаиваю.

— А у меня распоряжение оставаться здесь. Согласитесь, что в моем случае распоряжения поступают из более высокопоставленного источника, нежели ваш. — Отец Игнаций мягко улыбнулся.

Брюс хотел было возразить, но вдруг рассмеялся:

— Нет, я не могу с этим спорить. Вам что-нибудь нужно?

— Медикаменты у вас есть? — спросил отец Игнаций.

— Акрифлавин, морфий, перевязочные материалы… Боюсь, не так уж много.

— Не помешает. А продукты?

— Много не обещаю, но кое-что выделить смогу.

Одна из пациенток на другом конце палаты закричала так громко и внезапно, что Брюс вздрогнул.

— К утру она умрет, — тихо сказал отец Игнаций. — Я ничего не могу сделать.

— Что с ней?

— У нее схватки уже двое суток, есть осложнения.

— Вы не можете сделать операцию?

— Я не врач, сын мой. До того как все началось, у нас был доктор, но он уехал обратно в Элизабетвиль. — В голосе священника послышалась беспомощная скорбь о страданиях человечества. — Нет, к утру она умрет.

— Хейг! — сказал Брюс.

— Простите?

— Отец, у вас здесь есть операционная. Она полностью оснащена?

— Думаю, да.

— Обезболивающие?

— Хлороформ и пентотал.

— Хорошо, — сказал Брюс. — Я привезу вам врача. Пойдемте, Шермэйн.

11

— Жара эта вонючая! — Уолли Хендри вытер лицо грязным носовым платком и растянулся на полке, обитой зеленой кожей. — Это же надо: Керри оставляет нас с тобой в поезде, Хейга размещает в гостинице, а сам уезжает с этой французской штучкой. Ничего, что мы тут сваримся в этой жестянке, главное, чтобы Хейгу было хорошо. Каково, а?

— Кто-то же должен был остаться, Уолли, — сказал Андрэ.

— Ага. Ты заметил — кто? Все время мы с тобой! Ребята из высшего общества держатся вместе, они друг за друга постоят, уж поверь мне. — Хендри снова уставился в окно купе. — Солнце почти село, а жарит так, что хоть яйца запекай. Выпить хочется. — Он расшнуровал ботинки, стащил носки и с отвращением стал разглядывать свои ступни, теребя кожу между пальцами ног. — От этой жары опять грибок появился. У тебя мазь еще осталась, Андрэ?

— Да, сейчас. — Он достал из рюкзака тюбик и пересел к Хендри.

— Намажь, — потребовал Уолли, подставляя ему ноги.

Андрэ положил его ступни к себе на колени и принялся за работу. Уолли зажег сигарету и выдохнул дым вверх, к потолку, наблюдая, как он растворяется в воздухе.

— Черт, выпить хочу. Пива в запотевшем бокале с вот такой шапкой пены. — Он показал четыре пальца. Потом приподнялся на локте и стал пристально смотреть на Андрэ, который втирал ему мазь между длинными цепкими пальцами ног. — Ну что?

— Почти все, Уолли.

— Как там?

— Не так плохо, как в прошлый раз, даже не мокнет.

— Жжется, как я не знаю что, — сказал Уолли.

Андрэ не ответил, и Уолли пнул его свободной ногой в ребра.

— Ты слышал, что я сказал?

— Да, ты сказал, что жжется.

— Отвечай, когда я с тобой говорю. Я ж не сам с собой.

— Прости, Уолли.

Уолли проворчал что-то и умолк.

— Я тебе нравлюсь, Андрэ? — помедлив, спросил он.

— Ты же знаешь, что да, Уолли.

— Мы ведь друзья, Андрэ?

— Конечно, Уолли.

На лице Уолли скука сменилась лукавством.

— Ты же не против, если я прошу что-нибудь для меня сделать — например, помазать мне ноги какой-нибудь дрянью?

— Я не против… Мне приятно, Уолли.

— Приятно, да? — У Хендри зазвенел голос. — Тебе приятно это делать?

Де Сурье испуганно посмотрел на него.

— Я не возражаю… — Его глаза цвета расплавленной карамели не отрывались от узких монгольских щелочек на лице Уолли.

— Тебе нравится меня трогать?

Андрэ перестал втирать мазь и нервно вытер руки о полотенце.

— Я спросил, тебе нравится меня трогать? Ты хочешь, чтобы и я когда-нибудь тебя потрогал?

Де Сурье попытался встать, но Уолли, стремительно выбросив вперед руку, обхватил его за шею и прижал к койке.

— Отвечай, черт подери, нравится или нет?

— Больно, Уолли, — прошептал Андрэ.

— Позор, какой позор!

Хендри с ухмылкой передвинул руку на плечо де Сурье и больно сжал.

— Уолли, прошу тебя… — захныкал Андрэ, извиваясь.

— Тебе ведь нравится, да? Ну, давай, скажи.

— Хорошо, да, нравится. Больно же, Уолли!

— А теперь расскажи мне, у тебя когда-нибудь было? Ну, по-настоящему?

Уолли уперся тяжелым коленом в хрупкую спину Андрэ.

— Нет! — закричал Андрэ. — Нет. Пожалуйста, Уолли, не убивай меня.

— Врешь, Андрэ. Нехорошо.

— Ладно, вру.

Андрэ попытался повернуть голову, но Уолли сильнее вдавил его лицом в койку.

— Расскажи мне, куколка.

— Всего один раз, в Брюсселе.

— Кто же тот негодяй?

— Мой начальник. Я на него работал. У него было экспортное бюро.

— Так он тебя выкинул, куколка? Он тебя выкинул, когда ты ему надоел?

— Нет, ты не понимаешь! — вскричал Андрэ с внезапной горячностью. — Он обо мне заботился. У меня была собственная квартира, машина, все. Он бы меня не бросил, если бы не... Если бы не... Так получилось. Клянусь, он... он любил меня!

Уолли насмешливо фыркнул.

— Любил тебя! Сейчас умру от умиления! — Он запрокинул голову, задыхаясь от хохота, и только секунд через десять выговорил: — Так что же случилось между тобой и твоим верным возлюбленным? Что же вы не поженились, не свили уютное гнездышко, а?

Под впечатлением от своего чувства юмора Уолли согнулся от смеха.

— Началось расследование. Полиция... Ой, больно, Уолли.

— Давай рассказывай, мамзель.

— Полиция... У него не было другого выхода. Он на высокой должности, скандал разрушил бы его карьеру. Для нас никогда нет выхода. Все бесполезно... Счастья нет.

— Хватит вздора, куколка. Давай по делу.

— Он нашел мне работу в Элизабетвиле, дал денег, оплатил перелет. Он обо мне заботился, даже сейчас иногда пишет.

— Вот действительно история о настоящей любви, хоть рыдай. — Тон Уолли переменился, стал жестче. — Запомни, куколка, и запомни хорошенько: гомиков я не люблю. — Он сильнее стиснул пальцы, и де Сурье вскрикнул от боли. — Вот послушай, когда я учился в исправительной школе, один гомик хотел меня пощупать. Однажды в душевой я подошел к нему с бритвой, обычной бритвой фирмы «Жиллетт». В соседних кабинках мылись еще двадцать парней, орали и пели. Он тоже заорал, словно на него полилась холодная вода. Никто не

обратил на него внимания. Он хотел стать женщиной, и я ему помог, — хрипло продолжил Хендри, смакуя подробности прошлого. — О… кровь…

Андрэ всхлипывал, вздрагивая всем телом.

— Я не буду… Пожалуйста, Уолли. Просто не мог удержаться. Один раз только. Пусти…

— Может, тебе тоже помочь?

— Нет, — завизжал Андрэ.

Хендри потерял к нему всякий интерес, разжал пальцы и, оставив де Сурье лежать на койке, стал натягивать носки.

— Пойду выпью пива. — Он зашнуровал ботинки и встал. — Запомни, — мрачно процедил он, — со мной такие шутки не пройдут, пижон.

Он взял винтовку и вышел в коридор.

Бусье на террасе гостиницы беседовал с подчиненными.

— Где капитан Керри? — спросил Хендри.

— Уехал в миссию.

— Когда?

— Примерно десять минут назад.

— Хорошо, — ответил Уолли. — У кого ключи от бара?

Бусье замер в нерешительности.

— Капитан приказал держать бар закрытым.

Уолли снял с плеча винтовку.

— Не серди меня, дружище.

— Сожалею, monsieur, но я должен подчиняться приказам капитана.

Минуту они стояли, глядя друг на друга. Бусье не думал сдаваться.

— Как хотите, — сказал Уолли, вразвалочку направился к двери в бар и пнул ее ногой.

Непрочный замок не выдержал, и дверь распахнулась. Хендри в несколько шагов оказался у стойки и, положив на нее винтовку, запустил руку на полки, уставленные бутылками пива «Симба». Первую бутылку он осушил в один присест. Смачно рыгнув, он потянулся за второй, откупорил и наблюдал, как из горлышка лезет пена.

— Хендри!

Уолли поднял голову. В дверях стоял Майк Хейг.

— Привет, Майк! — ухмыльнулся Уолли.

— Что ты здесь делаешь?

— А как думаешь?

Уолли приветственно поднял бутылку и осторожно отхлебнул пену.

— Брюс приказал в бар не входить.

— Да ладно, Хейг. Ты как старая наседка.

— Вон отсюда, Хендри. Сейчас приказы отдаю я.

— Майк, — улыбнулся Уолли, — ты хочешь, чтобы я умер от жажды, или как? — Он облокотился о стойку. — Еще пару минут. Дай допить.

Майк оглянулся — позади собралась куча любопытствующих, которые вытягивали шеи, чтобы посмотреть, что происходит в баре. Хейг закрыл дверь и подошел вплотную к Хендри.

— Две минуты, Хендри, — мрачно согласился он. — А потом убирайся.

— Ты неплохой парень, Майк. Мы с тобой друг друга не понимали. Знаешь, мне жаль.

— Допивай! — рявкнул Майк.

Не оборачиваясь, Уолли извлек из-под стойки бутылку коньяка «Реми Мартен». Вытащив зубами пробку, он взял рюмку и плеснул в нее янтарную жидкость.

— За компанию, Майк, — сказал он и подвинул рюмку Хейгу.

Сначала Майк смотрел на нее без всякого выражения, но затем его лицо словно стало осыпаться, приняло постаревшее и усталое выражение. Хейг облизнул губы и с видимым усилием отвел взгляд от рюмки.

— Черт тебя подери, Хендри, — выдавил он неестественно тихим голосом. — Черт тебя подери.

Он схватил рюмку и запустил ее в стену.

— Что-то не так, Майк? — мягко спросил Хендри. — Я всего лишь предложил тебе выпить.

От пролитого коньяка исходил терпкий фруктовый аромат с теплыми виноградными нотками. Майк снова облизнул губы. Рот наполнился слюной, и давнее желание болезненно распирало нутро, лишая воли.

— Черт подери, черт подери, — шептал он, теперь уже умоляюще.

Хендри тем временем наполнил еще одну рюмку.

— Давно, Майк? Год, два? Отхлебни чуть-чуть, один глоточек. Вспомни, как хорошо становится. Давай же, давай. Ты устал, ты славно поработал. Одну рюмочку — со мной.

Майк вытер губы. Лоб и верхняя губа покрылись испариной, выдавленной из жаждущего тела.

— Ну, давай, парень.

Голос Уолли, низкий, соблазняющий, хрипел от предвкушения.

Рука Майка сама, словно без его участия, обхватила рюмку. Хейг поднес ее к дрожащим, безвольным губам. Глаза выражали одновременно ненависть и жажду.

— Всего одну, — прошептал Хендри. — Только одну.

Майк одним махом проглотил спиртное и, держа рюмку обеими руками, склонился над ней и зашептал, обращаясь и к Хендри, и к себе, и к пустой рюмке:

— Ненавижу тебя, ненавижу…

— Наш человек! — воскликнул Уолли. — Наш! Давай я тебе еще налью.

12

Брюс стремительно вошел в гостиницу, Шермэйн старалась не отставать. В вестибюле столпились человек десять, среди них был и Бусье. В воздухе чувствовалось напряжение.

Бусье быстро подошел к Брюсу.

— Капитан, простите, но я не мог их остановить. Тот, рыжеволосый, он с винтовкой, готов был стрелять.

— О чем вы? — спросил Брюс, но, прежде чем Бусье успел ответить, из-за двери бара донесся гогот Хендри.

— Они там, — сказал Бусье. — Уже целый час.

— Проклятие, — выругался Брюс. — И именно сейчас. Черт подери эту скотину.

Он подбежал к двери и распахнул обе створки.

Хендри стоял у противоположной стены, в одной руке держа рюмку, в другой винтовку, которой он выводил в воздухе круги.

Майк Хейг выстраивал на барной стойке пирамиду из пустых бокалов и как раз водружал последний бокал на вершину.

— Привет, Брюс, старина, дружище! — Майк театрально помахал рукой. — Ты как раз вовремя, можешь с нами пострелять. Только Уолли первый, у нас очередь. Надо соблюдать правила, никакого обмана, строгий демократичный подход, у всех равные права. Звания не в счет. Правильно, Уолли?

У Хейга расплылись черты лица, словно он таял, теряя форму. Губы выпятились, щеки обвисли, как груди старухи, глаза слезились. Он взял почти полный бокал, рядом с которым стояла бутылка «Реми Мартен».

— Хороший, выдержанный коньяк, очень утонченный напиток. — На последних двух словах он споткнулся и медленно произнес их снова, криво улыбнувшись Брюсу. Глаза смотрели мимо.

— Отойди, Майк, — сказал Хендри, поднимая одной рукой винтовку и целясь в пирамиду из бокалов.

— Попадете в яблочко, получите кокос. Давай, разнеси ее, старина.

— Хендри, прекрати, — рявкнул Брюс.

— Да пошел ты, — ответил Хендри и выстрелил. Приклад ударил ему в плечо, и Уолли шарахнулся о стену.

Пирамида из бокалов взорвалась осколками, а по комнате загремело эхо выстрела.

— Вручите кокос джентльмену! — выкрикнул Майк.

Брюс в три шага пересек комнату и выхватил у Хендри винтовку.

— Хватит, пьяный гиббон. Хватит.

— Да пошел ты, — промямлил Хендри, растирая вывернутое винтовкой запястье.

— Капитан Керри, — выкрикнул Хейг из-за стойки, — вы слышали, что сказал мой друг: идите и ложитесь спать.

— Заткнись, Хейг.

— На этот раз я с тобой разделаюсь, Керри, — зарычал Хендри. — Слишком долго ты сидел у меня на хребте, пора тебя сбросить.

— Будьте любезны, слезьте со спины моего друга, капитан Керри, — подхватил Майк Хейг. — Он не слон, он мой брат. Я не позволю на нем ездить.

— Ну, подойди, Керри, только попробуй! — рычал Уолли.

— Давай, Уолли. Уделай его. — Хейг налил себе еще бокал. — Не давай садиться себе на шею.

— Ну, Керри.

— Ты пьян, — сказал Брюс.

— Подходи, не разговаривай. Или мне начать?

— Не стоит, — заверил его Брюс и резко ударил его прикладом в подбородок. Голова Хендри дернулась, и сам он, шатаясь, отступил к стене. Глаза потускнели.

«Так-то лучше, — подумал Брюс, — драться больше не захочет». Он схватил Хендри за плечо и швырнул его на стул. «Мне нужно к Хейгу, пока он не наглотался еще чего-нибудь, — подумал он. — Времени посылать за Раффи нет. Хейга я так оставить не могу».

— Шермэйн, — окликнул Керри. — Умеете пользоваться пистолетом?

Она подошла и кивнула. Брюс отстегнул свой «смит-и-вессон» и дал ей.

— Если этот негодяй попробует двинуться, пристрелите его. Встаньте подальше, чтобы он до вас не дотянулся.

— Брюс... — начала она.

— Это опасный преступник. Вчера он убил двух ребятишек, и, если не поостережетесь, вас ждет та же участь. Держите его на мушке, а я пока разберусь с другим.

Побледнев еще больше, Шермэйн подняла пистолет обеими руками.

— Справитесь? — спросил Брюс.

— Теперь да, — ответила она и взвела курок.

— Слушай меня, Хендри. — Брюс взял его за волосы и повернул лицом к себе. — Попробуешь встать — она тебя застрелит. Понял?

— Пошел ты вместе со своей французской шлюхой. Вы ведь сегодня целый вечер обжимались в машине на берегу.

Брюса охватила ярость, и он еще сильнее дернул Хендри за волосы, вырвав клок. Хендри выгнулся от боли.

— Заткни свой грязный рот, или я тебя убью.

Хендри понял, что это не шутка.

— Ладно, хорошо. Только отпусти меня.

Брюс ослабил хватку и выпрямился.

— Простите, Шермэйн, — сказал он.

— Ничего, идите к другому.

Брюс направился к стойке. Хейг наблюдал за ним.

— Тебе чего, Брюс? Хочешь выпить? — Он явно нервничал. — Выпей, мы тут все выпили по чуть-чуть. Для хорошего настроения. Не волнуйся так.

— Больше ты пить не будешь. А даже наоборот, — сказал Брюс, подходя к стойке. Хейг отшатнулся.

— Что ты хочешь сделать?

— Сейчас узнаешь, — ответил Брюс и, схватив Майка за запястье, вывернул руку за спину.

— Эй, Брюс, осторожнее, я же могу коньяк расплескать.

— И очень хорошо, — сказал Керри и вырвал рюмку у него из руки.

Хейг стал сопротивляться, но алкоголь ослабил его. Брюс продолжал выкручивать завернутую за спину руку, заставляя Майка подняться на цыпочки.

— Пойдем, старина. — Брюс потащил Хейга к двери за стойкой бара, свободной рукой повернул ключ и распахнул дверь. — Нам сюда. — Он втолкнул Майка в кухню, пинком ноги закрыл за собой дверь и поволок Хейга к раковине. — Ну что, давай лечиться, — сказал Керри и быстро наклонил голову Хейга над раковиной. Рядом висело полотенце, которое Брюс скрутил и, разжав Майку челюсти, запихнул жгут между ними. — Давай все назад.

Он засунул палец поглубже Хейгу в горло.

Горячий фонтан облил ему руку. Брюса едва не стошнило. Он включил холодную воду и подставил голову Хейга под струю, умывая ему лицо.

— У меня к тебе дело, Хейг.

— Отстань, — сквозь шум воды простонал Хейг.

Брюс оттащил его от раковины и прислонил к стене.

— В миссии роженица. Она умрет, если ты ничего не сделаешь.

— Нет, — прошептал Хейг. — Нет, только не это. Опять...

— Я тебя отвезу.

— Нет, не надо. Я не смогу... Ты что, не понимаешь? Я не смогу.

На носу и щеках сквозь бледную кожу просвечивали капилляры. Брюс размахнулся и дал Майку пощечину. От волос Хейга полетели брызги.

— Нет, — промямлил он, — прошу тебя, Брюс, не надо.

Керри ударил его еще два раза, сильнее. В глазах Майка блеснула ярость.

— Черт подери, Брюс Керри, черт тебя подери.

— Поедешь, — обрадовался Брюс. — Слава Богу.

Он вытолкнул Хейга в бар. Шермэйн все еще стояла, направив пистолет на Хендри.

— Пойдемте, — обратился к ней Брюс. — Оставьте его. Как вернемся, я с ним разберусь.

Проходя по вестибюлю, Брюс спросил у Шермэйн:

— Вы сможете вести «форд»?

— Да.

— Хорошо. Вот ключи. Мы с Хейгом сядем сзади. Отвезите нас в миссию.

Хейг пошатнулся на ступенях гостиницы и чуть не упал, но Брюс подхватил его и почти донес до «форда». Затолкав Майка на заднее сиденье, Керри залез следом. Шермэйн села за руль, завела мотор и аккуратно развернула машину.

— Ты меня не заставишь, Брюс. Я не смогу, не смогу, — умолял Хейг.

— Посмотрим, — ответил Керри.

— Ты не знаешь, что это такое. Откуда тебе знать. Она умрет на столе. — Майк вытянул вперед руки. — Посмотри на них. Что я ими могу сделать? — Руки страшно тряслись.

— Она все равно умрет, — хрипло сказал Брюс. — Ты хотя бы поможешь ей умереть быстро.

Хейг вытер рукой губы.

— Можно мне выпить, Брюс? Это поможет. Я тогда попытаюсь что-то сделать. Дай мне выпить.

— Нет, — отрезал Брюс.

Майк начал сыпать проклятиями. Бранные слова вырывались изо рта, а лицо кривилось от усилий. Он поносил Брюса, самого себя, Бога такими словами, каких Керри никогда не слышал. Внезапно Хейг попытался

распахнуть дверцу машины. Брюс ждал этого и, поймав его за воротник, притянул к спинке сиденья. Майк перестал сопротивляться и начал тихо всхлипывать.

Они быстро миновали дамбу, взобрались по склону и свернули на боковую дорогу. Свет фар прорезал темноту, а ветер тихо свистел в щелях. Хейг тихо рыдал на заднем сиденье.

Впереди показались огни миссии. Шермэйн, снизив скорость, свернула с дороги и остановила «форд» у больницы.

Брюс помог Хейгу выбраться из машины. Боковая дверь больницы отворилась, к машине вышел отец Игнаций с фонарем в руке. Яркий свет выхватил из тьмы их фигуры. Особенно резко он очертил лицо Хейга.

— Вот и доктор, отец, — сказал Брюс.

Игнаций поднял фонарь и внимательно посмотрел на Хейга сквозь очки.

— Он болен?

— Нет, отец, — ответил Брюс. — Он пьян.

— Пьян? Тогда он не сможет оперировать!

— Сможет, еще как сможет!

Брюс провел Хейга по коридору в операционную. Священник и Шермэйн последовали за ними.

— Шермэйн, помогите отцу Игнацию доставить сюда роженицу, — приказал Брюс и повернулся к Хейгу: — Слушай меня.

— Я не смогу, Брюс. Это бесполезно.

— Тогда она умрет. Но до этого ты должен попытаться ее спасти.

— Мне нужно выпить, Брюс. — Хейг облизнул губы. — У меня все горит внутри, дай мне выпить.

— Выполни свой долг, и я дам тебе целый ящик.

— Мне нужно только одну рюмку.

— Нет, — решительно сказал Брюс. — Проверь, все ли инструменты здесь есть.

Он подошел к стерилизатору и приподнял крышку. Оттуда облаком взвился пар. Хейг заглянул внутрь.

— Да, это все, что нужно. Здесь недостаточно света. Я хочу выпить.

— Свет будет. Начинай готовиться.

— Брюс, пожалуйста, дай…

— Заткнись, — рявкнул Брюс. — Вон раковина. Иди мой руки.

Хейг подошел к раковине. Он уже увереннее держался на ногах, и черты лица заметно выправились.

«Ах ты, старая скотина, — подумал Брюс, — надеюсь, у тебя все получится. Боже, как я надеюсь».

— Поторапливайся, Хейг. У нас мало времени, — сказал он, вышел в коридор и направился в палату.

Окна в операционной не открывались, так что Хейг мог сбежать только через дверь. Если что, Керри успеет его перехватить.

Брюс заглянул в палату. Шермэйн и Игнаций с санитаром-африканцем уже переложили женщину на каталку.

— Отец, нам нужно больше света.

— Могу дать вам еще один фонарь. Больше ничего нет.

— Хорошо, будьте добры. Давайте я ее отвезу.

Отец Игнаций и санитар ушли, а Брюс помог Шермэйн отвезти каталку из палаты в операционную. Роженица с посеревшим лицом стонала от боли. Такое лицо бывает, только когда боятся. Или когда умирают.

— Недолго ей осталось, — сказал он.

— Знаю, — отозвалась Шермэйн. — Надо спешить.

Женщина заметалась по каталке, невнятно бормоча, потом вздохнула, так что ее огромный, накрытый одеялом живот поднялся и опустился, и снова застонала.

Хейг, скинув с себя куртку и оставшись в жилете, мыл руки над раковиной в операционной и даже не оглянулся, когда ввезли роженицу.

— Положите ее на стол, — сказал он, намыливая руки до локтя.

Каталка была вровень со столом. Женщину приподняли на одеяле и перевалили на стол.

— Она готова, Хейг, — сказал Брюс.

Хейг вытер руки чистым полотенцем, повернулся и, подойдя к женщине, замер. Она не осознавала его присутствия, ее открытые глаза

ничего не видели. На лбу Майка выступил пот, подбородок покрывала седеющая щетина.

С глубоким вздохом Хейг откинул одеяло. На роженице была короткая рубашка с расстегнутым воротом, не прикрывающая живот — непомерно раздутый, твердый, с провалившимся пупком. Колени согнуты, полные бедра раздвинулись в потуге, тело выгнулось, под посеревшей кожей напряглись мышцы, пытаясь извергнуть застрявший плод.

— Скорей, Майк! — с ужасом воскликнул Брюс.

Хейг начал осмотр. Его руки казались бледными на фоне темной кожи. Закончив, он отступил назад.

Отец Игнаций с санитаром принесли еще два фонаря. Священник начал было что-то говорить, но осекся, почувствовав напряжение. Все смотрели на Майка.

Хейг закрыл глаза. Черты его лица в свете фонаря казались резкими и угловатыми, изо рта вырывалось тяжелое дыхание.

«Не надо его подталкивать, — интуитивно понял Брюс. — Я подтащил его к краю пропасти, а шагнуть в нее он должен сам».

Майк открыл глаза.

— Кесарево сечение, — сказал он таким голосом, словно произносил смертный приговор, и задержал дыхание. Наконец он выдохнул: — Я сделаю. Халаты и перчатки! — выпалил Майк, обращаясь к священнику.

— В шкафу.

— Достаньте!

— Помоги мне, Брюс. И вы тоже, Шермэйн.

— Конечно. Скажите как.

Они быстро вымыли руки и нырнули в темно-зеленые хирургические халаты, поданные отцом Игнацием.

— Принесите сюда вон тот поднос, — приказал Майк, открывая стерилизатор. Длинными щипцами он вынимал инструменты из кипятка и выкладывал их на поднос. — Скальпель, ранорасширитель, зажим.

В это время санитар протирал спиртом живот женщины и готовил простыни.

Майк наполнил шприц пентоталом и посмотрел на просвет. Хейга было не узнать: в маске, в зеленой шапочке и длинном халате до пят. Он нажал на поршень, и по игле скатились две капли прозрачной жидкости.

Хейг взглянул на Брюса затравленными глазами — только они и виднелись над маской.

— Готов?

— Да, — ответил Брюс.

Майк склонился над роженицей, взял ее руку и ввел иглу в мягкую темную кожу на локтевом сгибе. Жидкость в шприце неожиданно окрасилась кровью — Майк нашел вену, — а затем поршень медленно пошел вниз по стеклянному цилиндру.

Женщина перестала стонать, тело расслабилось, дыхание замедлилось, стало глубоким и неторопливым.

— Идите сюда. — Майк указал Шермэйн место у изголовья. Она взяла маску и пропитала ее хлороформом. — Подождите, пока я не скажу.

Она кивнула. «Боже, какие у нее красивые глаза!» — подумал Брюс, поворачиваясь к подносу.

— Скальпель, — сказал Майк из-за стола, и Брюс подал.

Все, что было потом, слилось воедино и казалось Керри ненастоящим.

Под ножом раздвинулась кожа, из мелких сосудов брызнула кровь, и показались розовые мышцы, словно перевязанные чем-то белым, масляно-желтый слой подкожного жира, а затем голубоватые сплетения кишок. Человеческая плоть, мягкая и живая, поблескивала в ярком свете фонаря.

Зажимы и ранорасширители серебристыми насекомыми приникли к ране, как к цветку.

Руки Майка, казавшиеся безжизненными в желтых перчатках, сновали туда-сюда по открытой впадине живота — смазывали, резали, зажимали. И вот уже разрезана лиловая поверхность матки, показался младенец — обвитый пуповиной маленький темный комочек с крошечными ручками и ножками.

Майк поднял ребенка за ноги. Младенец, все еще соединенный с матерью, висел в воздухе, как большая летучая мышь.

Щелкнули ножницы — и ребенок свободен. Наконец малыш закричал: яростно, возмущенно и бодро.

Шермэйн радостно рассмеялась и всплеснула руками, совсем как девочка в кукольном театре. Внезапно рассмеялся и Брюс. Это был смех из далекого прошлого, поднявшийся из глубин сознания.

— Держите, — сказал Хейг, и Шермэйн взяла шевелящегося младенца на руки.

Майк споро накладывал швы.

Глядя на лицо и позу Шермэйн, Брюс почувствовал, как где-то в горле смех оборвался. Ему захотелось плакать.

Хейг зашил матку и завязал сложные узелки, как заправская швея. Затем на края раны легли внешние швы, и, наконец, белая лента пластыря скрыла все из виду.

Он накрыл роженицу, сдернул маску с лица и поднял взгляд на Шермэйн.

— Помогите мне прибраться, — сказал он твердо, гордым голосом. Вдвоем они направились к раковине.

Брюс сбросил халат и покинул операционную. Пройдя по коридору, он вышел на улицу и, прислонившись к автомобилю, закурил сигарету.

«Надо же, сегодня я снова рассмеялся, а потом чуть не заплакал, — удивленно подумал он. — И все из-за женщины и ребенка. Все, с притворством покончено. Занавес. Сегодня родился не только младенец. Я рассмеялся, потому что хотел смеяться и жаждал плакать. Женщина и ребенок — вот смысл жизни. Нарыв прорвался, яд вышел, идем на поправку».

— Брюс, Брюс, где вы?

В дверях показалась Шермэйн. Он не ответил, потому что она, увидев огонек сигареты, подошла почти вплотную.

— Шермэйн… — начал Керри и осекся. Ему хотелось обнять ее и крепко прижать к себе.

— Да, Брюс.

Ее лицо было совсем близко, едва различимое в темноте.

— Шермэйн, я… — снова начал Брюс и умолк.

— Да, и я тоже, — прошептала она и, отходя, добавила: — Пойдемте посмотрим, что делает ваш доктор.

Она взяла его за руку и повела обратно в здание. Ее ладонь была сухой и холодной, с длинными тонкими пальцами.

Майк Хейг и отец Игнаций склонились над кроваткой. Рядом, на столе, тихо и ровно дышала накрытая одеялом женщина балуба с умиротворенным лицом.

— Брюс, посмотри, какой красавец, — позвал Хейг.

Все еще держась за руки, Брюс и Шермэйн подошли к кроватке.

— Больше восьми фунтов, — гордо объявил Хейг.

Брюс посмотрел на ребенка. Чернокожие новорожденные красивы — у них не такой «ошпаренный» вид, как у белых младенцев.

— Жаль, что он не форель, — сказал Брюс. — Был бы мировой рекорд.

Хейг секунду тупо смотрел на него, потом запрокинул голову и расхохотался. Какой приятный звук. В Хейге что-то изменилось: он выше держал голову, в движениях появилась уверенность.

— Я тебе обещал рюмку, Майк, помнишь? — решил проверить его Брюс.

— Выпей ее за меня, я как-нибудь потом.

«Он не просто так сказал, — подумал Керри, глядя ему в лицо, — ему действительно уже не нужно».

— Получишь двойную порцию, как только вернемся в город. — Брюс взглянул на часы: — Уже одиннадцатый час, пора ехать.

— Я должен остаться, пока не отойдет наркоз, — возразил Хейг. — Вернетесь за мной утром.

Брюс задумался.

— Ладно. Пойдемте, Шермэйн.

* * *

Они ехали в Порт-Реприв, почти прижавшись друг к другу в темной машине. До въезда на дамбу оба молчали. Потом Шермэйн сказала:

— Хороший человек этот ваш доктор. Он как Поль.

— Кто это — Поль?

— Мой муж.

— А… — Брюс смутился. Имя больно ударило по шелковой ниточке его настроения.

Шермэйн продолжала тихим голосом, упорно глядя на дорогу, освещаемую фарами:

— Поль такого же возраста. Достаточно зрелый, научился пониманию. Молодые мужчины такие жестокие.

— Вы его любили. — Брюс говорил ровно, сдерживая ревность в голосе.

— Любовь по-разному проявляется, — ответила Шермэйн. — Да, я почти его любила. Очень скоро я бы полюбила его так... — Она осеклась.

— Как? — хрипло спросил Брюс.

«Ну вот, начинается, — подумал он, — опять я уязвим».

— Мы поженились всего за четыре месяца до... до лихорадки.

— И? — Брюс не сводил глаз с дороги.

— Мне нужно вам кое-что сказать. Я должна вам объяснить. Это очень важно. Будьте терпеливы со мной, выслушайте меня.

В ее голосе звучала такая мольба, что он смягчился.

— Шермэйн, можете мне не рассказывать.

— Я должна. Мне надо, чтобы вы знали. — Она помолчала немного и продолжила ровным тоном: — Я сирота. Родители погибли во время немецких бомбардировок, когда мне было всего несколько месяцев. Я их не помню, даже фотографий не осталось. — Ее голос задрожал, но она овладела собой. — Меня взяли к себе монашки, заменили мне семью. Но все равно это не то, какое-то чужое. У меня никогда не было ничего своего, личного.

Брюс коснулся ее холодной неподвижной руки.

«Теперь есть, — подумал он, — теперь у тебя есть я».

— Потом, — продолжала Шермэйн, — когда пришло время, монашки сосватали меня Полю Картье. Он служил инженером в «Юнион миньер дю О-Катанга» здесь, в Конго, — уважаемый человек, подходящий муж. Он прилетел в Брюссель, и мы поженились. Он был пожилой, как доктор Майк, но добрый и нежный, понимающий. Он не... — Она осеклась и, схватив Брюса за руку, повернула к нему серьезное и бледное лицо. Темные пряди скользнули по плечу. Шермэйн продолжила умоляющим голосом: — Брюс, вы понимаете, что я хочу вам сказать?

Брюс остановил машину у гостиницы и, не спеша выключив зажигание, медленно ответил:

— Думаю, да.

— Спасибо. — Распахнув дверцу, Шермэйн вышла из машины и по тропинке направилась к гостинице. Темные пряди колыхались по белой рубашке в такт уверенным шагам длинных, обтянутых джинсами ног.

Брюс смотрел ей вслед, пока она не скрылась за двойными дверями. Затем нажал прикуриватель, вытащил сигарету из пачки и зажег. Выдохнув дым на лобовое стекло, Керри вдруг почувствовал себя абсолютно счастливым. Ему снова захотелось рассмеяться.

Он выкинул сигарету, вылез из «форда» и взглянул на часы: за полночь.

«Боже, как я устал. Как много всего произошло за сегодня. Перерождение — суровое испытание для нервов». Керри громко, с наслаждением рассмеялся, чувствуя, как смех медленно прорывается из груди в горло.

Заспанный Бусье в ночном халате ждал его в вестибюле.

— Приготовления закончены, мсье?

— Да, — ответил чиновник. — Женщины и двое детей спят наверху. Мадам Картье только что поднялась.

— Я знаю, — сказал Брюс, а Бусье продолжил:

— Как видите, весь мой гарнизон здесь.

Он обвел жестом людей, спящих на полу в вестибюле и баре.

— Хорошо, — сказал Брюс. — Отправимся с рассветом. — Он зевнул и потер глаза кончиками пальцев. — Где мой лейтенант, тот, рыжий?

— Он пошел к поезду, был очень пьян. После вашего отъезда нам пришлось с ним повозиться. — Бусье помедлил. — Он хотел подняться наверх, к женщинам.

— Черт подери. — Брюс почувствовал, как возвращается ярость. — Как вы справились?

— Ваш сержант-майор, большой такой, отговорил его и увел.

— Слава Богу, есть Раффи.

— Я приберег для вас спальное место. — Бусье указал на уютное кожаное кресло. — Вы, наверное, совсем без сил.

— Большое спасибо, — поблагодарил Брюс. — Я должен обойти посты.

Брюс проснулся от того, что Шермэйн, склонившись, щекотала ему нос. Керри спал в одежде, только расшнуровав ботинки. Каска и винтовка лежали рядом, на полу.

— А вы не храпите, Брюс, — торжественно объявила она, рассмеявшись тихим, с легкой хрипотцой, смехом. — Это хорошо.

Он с трудом поднялся, еще толком не проснувшись.

— Который час?

— Почти пять утра. У меня для вас завтрак на кухне.

— Где Бусье?

— Одевается. Потом будет помогать всем грузиться на поезд.

— У меня во рту как будто козел спал. — Брюс провел сухим языком по зубам.

— Тогда я не буду вас целовать, mon capitaine. — Она выпрямилась, в глазах еще прыгали смешливые искорки. — Ваши туалетные принадлежности на кухне. Я послала солдата, чтобы он принес их из поезда. Можете умыться над раковиной.

Брюс зашнуровал ботинки и прошел за ней в кухню, по дороге перешагивая через спящих.

— Горячей воды нет, — извинилась Шермэйн.

— Это меня волнует меньше всего. — Брюс подошел к столу и, открыв свой походный мешок, достал бритву, мыло и расческу.

— Я ограбила для вас курятник, — призналась Шермэйн. — Есть два яйца. Как их приготовить?

— Всмятку — дайте покипеть одну минуту.

Сбросив куртку и рубашку, Брюс наполнил раковину и стал плескать полные пригоршни воды на лицо и голову, фыркая от удовольствия. Затем, пристроив зеркальце между кранами, стал намыливать щеки. Шермэйн, присев на сушилку для посуды, смотрела на него с искренним интересом.

— Жаль, что вы сбреете бороду, — сказала она. — Она мне нравилась: похожа на шкуру выдры.

— Может быть, как-нибудь отращу специально для вас. — Брюс улыбнулся. — У вас голубые глаза, Шермэйн.

— Не скоро же вы заметили, — ответила она и обидчиво надулась.

Ее шелковистая кожа такая прохладная, а губы светло-розовые, без помады. Темные волосы, зачесанные назад, подчеркивали высокие скулы и большие глаза.

— В Индии «шер» значит «тигр», — сказал Брюс, краем глаза наблюдая за ней.

Тотчас же она перестала дуться и оскалила зубы — мелкие, очень белые и чуть-чуть неровные. Широко раскрыв глаза, она скосила их на переносицу, а потом вдруг зарычала. От неожиданности Брюс расхохотался и чуть не порезался.

— Терпеть не могу женщин, которые кривляются перед завтраком. Это портит пищеварение.

— Завтрак! — воскликнула Шермэйн, спрыгнула на пол и подбежала к плите. — Чуть не опоздала. Минута и двадцать секунд. Вы меня простите?

— Только сегодня, и больше никогда. — Брюс смыл пену с лица, вытерся полотенцем и, причесавшись, подошел к столу. Шермэйн придвинула стул.

— Сколько вам сахара в кофе?

— Три куска, пожалуйста. — Брюс надбил верхушку яйца.

Шермэйн принесла кружку и поставила перед ним.

— Мне нравится готовить вам завтрак, — сказала она.

Брюс не ответил. Опасный разговор. Она сидела напротив, подперев руками подбородок и подавшись вперед.

— Вы слишком быстро едите, — заявила она, и Брюс изумленно изогнул бровь. — Но по крайней мере жуете с закрытым ртом.

Брюс принялся за второе яйцо.

— Сколько вам лет?

— Тридцать, — ответил Брюс.

— А мне двадцать, почти двадцать один.

— Зрелый возраст.

— Чем вы занимаетесь?

— Я солдат, — ответил он.

— Неправда.

— Ладно, я юрист.

— Вы, наверное, умный, — торжественно произнесла она.

— Гений. Поэтому я и здесь.

— Женаты?

— Нет… То есть был. Это что, официальный допрос?

— Она умерла?

— Нет. — Теперь ему было легче говорить об этом.

— А… — Шермэйн взяла ложку и стала сосредоточенно размешивать ему кофе. — Она красивая?

— Нет… Да, наверное.

— Где она… — начала Шермэйн и тут же добавила: — Извините. Это совсем не мое дело.

Брюс взял у нее кружку и стал пить. Потом посмотрел на часы.

— Уже четверть шестого. Мне нужно поехать и забрать Майка Хейга.

Шермэйн быстро встала:

— Я готова.

— Дорогу я знаю. Вы лучше идите на станцию.

— Я хочу поехать с вами.

— Зачем?

— Затем, вот зачем. — Шермэйн придумывала повод. — Хочу еще раз посмотреть на ребенка.

— Сдаюсь.

Брюс взял свой мешок, и они вышли в вестибюль. Бусье уже ждал их там, одетый и бодрый. Его подчиненные были готовы двинуться в путь.

— Мы с мадам Картье поедем в миссию, заберем доктора. Вернемся через полчаса. К этому времени чтобы все были в поезде.

— Хорошо, капитан.

Брюс окликнул Раффи, который стоял на террасе.

— Ты погрузил продукты и лекарства для миссии?

— Все в багажнике, босс.

— Хорошо. Приведите часовых на станцию. Скажите машинисту, чтобы стоял под парами. Двинемся, как только я вернусь с лейтенантом Хейгом.

— Есть, босс.

Брюс отдал ему свой мешок.

— Отнеси в поезд, Раффи. — Внезапно он заметил кипу картонных коробок у ног сержант-майора. — Что это?

Раффи смутился.

— Пара бутылочек пива, босс. Вдруг по пути домой пить захочется.

— Ну ладно! — улыбнулся Брюс. — Поставь их в безопасное место и не выпей все до моего возвращения.

— Сохраню для вас одну-две, — пообещал Раффи.

— Пойдемте, тигрица, — обратился Брюс к Шермэйн и повел ее к автомобилю. Она снова села почти вплотную к Брюсу, подвернув под себя ноги, как раньше.

Они проехали дамбу. Шермэйн прикурила две сигареты и одну отдала ему.

— Рада буду отсюда уехать, — сказала она, глядя в окно на болота и утренний туман, клочьями висящий над зарослями осоки. — Я разлюбила это место, когда умер Поль. Ненавижу болота, москитов, джунгли. Я рада, что мы уедем.

— Куда вы собираетесь? — спросил Брюс.

— Еще не знаю. Назад в Бельгию, наверное. Куда-нибудь подальше от Конго. Подальше от этой жары, туда, где спокойно дышится. Подальше от болезней и страха. Туда, где не нужно никуда бежать, где человеческая жизнь имеет смысл. Подальше от убийств, поджогов и насилия.

Она глубоко затянулась сигаретой, глядя вперед на зеленую стену леса.

— Я родился в Африке, — сказал Брюс, — в то время, когда молотком судьи еще не служил приклад винтовки, еще до того, как стали голосовать автоматной очередью. — Он говорил тихо, почти скорбно. — До ненависти. Но сейчас я не знаю. Я еще не думал о будущем. — Какое-то время он молчал. Они подъехали к повороту на миссию, и Керри повернул руль. — Все так резко поменялось. Я даже не понимал, насколько резко, пока не приехал сюда, в Конго.

— Вы собираетесь остаться здесь, Брюс? Я имею в виду здесь, в Конго?

— Нет, — ответил он, — с меня хватит. Я даже не понимаю, за что воюю.

Он выкинул окурок в окно. Впереди показались дома миссии.

Брюс остановил машину у больницы, и они сидели молча некоторое время.

— Должен быть какой-то другой край, — прошептал он. — Если он есть, я его найду.

Он открыл дверцу и вышел. Проскользнув под рулем, Шермэйн последовала за ним. Они шли совсем рядом — девушка оказалась чуть выше его плеча. Она случайно коснулась его, и Керри поймал ее руку. В ответ Шермэйн сжала его ладонь.

Майк Хейг и отец Игнаций проводили осмотр в женской палате и настолько углубились в работу, что не услышали, как подъехала машина.

— Доброе утро, Майкл! — окликнул Брюс. — Что за маскарад?

Майк Хейг поднял голову и улыбнулся:

— Доброе утро, Брюс. Здравствуйте, Шермэйн.

Затем он окинул взглядом свое потертое коричневое облачение.

— Взял напрокат у Игнация. Немного длинновата, да и в поясе тесна, но зато больше подходит для больницы, чем военный камуфляж.

— Вам идет, доктор Майк, — сказала Шермэйн.

— Приятно слышать, что меня снова так называют. — Улыбка наполнила его лицо. — Вы, наверное, хотите взглянуть на ребенка?

— Как он?

— И мать, и младенец в полном порядке, — уверил он и повел Шермэйн по проходу между кроватями. С каждой подушки их провожали огромные любопытные глаза под черной шапкой кучерявых волос.

— Можно его взять на руки?

— Он спит, Шермэйн.

— Ну очень вас прошу!

— Думаю, это для него не смертельно. Хорошо, берите.

— Брюс, посмотрите, какой хорошенький!

Она держала крошечное черное тельце у груди, и ребенок, заерзав, стал маленьким ртом инстинктивно искать сосок. Брюс наклонился, рассматривая младенца.

— Очень милый, — сказал он и повернулся к отцу Игнацию: — Там в машине все, что я обещал. Отправьте санитара, пусть перенесет все в здание. — Затем Керри обратился к Майку: — Иди переоденься. Сейчас поедем.

Майк, теребя в руках висевший на шее стетоскоп, покачал головой:

— Я не поеду.

Брюс удивленно посмотрел на него:

— Что?

— Я останусь здесь, с Игнацием. Он предложил мне работу.

— Ты с ума сошел, Майк.

— Возможно, — согласился Хейг, взял у Шермэйн ребенка и положил его в кровать рядом с матерью, заботливо подоткнув одеяло. — А возможно, и нет. — Он выпрямился и обвел рукой ряды кроватей. — Согласись, здесь много работы.

Брюс беспомощно смотрел на него, а потом обернулся к Шермэйн:

— Отговорите его. Может быть, вам удастся убедить его, что это бессмысленно.

Шермэйн покачала головой:

— Нет, Брюс, я не стану.

— Майк, ради всего святого, поступи разумно. Как ты останешься здесь, в этом болоте...

— Я провожу тебя до машины, Брюс. Я знаю, что вы спешите.

Он провел их через боковую дверь и постоял у водительского окна, пока они садились внутрь. Брюс протянул ему руку, и Хейг сжал ее.

— Будь здоров. Спасибо за все.

— Счастливо, Майк. Ну что, примешь сан и станешь полноправным миссионером?

— Не знаю, Брюс. Вряд ли. Я просто хочу получить еще один шанс делать то, что умею. Хочу немного укоротить счет, который в последнее время слишком вырос.

— Я запишу тебя как «пропавшего без вести». Выброси форму в реку, — сказал Брюс.

— Хорошо, — ответил Майк и отступил назад. — Берегите друг друга.

— Не понимаю, о чем вы, — чопорно заявила Шермэйн, сдерживая улыбку.

— Я старый пес, меня не проведешь, — сказал Майк.

Брюс отпустил сцепление, и машина тронулась.

— Благослови вас Бог, дети мои, — улыбнувшись, провозгласил Майк.

— Au revoir[8], доктор Майк.

— Пока, Майк.

В зеркало заднего вида Брюс смотрел на него — высокого, неуклюжего, в плохо сидящем облачении, но гордого и непоколебимого в своей правоте. Хейг помахал последний раз, а потом развернулся и поспешил обратно в больницу.

Оба молчали, пока не выехали на основную дорогу. Шермэйн прижалась к Брюсу и чему-то улыбалась, глядя вперед на бегущие вдоль обочины деревья.

— Он хороший человек, Брюс.

— Пожалуйста, прикурите мне сигарету, Шермэйн.

Ему не хотелось говорить на эту тему — разговоры все только испортят.

Снизив скорость перед перекрестком, Брюс переключился на вторую передачу и привычно посмотрел по сторонам, проверяя, свободна ли основная дорога.

— О Боже! — ахнул он.

— Что такое, Брюс? — Шермэйн вскинула голову, так и не успев зажечь сигарету.

— Смотрите!

В сотне ярдов от них, на краю дороги, припарковалась колонна автомобилей. Первые пять — тяжелые, крытые брезентом грузовики мрачного оливкового цвета, шестая — огромный красно-желтый бензовоз с надписью «Шелл» на пузатом боку. Позади ведущего грузовика стояла пневмоколесная двадцатипятифунтовая противотанковая пушка с легкомысленно задранным кверху стволом. Вокруг машин расхаживало человек шестьдесят в разномастной форме и касках — вооруженные кто автоматами, кто старомодными винтовками

со скользящим затвором. Солдаты беспечно мочились в траву на обочине, курили и разговаривали.

— Генерал Мозес! — сказала Шермэйн тихим от ужаса голосом.

— Ложись! — крикнул Брюс и, свободной рукой пригнув Шермэйн к самому полу, выжал газ. «Форд» взревел и рванул вперед, поднимая столбы пыли. На повороте Брюс с трудом выровнял машину и глянул в зеркало заднего вида. Позади них все зашевелились и забегали, крики перекрывали рев «форда». До спасительного изгиба дороги, ведущего к дамбе, оставалась сотня ярдов.

Шермэйн привстала на колени и оглянулась.

— На пол, черт подери! — крикнул Брюс и толкнул ее вниз.

Рядом с ними обочина взорвалась фонтанчиками пыли, а позади истерично застрекотала автоматная очередь.

Поворот стремительно приближался, как вдруг сзади громыхнуло и автомобиль вздрогнул. Лобовое стекло пошло кружевными трещинами, приборная панель разлетелась вдребезги, осыпав осколками волосы Шермэйн, две пули прошили кресло, выпустив наружу набивку, словно кишки раненого животного.

— Закройте глаза! — крикнул Брюс и, ударив кулаком по лобовому стеклу, сам зажмурился от полетевших осколков. Теперь он мог видеть через пробитую дыру. Вот он, поворот! Брюс круто вывернул руль, отчего задние колеса занесло на обочину и машина проскакала по кочкам, задевая траву и листья.

Проскочив поворот, «форд» несся к дамбе.

— Вы как, Шермэйн?

— Вроде ничего, а вы?

Она вылезла из-под панели: на щеке кровь от пореза стеклом, а глаза от страха раза в два больше, чем обычно.

— Только бы Бусье и Хендри были готовы выезжать. Эти подонки через пять минут будут там.

Они проскочили дамбу — стрелка спидометра доходила до восьмидесяти миль в час, — въехали на противоположный берег и помчались по главной улице Порт-Реприва. Не отпуская руки с клаксона, Брюс дал несколько отрывистых тревожных гудков.

— Господи, хоть бы они были готовы, — пробормотал он. С облегчением он увидел, что на улице никого нет, а гостиница пуста. Продолжая

гудеть, он направил машину к станции, резко повернул, вздымая тучи пыли, промчался мимо здания станции и выскочил на перрон.

Большинство людей Бусье стояли рядом с поездом. Сам Бусье, окруженный женщинами, ждал у последней платформы.

— Сажайте женщин в поезд! — крикнул Брюс в открытое окно. — Они едут за нами, отправляемся немедленно!

Без единого вопроса и возражения Бусье стал помогать женщинам взбираться по стальной лестнице на платформу. Брюс ехал вдоль поезда.

— Все в поезд! Скорей, черт побери! Они едут!

Он затормозил рядом с кабиной локомотива и, задрав голову, крикнул сверкающему лысиной машинисту:

— Трогайся! Не теряй времени! Выжми из малютки все, что можно! Через пять минут здесь будет банда шуфта.

Лысина скрылась в кабине даже без дежурного «Oui, monsieur».

— Пойдемте, Шермэйн. — Брюс схватил ее за руку и вытащил из машины.

Они побежали к одному из купейных вагонов. Керри толкнул девушку вверх по стальной лестнице. В этот момент поезд тронулся, и так резко, что Шермэйн не сумела удержаться за перила и упала на Брюса, сбив его с ног. Они бесформенной кучей повалились на пыльный бетон. Поезд, набирая скорость, отходил от перрона. Брюс вспомнил свой детский кошмарный сон: он бежит за поездом и не может его догнать. Керри подавил панику, и они вдвоем, тяжело дыша и цепляясь друг за друга, поднялись на ноги. Вагоны с ускоряющимся стуком проносились мимо них.

— Бегите! — крикнул Брюс. — Бегите!

Преодолевая панику, от которой подгибались ноги, он сумел ухватиться за перила второго вагона, другой рукой прижав к себе Шермэйн. Сержант-майор Раффараро наклонился, сгреб девушку за воротник и поднял, как потерявшегося котенка. Затем наклонился за Брюсом.

— Босс, если будете так развлекаться, мы вас когда-нибудь недосчитаемся.

— Простите, Брюс, — выдохнула Шермэйн, прислоняясь к нему.

— Ничего, все целы, — улыбнулся он. — Идите в купе и оставайтесь там, пока я не скажу. Понятно?

— Да, Брюс.

— Вперед. — Керри повернулся к Раффи: — Немедленно на крышу! Нас ждет фейерверк. У этих шуфта противотанковое орудие, а мы, как только поднимемся на холм, окажемся в прямой видимости.

Поезд уже выехал из Порт-Реприва и взбирался на склон холма. Солнце поднялось над горизонтом, туман рассеялся, и теперь показался целиком весь поселок.

Колонны генерала Мозеса, преодолев дамбу, въехали на центральную улицу. Шедший впереди грузовик резко повернул и остановился. Из брезентового кузова высыпали бойцы и, кинувшись к пушке, стали ее разворачивать и наводить.

— Надеюсь, эти арабы мало с ней практиковались, — проворчал Раффи.

— Скоро выяснится, — мрачно заверил его Брюс.

На последней платформе Бусье приготовился защищать ехавших с ним женщин и детей, будто старый пастуший пес — отару овец. Пригнувшись у стального борта, Андрэ де Сурье и еще человек пять-шесть наводили пулеметы. На второй платформе солдаты тоже готовились к стрельбе.

— Чего вы ждете? — взревел Раффи. — По пушке — огонь!

Ударил нестройный залп, к нему присоединились пулеметы. С каждым выстрелом каска Андрэ сползала ему на глаза, приходилось то и дело откидывать ее назад. Лежа на крыше одного из вагонов, Уолли Хендри стрелял короткими очередями.

Шуфта разбежались, оставив одного лежать около пушки, за щитком которой прятались еще несколько человек — виднелись верхушки их касок.

Внезапно пушка исторгла облако белого дыма, и снаряд промчался над поездом с шумом фазаньих крыльев.

— Перелет! — сказал Раффи.

Следующий снаряд врезался в деревья внизу.

— Недолет! — прокомментировал Раффи.

— А третий прямо в глаз, — сказал Брюс.

Снаряд попал в хвост состава. Шуфта использовали бронебойные снаряды, которые не взрывались — желтого порохового дыма не было. От удара поезд покачнулся и затрясся.

Брюс второпях попытался оценить ущерб. Люди на последней платформе остались целы, и он хотел было вздохнуть с облегчением, но вместо этого вскрикнул от ужаса, осознав, что произошло.

— Сцепку разбили, — сказал он. — Последняя платформа отрезана.

Разрыв начал стремительно увеличиваться: оторванная, как хвост ящерицы, платформа поползла вниз по склону.

— Прыгайте! — заорал Брюс, приставив ладони ко рту. — Прыгайте, пока не разогнались!

Они его либо не слышали, либо просто оцепенели от испуга. Никто не двинулся с места. Платформа, набирая скорость, откатывалась обратно к поселку, прямо в руки армии генерала Мозеса.

— Что делать, босс?

— Ничего… — ответил Брюс.

Стрельба прекратилась. Все, включая Уолли Хендри, не отрываясь смотрели на съезжающую вниз платформу. Старик Бусье помог жене подняться на ноги, прижал ее к себе, и оба они посмотрели на Брюса, который стоял на крыше удаляющегося поезда. Бусье поднял правую руку в прощальном жесте, потом уронил ее и остался неподвижен. Позади него Андрэ де Сурье отошел от пулемета и снял каску. Он тоже смотрел на Брюса, но не махал.

Пушка еще выстрелила несколько раз, громко ухая и выпуская клубы дыма, но Брюс ее не слышал. Солдаты генерала Мозеса бежали к станции. Платформа, теряя скорость, подкатилась к перрону и резко встала, ударившись о буфер в тупике. Шуфта накинулись на нее, как муравьи на жука. Донеслись хлопки ружейных выстрелов, на штыках сверкнуло низкое солнце. Керри отвернулся.

Поезд почти достиг вершины холма. Скорость нарастала, но облегчения Брюс не ощущал. В углах глаз покалывало, а в горле стоял комок.

— Несчастные ублюдки, — тихо ворчал рядом Раффи. — Несчастные ублюдки.

Внезапно поезд сотряс еще один удар — снова выстрелила пушка, теперь уже по локомотиву. Из пробоины со свистом вылетела струя пара, состав замедлял бег. Поезд уже перевалил за гребень холма, поселок скрылся из виду, и состав, катясь по склону вниз, вновь стал набирать скорость, однако пар по-прежнему бил струей из котла, и Брюс понял, что они получили смертельную рану. Он включил рацию.

— Машинист, слышишь меня? Насколько все серьезно?

— Я не вижу, капитан. Слишком много пара. Давление на датчике падает.

— Сделай все, чтобы пройти переезд со шлагбаумом до того, как мы совсем остановимся. Это приказ. Если застрянем на переезде, шуфта доберутся до нас на грузовиках.

— Я попытаюсь, капитан.

Состав промчался по склону, но, достигнув равнины, стал снова терять скорость. Сквозь тающие облака пара Брюс разглядел впереди светло-коричневую ленту дороги. Состав все еще делал не меньше тридцати миль в час, и шоссе осталось далеко позади. Наконец поезд замер. Брюс прикинул, что состав остановился в трех-четырех милях от переезда и их надежно укрывает стена леса и три поворота дороги.

— Сомневаюсь, что нас здесь найдут: от переезда им придется идти по путям. Надо вернуться на милю назад и устроить в лесу засаду с каждой стороны путей, — сказал Брюс.

— Эти арабы не поедут за нами, босс. Они получили женщин и целый бар спиртного. Генерал Мозес приведет их в чувство только через два-три дня.

— Возможно, ты и прав, Раффи, но рисковать нельзя. Устроим засаду, а потом подумаем, как вернуться домой.

Внезапно его обожгла мысль: алмазы остались у Мартина Бусье. В Элизабетвиле будут очень недовольны.

И тотчас же он почувствовал отвращение к самому себе. Алмазы не самое ценное из того, что оставили в Порт-Реприве.

14

Андрэ де Сурье держал каску у груди, словно шляпу на похоронах. Прохладный ветер ласково обдувал его темные, влажные от пота волосы. Слух притупился от удара снаряда, который отрезал платформу от поезда, но он слышал, как заплакал ребенок и как успокаивающе заворковала с ним мама. Он посмотрел на удаляющийся поезд, увидел огромную фигуру Раффи рядом с Брюсом Керри на крыше второго вагона.

— Они нам уже не помогут, — тихо сказал Бусье. — Они не в состоянии ничего сделать. — Он поднял руку и отсалютовал удаляющемуся поезду. — Держись, ma chère[9], — сказал он жене, — держись.

Она прижалась к нему.

Андрэ уронил каску, которая с лязгом ударилась о металлическую платформу, дрожащими руками вытер пот с лица и медленно повернул голову в сторону приближающегося поселка.

— Я не хочу умирать, — прошептал он. — Не так, не сейчас, прошу, не надо.

Один из солдат мрачно рассмеялся и шагнул к пулемету. Оттолкнув Андрэ, он стал стрелять в крошечные фигурки, заполонившие станцию.

— Нет! — вскрикнул Андрэ. — Не надо их провоцировать. Нас убьют, если...

— Нас все равно убьют, — рассмеялся солдат и опустошил обойму за одну длинную отчаянную очередь.

Андрэ хотел было оттащить бойца от пулемета, но решимости не хватило. Руки повисли бессильными плетьми, губы задрожали, и наконец страх вырвался наружу.

— Нет! — заорал де Сурье. — Умоляю, не надо. О Боже, пощади! Спаси меня, Господи, прошу тебя! Боже мой...

Спотыкаясь, он подбежал к борту и вцепился в него. Платформа замедляла ход, приближаясь к перрону. К ним уже бежали люди с винтовками — чернокожие в грязной рваной форме, лающие, как гончие... Исказившиеся от восторга лица, розовые кричащие рты...

Андрэ прыгнул и, ударившись о пыльный бетонный перрон, чуть не задохнулся. Встав на колени и прижимая руки к животу, он попытался закричать. Прикладом винтовки его ударили между лопаток, и он упал. Над ним кто-то сказал по-французски:

— Он белый, оставь его генералу. Не убивать!

И снова его ударили прикладом, теперь уже по голове. Он лежал в пыли, оглушенный, чувствуя кровь во рту, и смотрел, как остальных выволакивают с платформы.

Чернокожих солдат без всяких церемоний застрелили прямо на перроне. Потом туземцы, смеясь, соревновались, кто быстрее воткнет штык в труп. Дети погибли быстро: их вырвали из рук матерей и, схватив за ноги, размозжили им головы о стальной борт платформы.

Старый Бусье попытался дать отпор солдатам, стаскивавшим одежду с его жены, и был заколот штыком сзади. Он упал на перрон, и ему дважды прострелили голову.

Через несколько минут подоспели офицеры, утихомирили бойцов. К этому времени в живых остались только Андрэ и четыре женщины.

Андрэ лежал там, где упал, с ужасом глядя на то, как с женщин срывали одежду. Навалившись по одному на каждую руку и ногу, солдаты растянули их на перроне, словно телят, приготовленных к клеймению,

улюлюкая при виде извивающихся обнаженных тел, ссорясь из-за очередности, отталкивая друг друга, расстегивая ремни на форме, заляпанной свежей кровью…

В толпу вошли двое: судя по начальственному виду и лентам на груди — офицеры. Один из них выстрелил в воздух, требуя внимания, и оба заговорили. Речи вскоре возымели действие: женщин подняли и потащили к гостинице.

Один из офицеров подошел к Андрэ и, наклонившись, поднял его за волосы.

— Добро пожаловать, mon ami[10]. Генерал будет очень рад тебя видеть. Жаль, что твои белые друзья нас покинули, но ведь один лучше, чем никого.

Де Сурье взглянул ему в лицо. Офицер с внезапной яростью плюнул ему в глаза и крикнул:

— Несите его! Генерал с ним потом поговорит.

Андрэ привязали к одной из колонн у входа в гостиницу. Через окна террасы видно было, что делают с женщинами в вестибюле, но он не стал смотреть — он и так все слышал. К полудню крики перешли в рыдания, а во второй половине дня стихли, но очередь шуфта не иссякала. Некоторые бойцы становились в нее по три-четыре раза. Все уже напились в дым. У одного парня в одной руке была бутылка ликера «Парфе-амур», а в другой — виски «Харперс». Каждый раз, снова пристраиваясь в хвост очереди, он останавливался перед Андрэ.

— Выпьешь со мной, белый мальчик? — спрашивал он и сам отвечал: — Конечно. — Наполнял рот содержимым одной из бутылок и выплевывал его в лицо де Сурье. Всякий раз вся очередь хохотала. Иногда какой-нибудь шуфта становился перед Андрэ и, немного отступив назад, направлял в пленника штык, отклоняя его так, что тот царапал де Сурье щеку. Каждый раз Андрэ не мог сдержать крик ужаса, и все в очереди покатывались со смеху.

Ближе к вечеру шуфта начали жечь дома на окраинах городка. Несколько человек, уставших от выпивки и насилия, сидели на дальнем конце террасы и вдруг запели. Красивые, глубокие голоса несли в себе первозданную меланхолию Африки. Бойцы пели, а в это время на дороге у гостиницы ссора двух шуфта переросла в поножовщину.

Тягучий напев перекрывал хриплое дыхание двух спорщиков и шарканье их ног по пыли. С обнаженными торсами и ножами в руках бойцы кружили друг вокруг друга и наконец сошлись в смертельной схватке. В пении, глубоком и проникновенном, послышались торжествующие нотки. Один из дерущихся отступил, по рукоять

погрузив нож в живот противника. Проигравший сползал с лезвия вниз, и пение словно таяло вместе с ним, заунывно и горестно, пока не стихло совсем.

* * *

В сумерках за Андрэ пришли четверо, наименее пьяные из всех. Пленника под конвоем привели в штаб «Юнион миньер» и втолкнули в кабинет, где за столом сидел генерал Мозес — совсем не зловещего вида человек, больше похожий на пожилого клерка с седеющими на висках короткими волосами и в роговых очках. На груди у него красовались три ряда медалей, как на парадном мундире, пальцы утыканы перстнями с бриллиантами, изумрудами и рубинами. Почти все перстни — женские, с разрезанными обручами оправ, чтобы в них смогли влезть толстые черные пальцы.

На столе стоял небольшой деревянный ящик с надписью «Юнион миньер», выведенной черными буквами по трафарету. Генерал Мозес открыл крышку, вынул из ящика небольшой холщовый мешок и, развязав бечевку, высыпал на бювар горсть непрозрачных технических алмазов, тускло блеснувших в свете фонаря. Он задумчиво потыкал их пальцем.

— Сколько ящиков обнаружили на платформе? — спросил он, не поднимая головы.

— Один-единственный, mon généйral[11], — ответил один из конвойных.

— Ты уверен?

— Oui, mon général[12]. Я сам все обыскал.

Генерал Мозес достал из ящика еще один холщовый мешочек, высыпал его содержимое на бювар и заворчал от досады, увидев все те же серые камушки. Его ярость нарастала — из мешочка за мешочком сыпались только невзрачные технические алмазы. Горка камней на столе могла бы поместиться в кувшин объемом в пинту.

— Ты открывал ящик? — прорычал генерал.

— Non, mon général[13]. Он был запечатан, и печать осталась цела, вы же видели.

Генерал Мозес разочарованно буркнул, еще раз запустил руку в ящик и внезапно улыбнулся.

— Ага! Что это? — сказал он не без удовольствия, вытаскивая сигарную коробку из кедрового дерева с прилипшей к ней оберточной бумагой. Подцепив крышку ногтем, генерал расплылся в улыбке. Внутри, обложенные мягкой шерстяной тканью, переливаясь и преломляя свет

фонаря во все цвета спектра, лежали ювелирные алмазы. — Замечательно, — пробормотал генерал. — Замечательно.

Он отодвинул гору технических камней в сторону, положил перед собой блестящий алмаз, затем по одному вынул из коробки оставшиеся, поглаживая и перебирая их в пальцах. Генерал причмокивал и тихо смеялся, пересчитывая их и раскладывая на столе.

— Замечательно, — повторял он. — Bon[14], сорок один, сорок два. Замечательно! Дорогие мои! Сорок три.

Внезапно он сгреб алмазы в холщовый мешочек и, затянув шнурок, засунул мешочек в нагрудный карман над медалями и застегнул пуговицу. Положив черные, усыпанные драгоценностями руки на стол перед собой, он взглянул на Андрэ. Его глаза — дымчато-желтые, с черными зрачками — за стеклами очков казались непроницаемыми и непостижимыми.

— Разденьте его, — сказал он голосом не более выразительным, чем глаза.

С Андрэ резко сорвали одежду, и генерал Мозес стал разглядывать его тело.

— Такое белое, — пробормотал он. — Почему оно такое белое?

Его челюсти стали нервно сжиматься и разжиматься, а на лбу выступили капельки пота. Он вышел из-за стола — маленького роста человечек, но с такой решимостью, которая увеличивала его почти вдвое.

— Белое, как личинки мух, которые кормятся на теле слона. — Он подошел вплотную к пленнику. — Ты должен быть жирнее, моя личинка, ты много ел. Должен быть жирнее. — Он погладил Андрэ бока. — Теперь уже поздно, моя личинка, — сказал он. Де Сурье съежился и от прикосновения, и от голоса. — Потому что слон смахнул тебя на землю, себе под ноги. Ты звонко лопнешь, когда он на тебя наступит…

Голос генерала звучал мягко, пот ручейками стекал по щекам, а безразличие в глазах сменилось ярким пламенем.

— Посмотрим, — сказал он, отступая. — Посмотрим, личинка моя, — повторил он и коленом ударил Андрэ между ног.

От удара тело пленника содрогнулось, плечи выгнулись назад. Боль раскаленной сталью прожгла низ живота. Внутри все сжалось в спазме, как при родах, по мышцам боль прорвалась в грудь и, добравшись до головы, взорвалась там белым огнем, на время ослепив.

— Держите его, — скомандовал генерал Мозес неожиданно визгливым голосом. Двое солдат привычно взяли Андрэ за локти и с силой опустили на колени, так что половые органы и низ живота оказались как раз на уровне генеральских ботинок.

— Вы сажали меня в тюрьму четыре раза! — Генерал Мозес ударил пленника ботинком.

От новой боли, прибавившейся к старой, Андрэ даже не смог закричать.

— А это за оскорбления!

Де Сурье почувствовал, как рвутся яички. От боли перехватило дыхание.

— А это за унижения!

Боль перевалила пик, и на этот раз Андрэ смог открыть рот и вздохнуть.

— А это за то, что меня морили голодом!

Сейчас он закричит. «О, как больно, Господи, помоги, дай мне закричать».

— А это за вашу белую справедливость!

«Ну почему я не могу закричать. О Господи, умоляю...»

— А это за ваши тюрьмы и Кибоко!

Удары сыпались один за другим, как капли дождя по жестяной крыше. Андрэ почувствовал, как в животе что-то разорвалось.

— Вот тебе, вот тебе! И еще, и еще!

Лицо генерала заполнило собой все поле зрения де Сурье, а голос и звуки ударов отдавались в ушах.

— И еще, и еще!

Пронзительный визгливый голос звучал в ушах, в животе нарастала теплая волна внутреннего кровотечения. Боль утихала — тело, защищаясь, отвергло ее. Андрэ так и не закричал. Эйфория... Он понял: единственное, что он может сделать достойно, — это умереть без крика.

Де Сурье попробовал встать, но его держали, а ноги не слушались — они были по другую сторону большого, теплого, онемевшего живота. Андрэ поднял голову и посмотрел на того, кто его убивал.

— Это за ту белую мразь, которая тебя родила, и еще, и еще...

Удары ушли за пределы реальности, словно он стоял рядом с человеком, который рубил топором дерево. Андрэ улыбнулся.

И, все еще улыбаясь, упал на пол.

— Готов, — сказал один из конвоиров.

Генерал Мозес вернулся к столу, дрожа, как будто после долгого бега. Дышал он глубоко и быстро. Китель взмок от пота. Генерал опустился в кресло и съежился. Постепенно глаза потухли, словно затянувшись пленкой безразличия.

Двое солдат присели на корточки у тела Андрэ. Они знали, что ждать придется долго.

Из открытого окна доносился пьяный смех, виднелись всполохи пожара.

15

Брюс, стоя на тропинке, тщательно обшаривал взглядом близлежащие заросли. Наконец он различил дуло пулемета, высунувшееся на несколько дюймов из куста слоновой травы. Он точно знал, куда смотреть, но потратил на поиски целых две минуты.

— Хорошо, Раффи, — подвел он итог. — Лучше не спрятать.

— Согласен, босс.

Брюс повысил голос:

— Слышно меня? — Из кустов донеслись приглушенные голоса, и Керри продолжил: — Дождитесь, пока шуфта доберутся до этого места, и только тогда открывайте огонь. Сейчас поставлю знак. — Он отломал с куста ветку и бросил ее на тропинку. — Видно? — Снова приглушенные ответы. — Пока отдыхайте и до темноты оставайтесь здесь.

Состав спрятали за изгибом путей, в полумиле от засады. Брюс и Раффи пошли к нему.

Машинист ждал их, разговаривая с Уолли Хендри у крайней платформы.

— Ну как? — спросил Брюс.

— Сожалею, mon capitaine, ремонт невозможен. Котел пробит в двух местах, повреждены трубы.

— Понятно, — кивнул Брюс. Он не был ни удивлен, ни расстроен. Все это совпало с его собственной оценкой ущерба.

— Где мадам Картье? — спросил он Уолли.

— Мадам готовит завтрак, мсье, — с издевкой произнес Уолли. — А тебе зачем, пижон? Что, опять приспичило? Телятинки захотелось?

Брюс подавил вспыхнувшее раздражение и прошел мимо. В кабине локомотива Шермэйн и четыре солдата выгребли угли из топки на стальной пол и теперь резали картошку и лук в пятигаллоновые горшки.

Солдаты смеялись над чем-то сказанным Шермэйн. Ее обычно бледные щеки пылали от жара, а на лбу красовалась полоска сажи. Девушка ловко управлялась с большим ножом. Она подняла голову и увидела Брюса. Тотчас же ее лицо просияло, а губы раскрылись.

— Мы готовим на завтрак венгерский гуляш — тушенка, картошка и лук.

— Назначаю вас вторым поваром без оплаты.

— Вы очень добры, — ответила она и показала ему язык — маленький, розовый и заостренный, как у кошки. Брюс почувствовал давно забытое напряжение в ногах и сухость во рту.

— Шермэйн, локомотив нельзя отремонтировать, — сказал он по-английски.

— А что, вполне сносная кухня, — возразила она.

— Посерьезней, пожалуйста. — От волнения Брюс становился раздражительным. — Мы здесь надолго застрянем, пока что-нибудь не придумаем.

— Но, Брюс, вы же гений. Я вам полностью доверяю. Я уверена, что вы придумаете что-то потрясающее. — Она говорила серьезно, хотя в глазах сверкали шаловливые искорки. — А вы не можете позаимствовать транспорт у генерала Мозеса?

Брюс, задумавшись, прищурил глаза. Черные, причудливо изогнутые брови сошлись на переносице.

— Если завтрак будет несъедобен, разжалую в поваренка, — пригрозил он и, спрыгнув на землю, поспешил вдоль поезда.

— Хендри и сержант-майор, идите сюда, надо кое-что обсудить.

Вслед за ним они залезли по приставной лестнице в вагон. Хендри плюхнулся на койку и положил ноги на раковину.

— Быстро ты управился, — глумливо улыбнулся он, поблескивая рыжей щетиной на подбородке.

— Ты неотесанный и грязноротый сукин сын, Хендри, — холодно сказал Брюс. — Вот приедем назад в Элизабетвиль, сначала отделаю тебя до костей и только потом сдам военным властям по обвинению в убийстве.

— Ой-ой-ой, — рассмеялся Хендри. — Каков болтун, а? Керри — большой болтун.

— Не заставляй меня убивать тебя сейчас, очень прошу. Ты мне еще нужен.

— А что там у тебя с этой французской штучкой? Влюбился или как? Влюбился или хочется потискать пухленькую попку? Насчет сисек не уверен — у нее там и на ладонь-то не наберется.

Брюс ринулся было к нему, но передумал и, отвернувшись, стал смотреть в окно. Потом заговорил напряженным голосом:

— Предлагаю сделку, Хендри. Пока не выберемся отсюда, ты не трогаешь меня, а я не трогаю тебя. Как только доберемся до Мсапы, договор расторгается. Делай и говори что хочешь, но я, если еще не убью тебя, позабочусь о том, чтобы тебя повесили за убийство.

— Я ни с кем не заключаю сделок, Керри. Я подчиняюсь, пока мне это удобно, и уйду без предупреждения, как только меня перестанет что-то устраивать. И вот что я тебе скажу, пижон: ты мне не нужен. Мне вообще никто не нужен. Ни Хейг, ни ты, заносчивый болван. Запомни, Керри: придет время — я с тебя спесь собью. И потом не говори, что я не предупреждал.

Хендри сидел, опершись руками о колени. Лицо подергивалось и кривилось от горячности речи.

— Давай сейчас поговорим, Хендри. — Брюс отодвинулся от подоконника, слегка пригнувшись и выставив вперед твердые, как лезвия, ладони дзюдоиста.

Сержант-майор Раффараро поднялся с противоположной койки с удивительной для такого крупного тела быстротой и грацией и встал между Керри и Хендри.

— Вы нам что-то хотели сказать, босс?

Брюс медленно выпрямился и опустил руки. Он раздраженно смахнул со лба намокшую прядь волос, словно хотел этим же движением выбросить Хендри из головы.

— Да, — выговорил он, прилагая усилия, чтобы голос звучал ровно. — Я хотел обсудить дальнейшие действия.

Достав пачку сигарет из нагрудного кармана, он зажег одну и глубоко затянулся. Затем, прислонившись к краю раковины, стал рассматривать пепел на кончике сигареты. Наконец он заговорил обычным голосом:

— Надежды починить локомотив нет, так что выбираться будем на другом транспорте. Есть вариант пойти пешком до Мсапы — это двести километров, да к тому же наши друзья балуба в любой момент поставят

наш поход под сомнение. А можно вернуться на грузовиках генерала Мозеса! — Он умолк, давая возможность осознать сказанное.

— Предлагаете увести грузовики у него из-под носа? — спросил Раффи. — Это нелегко, босс.

— Нет, Раффи, никаких шансов. Придется атаковать поселок, вычистить оттуда шуфта.

— Ты с ума сошел! — воскликнул Уолли. — Ты бредишь.

Брюс пропустил его слова мимо ушей.

— Предполагаю, что у генерала Мозеса около шестидесяти человек. Если не считать Канаки с девятью солдатами на мосту, Хейга, де Сурье и всех остальных, у нас тридцать четыре человека. Верно, сержант-майор?

— Все правильно, босс.

— Хорошо, — кивнул Брюс. — Оставим здесь засаду — десяток бойцов, на случай если Мозес пошлет вслед за нами отряд или если на нас решат напасть балуба. Знаю, десятерых мало, но придется рискнуть.

— У туземцев есть оружие — дробовики и спортивные винтовки, — сказал Раффи.

— Да, — согласился Брюс, — они умеют о себе позаботиться. Так вот, в бой пойдут двадцать четыре человека, получается один против троих.

— Шуфта уже так нальются, что половина из них даже не встанет.

— Опьянение и внезапность — вот на что я рассчитываю. Постараемся все закончить до того, как они поймут, что случилось. Думаю, они не осознали, насколько пострадал поезд, и считают, что мы уже за сто миль.

— Когда хотите отправляться, босс?

— Мы милях в двенадцати от Порт-Реприва, значит, примерно в шести часах ходу по темноте. Хочу начать атаку рано утром, но занять позицию нужно около полуночи. Отсюда выступаем в шесть часов, до сумерек.

— Пойду подберу людей.

— Хорошо, Раффи. Выдели каждому по сотне дополнительных патронов и по десятку гранат. Мне нужно четыре связки гранат. — Брюс повернулся к Хендри и некоторое время смотрел на него. — Иди с сержант-майором, Хендри, помоги ему.

— Черт, вот веселье-то будет, — оскалился Уолли в предвкушении. — Если повезет, наберу себе мешок ушей.

Он вышел за Раффи в коридор, а Брюс лег на койку и снял каску. Закрыв глаза, он снова увидел Бусье и его жену. Они стоят рядом на платформе, которая катится вниз по склону. Он увидел испуганных женщин и де Сурье — без каски. Андрэ смотрит на него своими большими бархатистыми карими глазами.

Брюс застонал. Почему всегда страдают добрые, невинные, слабые?

Стук в дверь заставил его очнуться. Он сел.

— Да?

— Добрый день, Брюс. — Вошла Шермэйн с походным металлическим ящиком в одной руке и двумя кружками в другой. — Обед.

— Уже? — Брюс взглянул на часы. — Ничего себе, второй час.

— Голодны?

— Завтрак был тысячу лет назад.

— Вот и хорошо, — сказала она и, разложив столик, стала расставлять плошки.

— Пахнет вкусно.

— Я экстраординарный шеф-повар. Мой гуляш обожают все коронованные особы Европы.

Оба были голодны, поэтому ели молча, один раз с улыбкой переглянулись и продолжили трапезу.

— Очень вкусно, — наконец выдохнул Керри.

— Кофе, Брюс?

— Не откажусь.

Наполняя его кружку, она спросила:

— И что теперь?

— В смысле что будет теперь, когда мы одни?

— А вы скоропалительны, monsieur. Я имела в виду, как мы отсюда выберемся?

— Я принял ваше предложение: занять средства передвижения у генерала Мозеса.

— Шутите, Брюс!

— Нет, — сказал он и кратко объяснил свой план.

— Это же опасно! Вас могут ранить!

— Только избранные умирают молодыми.

— Вот поэтому я и волнуюсь. Пожалуйста, останьтесь целы. Если вас ранят, я этого не перенесу, — побледнев, сказала Шермэйн.

Брюс быстро подошел к ней и, наклонившись, поднял ее на ноги.

— Шермэйн, я...

— Нет, Брюс. Ничего не говорите.

Она закрыла глаза, сомкнув густые черные ресницы. Поднявшийся подбородок открыл длинную стройную шею, дрогнувшую под губами Брюса. Шермэйн тихо вздохнула, прижалась к нему всем телом, а рукой обняла его голову, лаская волосы.

— Брюс... Мой Брюс. Пожалуйста, уцелей. Не позволь им ранить тебя.

Сгорая от желания, его губы жадно двигались вверх и встретились с ее ищущими губами — розовыми, не испачканными помадой. Они раскрылись под давлением его языка. Прохладный кончик ее носа упирался ему в щеку. Его рука поползла по ее спине и обняла шею — тонкую гибкую, с нежным шелковистым пушком за ушами.

— Ах, Брюс... — выдохнула она.

Другая его рука скользнула вниз, лаская круглые выпуклости ее ягодиц, и подтянула ее тело к себе. Шермэйн ахнула, почувствовав сквозь одежду его мужскую плоть.

— Нет, — тихо вскрикнула она и попыталась высвободиться, но он держал ее, пока она снова не расслабилась. — Non, non.

Ее губы были приоткрыты, и язык трепетал от прикосновений его языка. Рука, обнимавшая ее шею, рванулась вниз и высвободила концы ее рубашки из пояса джинсов, затем скользнула вверх, поглаживая впадинки у позвоночника. Шермэйн затрепетала, прижимаясь к Брюсу. Ее нежная бархатистая кожа, обтягивающая упругую плоть, ямка между лопатками и подмышки с шелковистым пушком — все наполнило его возбуждением и восторгом. Он быстро обхватил ладонью маленькую грудь с мягким соском, твердеющим от его прикосновений.

Теперь Шермэйн сопротивлялась всерьез, колотя его кулачками по плечам и отворачивая лицо. Усилием воли он остановил себя и ослабил объятия.

— Нехорошо, Брюс. Ты так скоро начинаешь шалить.

Щеки девушки пылали, голубые глаза потемнели. Губы, все еще влажные от поцелуев, обиженно дрогнули.

— Прости, Шермэйн, — хрипло ответил Керри. — Я не хотел тебя напугать. Не знаю, что со мной случилось.

— Ты очень силен, Брюс. Нет, я не испугалась. Ну может, совсем чуть-чуть. Просто я боюсь твоих глаз, когда они смотрят, но не видят.

«Ну и хорош же ты, — упрекнул он себя. — Брюс Керри, нежный любовник. Брюс Керри, тяжеловес с могучими кулаками».

У него подгибались ноги, и дыхание еще не выровнялось.

— Ты не носишь бюстгальтер, — сказал он не подумав и тут же пожалел. Но она рассмеялась, мягко и хрипловато.

— Думаешь, надо, Брюс?

— Нет, я не то хотел сказать... — запротестовал он, вспомнив маленькую упругую грудь. Запутавшись в словах, он замолчал, пытаясь успокоить дыхание и справиться с дурманом страсти.

Шермэйн внимательно посмотрела ему в глаза.

— Теперь ты опять видишь. Может быть, я позволю тебе меня снова поцеловать.

— Пожалуйста, позволь, — попросил он, и она прижалась к нему.

«Давай-ка понежнее, дружище Брюс», — подумал Керри.

Дверь купе с треском распахнулась, и они отскочили друг от друга. На пороге стоял Уолли Хендри.

— Так-так-так. — Маленькие пронзительные глазки уже все изучили. — Прекрасно!

Шермэйн одновременно запихивала рубашку в джинсы и пыталась пригладить волосы.

Уолли осклабился:

— Я всегда говорил, что после обеда — самое оно. Способствует пищеварению.

— Чего тебе? — рявкнул Брюс.

— Нет сомнений в том, чего надо тебе, — сказал Уолли. — И похоже, что ты уже почти получил что хотел.

Он медленно обшарил Шермэйн глазами — от талии до лица.

Брюс вытолкнул Уолли в коридор и вышел следом.

— Так чего тебе? — повторил Керри.

— Раффи хочет, чтобы ты проверил его приготовления, но я ему передам, что ты занят. Если хочешь, можем отложить бой до завтрашнего вечера.

Брюс нахмурился.

— Передай ему, что я буду через две минуты.

Уолли прислонился к двери.

— Ладно, передам.

— Чего ты ждешь?

— Ничего.

— Убирайся! — зарычал Брюс.

— Ладно-ладно, смотри не запутайся в трусах, пижон.

Хендри медленно пошел по коридору.

Шермэйн стояла на том же месте, в глазах блестели злые слезы.

— Свинья. Грязная свинья.

— Он не стоит твоих слез.

Брюс попытался обнять ее, но она отшатнулась.

— Я его ненавижу. Он все портит, во всем видит грязь.

— Между нами не может быть ничего грязного, — сказал Керри, и в то же мгновение ее ярость стала утихать.

— Я знаю, Брюс. Но он может все испортить.

Они нежно поцеловались.

— Я должен идти. Меня ждут.

На секунду она прижалась к нему.

— Будь осторожен. Обещай, что будешь осторожен.

— Обещаю, — сказал Брюс, и Шермэйн выпустила его из объятий.

Они отправились в путь еще засветло, но во второй половине дня набежали облака и теперь висели низко над лесом, не давая выхода скопившейся за день жаре.

Брюс шел впереди цепочки, Раффи в середине, а Хендри замыкал.

К ночи они достигли переезда. Начался теплый дождь; большие мягкие капли падали, как слезы уставшей от горя женщины. Наступила такая темнота, что Брюс, поднеся раскрытую ладонь к самому носу, не смог ее увидеть. Чтобы не сбиться с пути, длинной палкой Керри, как слепец, постукивал по стальному рельсу, вдоль которого они шли. С каждым шагом гравий железнодорожной насыпи хрустел под ногами. Идущий за ним держал его за плечо. Брюс чувствовал, как все остальные движутся сзади, похожие на тело огромной змеи, слышал хруст гравия у них под ногами, приглушенные разговоры и лязганье оружия. Кто-то возмущенно повысил голос, и тут же был прерван глухим ворчанием Раффи.

Они пересекли шоссе, и дорога пошла в гору — пришлось сильно наклоняться вперед. Это были Луфирские холмы.

«На вершине устрою привал, — подумал Брюс. — К тому же оттуда хорошо видны огни поселка».

Дождь внезапно кончился. Наступившая тишина казалась невероятной. Теперь Брюс отчетливо слышал дыхание и шаги его отряда. Где-то в лесу тенькала древесная лягушка — звук был чистый и красивый, словно металлические шарики падали в хрустальный стакан.

Чтобы хоть как-то возместить временное отсутствие зрения, у Брюса обострились все чувства — слух, обоняние, осязание. Он уловил приторно-сладкий аромат какого-то местного цветка и тяжелый запах влажного леса, почувствовал капли дождя на лице и трение одежды о тело… Внезапно у него внутри все затрепетало и съежилось: какое-то животное ощущение опасности подсказывало ему, что впереди в темноте кто-то есть.

Он остановился. Идущий следом солдат ткнулся ему в спину, и оба чуть не упали. По всей цепочке бойцов пронесся шорох, а затем наступила тишина. Все ждали.

Брюс напряг слух и пригнулся, держа наготове винтовку. Он чувствовал, что там, в темноте, кто-то есть.

«Господи, прошу тебя, только бы не пулемет, — подумал он, — нас же разнесут в клочья».

Осторожно обернувшись, он нащупал голову шедшего за ним и, притянув к себе, еле слышно прошептал на ухо:

— Ложись, тихо. Передай остальным.

Замерев на месте, Брюс ждал, прислушиваясь и всматриваясь в темноту. Его осторожно тронули за щиколотку — весь отряд лежал на земле.

— Хорошо. А теперь посмотрим, что там.

Отстегнув от пояса одну из гранат, он снял чеку и положил ее в нагрудный карман. Затем, нащупывая ногой каждую шпалу, двинулся вперед. Пройдя десять шагов, замер. Совсем рядом раздался тихий хруст гравия. Горло перехватило, дыхание прервалось.

«Я совсем близко. Боже, если они откроют огонь...»

Дюйм за дюймом он стал отводить руку с гранатой назад.

Надо швырнуть и упасть. Пятисекундный взрыватель — слишком долго: шуфта услышат и начнут стрелять.

С отведенной назад рукой, он подогнул колени и стал тихо опускаться на землю.

«Вот сейчас», — подумал он. В это мгновение на полнеба вспыхнула зарница. Черные холмы выступили на фоне бледных облаков, блеснули стальные рельсы. Темный лес возвышался по обеим сторонам путей... Леопард — огромный, золотисто-черный леопард — стоял напротив Брюса. Секунду они смотрели друг на друга, а потом снова нависла тьма.

Леопард громко фыркнул в темноте, и Брюс попытался вскинуть зажатую в левой руке винтовку — правой он готовился бросить гранату.

Не веря своим ушам, Брюс услышал, как леопард прыгнул в сторону и на бегу зашуршал кустарником.

С так и не брошенной гранатой Брюс повалился набок, истерически, с облегчением смеясь.

— Что с вами, босс? — послышался обеспокоенный голос Раффи.

— Леопард, — ответил Брюс, с удивлением обнаружив, что говорит писклявым голосом.

Донесся шум голосов, стук и бренчание экипировки: солдаты начали вставать с земли. Кто-то засмеялся.

— Хватит шуметь, — рявкнул Брюс и поднялся на ноги. Выудив из кармана чеку, он вставил ее в гранату. Ощупью он вернулся, подобрал свою палку и снова занял место во главе колонны.

— Пошли, — сказал он.

Во рту пересохло, дыхание участилось, щеки горели от неожиданной встречи со зверем.

«Вот уж впрыснул себе адреналина, — улыбнулся Брюс в темноту. — Какой же я трус. А до вечера еще много будет чего бояться».

Они продвигались вверх по холму похожей на змею вереницей из двадцати шести человек. Напряжение чувствовалось во всем: в звуке шагов, в руке, державшей Брюса за плечо, в долетавшем до него запахе пота, покрывающего возбужденные страхом тела, как кислота покрывает металл.

Впереди медленно рассеивались сгрудившиеся над холмами облака, показались вершины. Темнота отступала, небо постепенно наливалось оранжевым светом, который то бледнел, то вновь становился ярче. Брюса заинтересовало подобное явление, и размышления на эту тему дали ему возможность успокоить нервы. Тяжело переставляя ноги, он шел дальше, наблюдая вспышки света. Уклон стал круче, и последние полмили Керри карабкался, почти прижавшись к земле. Наконец показался проход между двумя вершинами, и наконец отряд взобрался на гребень.

— Господи, — вслух сказал Брюс, осознав причину загадочного свечения облаков.

Порт-Реприв горел. Языки пламени высоко вздымались над сооружениями у причала. Крыша одного из зданий медленно просела внутрь, рассыпая снопы искр. Стены остались стоять, обнаженные и прямые, хотя пламя уже пожирало деревянные рамы окон. Станция, жилые дома за зданием «Юнион миньер» и гостиницей тоже тонули в огне. Брюс быстро перевел взгляд на миссию Святого Августина. Там было темно — ни пламени, ни света.

На душе стало спокойнее: возможно, проглядели, а возможно, были слишком заняты грабежом. Брюс посмотрел на Порт-Реприв и жестко сжал губы. Бесчувственные зажравшиеся ублюдки! В нем закипела ярость при виде бессмысленно уничтожаемого города. Чего они надеются этим добиться? Новые очаги пламени подбирались все ближе и ближе к гостинице.

— Остановимся здесь. Никаких разговоров. Курить запрещаю.

Приказ передали по цепочке, и о землю тихо застучали рюкзаки. Солдаты с облегчением усаживались на насыпь. Брюс вынул бинокль и навел его на горящий поселок. По ярко освещенным огнем улицам группами ходили вооруженные бойцы-шуфта. Керри смог даже разглядеть их черты. У многих в руках были бутылки, и походка не отличалась уверенностью. Брюс попытался подсчитать их количество,

но оказалось, что это невозможно: они входили в здания и снова выходили, объединялись в группы и вновь расходились.

Он опустил бинокль на грудь, давая отдохнуть глазам, и вдруг услышал рядом с собой шорох: Раффи волок за собой тяжелый груз. На одном плече великана висела винтовка, на другом — целый ящик с боеприпасами, а на шее — полдюжины мешков с гранатами.

— Развлекаются, да, босс?

— Да, устроили фейерверк, — ответил Брюс. — Может, передохнешь?

— Почему бы и нет. — Раффи поставил на землю ящик и грузно опустил на него свое огромное тело. — Наших не видать? — спросил он.

Брюс снова поднял к глазам бинокль и стал обшаривать территорию у станции, все еще покрытую мглой. Он разглядел прямоугольный силуэт платформы, на неподвижном фоне которой суетились тени.

— Платформа там, — тихо пробормотал он, — но я не вижу…

В этот момент соломенная крыша одного из домов взорвалась и взлетела вверх снопом огня, ярко осветив станционный двор и платформу.

— Так, — сказал Брюс. — Теперь их видно.

Трупы лежали там, где их настигла смерть: маленькие и хрупкие, разбросанные, как сломанные игрушки.

— Погибли? — спросил Раффи.

— Да.

— А женщины?

— Сложно сказать. — Брюс напряг глаза. — Вроде их там нет.

— Конечно, нет. — Раффи говорил глубоким тихим голосом. — Они не станут убивать женщин. Их наверняка утащили в гостиницу, чтобы там по очереди… Всего четыре женщины… Они не протянут и до утра. Эти ублюдки и слона до смерти… — Он сплюнул на гравий под ногами. — Что будем делать, босс?

Брюс ответил не сразу, тщательно осматривая город в бинокль. Пушка стояла там же, дуло указывало прямо на них. Колонна грузовиков была припаркована у здания «Юнион миньер», на желто-красном боку бензовоза хорошо виднелась надпись «Шелл». «Надеюсь, он полон, — подумал Брюс. — Чтобы добраться до Элизабетвиля, горючего нужно много».

— Раффи, скажи своим парням, чтобы не стреляли по цистерне, а то мы долго будем добираться до дома.

— Скажу, — проворчал Раффи. — Но вы же знаете этих чокнутых арабов: им только дай, они будут стрелять до тех пор, пока не кончатся патроны. Им все равно, куда летят пули.

— Спустимся с холма и разделимся на две группы. Мы с тобой поведем одну по краю болота, к дальнему концу города. Позови лейтенанта Хендри. — Брюс подождал, пока Уолли к ним присоединится. Все трое склонили головы, и Керри продолжил: — Лейтенант, ты со своими людьми займешь ближний конец главной улицы — вон там, по эту сторону от станции. Мы с Раффи подойдем по краю болота к дамбе и заляжем на том конце. Заставь своих помалкивать, пока мы не ударим. Если начнете раньше, для дальнейшего путешествия нам понадобятся не грузовики, а гробы. Ты меня понял?

— Ладно-ладно. Я знаю, что делаю, — пробурчал Уолли.

— Надеюсь, — заметил Брюс. — Атаку начнем в четыре утра, затемно. Мы с Раффи проберемся в город и закидаем гранатами гостиницу — большинство наверняка будут спать там. Уцелевшие выскочат на улицу, и вы можете открывать огонь. Но не раньше! Подождите, пока они выйдут на открытую местность. Понятно?

— Черт, — вскинулся Хендри. — Я что, болван? Я что, родной язык не понимаю?

— Перекрестный огонь двух групп выкосит большую часть шуфта. — Брюс пропустил вспышку Уолли мимо ушей. — Оставшихся в живых бить нещадно. Если побегут в укрытия, следовать за ними и уничтожать. Если не успеем за пять или десять минут, будет несладко. Их в три раза больше, чем нас, так что необходимо в полной мере использовать фактор внезапности.

— «Использовать фактор внезапности», — передразнил Уолли. — Зачем все эти умные разговоры? Просто убить этих ублюдков — и все тут!

Брюс улыбнулся.

— Хорошо, убить ублюдков, — согласился он. — Только чем быстрее, тем лучше. — Он выпрямился и повернул наручные часы к свету. — Сейчас половина одиннадцатого — выдвигаемся. Пойдем со мной, Хендри, разделим группы.

Они прошли вдоль цепочки и отдали приказ каждому солдату в отдельности.

— Ты пойдешь с лейтенантом Хендри.

— Ты пойдешь со мной.

Двух англоговорящих капралов распределили к Уолли. Затем, потратив десять минут на раздачу гранат, снова построились цепочкой и двинулись вниз по склону.

— Здесь разделяемся, Хендри, — шепнул Брюс. — Не хватайтесь за ружья раньше времени — подождите наших гранат.

— Ладно-ладно, знаю.

— Удачи! — сказал Брюс.

— Дуло тебе в задницу, капитан Керри, — отозвался Уолли и двинулся вперед.

— Пошли, Раффи.

Брюс повел своих людей с насыпи к болоту. Почти сразу ил и грязь поднялись до колен, а потом до пояса и по грудь, сопровождая каждый шаг тихим чмоканьем и изрыгая зловонные болотные газы. Комары вились у лица таким плотным облаком, что попадали в глаза и рот — приходилось их выплевывать. Пот стекал из-под шлема и скапливался на бровях. Ноги запутывались в густых зарослях осоки.

Продвижение вперед давалось с огромным трудом. На целых пятнадцать минут поселок скрылся за высокой стеной осоки, и пришлось ориентироваться на зарево пожара и отдельные снопы искр.

За час они прошли всего полпути. Керри остановил бойцов передохнуть — по пояс в болотной жиже. Руки затекли и болели от необходимости все время нести винтовку над головой.

— Сигаретку бы сейчас, босс, — буркнул Раффи.

— Мне бы тоже, — отозвался Брюс, вытирая лицо о рукав. Комариные укусы на лбу и вокруг глаз жгли огнем. — Вот как приходится зарабатывать на жизнь, — прошептал он.

— Если останетесь живы, будете счастливчиком, — ответил Раффи. — Чую, сегодня многие не доживут до рассвета.

Впрочем, физические неудобства вытеснили страх смерти. Брюс уже почти забыл, что их ждет бой. Сейчас его гораздо больше беспокоило, что пиявки, забравшиеся под брюки и впившиеся в лодыжки, доберутся до паха. «Какая же полезная вещь — ширинка на молнии», — решил он.

— Давайте отсюда выбираться, — прошептал он. — Раффи, скажи своим парням, чтобы не шумели.

Он двинулся к берегу, и грязь сразу опустилась на уровень колен. Прибавилось шума: с каждым шагом разрывалась поверхность болота, а стебли осоки с шуршанием хлестали по ногам.

До дамбы они добрались ближе к двум часам ночи. Брюс оставил отряд в прибрежных зарослях, а сам, держась в тени бетонного моста и согнувшись почти вдвое, прокрался на берег на краю поселка. Часовых там не было; только звуки пожаров нарушали тишину и пьяное оцепенение, в которое погрузился городок. Вернувшись, Брюс повел отряд дальше.

Он по двое расставил бойцов вдоль окраин городка. За эту долгую кампанию он уже понял, что нельзя отпускать солдат по одному: ничто так не лишает их мужества, как необходимость действовать в одиночку, особенно по ночам, когда полно привидений.

Каждой паре он дал четкие инструкции:

— Как только услышите гранаты, стреляйте в каждого, кто появится в окнах или на улице. Когда улица опустеет, двигайтесь вон к тому зданию. Швыряйте гранаты в каждый дом, но смотрите не попадите в людей лейтенанта Хендри — они пойдут с противоположной стороны. Понятно?

— Понятно.

— Стреляйте осторожно и тщательно цельтесь — а не как тогда на мосту. И Боже вас упаси попасть в цистерну с бензином. Она нам нужна, чтобы вернуться домой.

Светящиеся стрелки на часах Брюса показывали три часа. Восемь часов назад отряд оставил поезд, а последний раз Керри спал двадцать два часа назад. Усталости не чувствовалось, хотя все тело болело, а под веки словно песка насыпали. Мозг работал ясно и четко.

Брюс залег рядом с Раффи в низком кустарнике на окраине Порт-Реприва. Ночной бриз гнал на них дым из горящего города.

«Усталости нет. Мне предстоит еще одно свидание со страхом. Наверное, у страха женское лицо, — подумал он. — Нет, десятки тысяч женских лиц и голосов. Она женщина, а я мужчина, и я должен опять и опять к ней возвращаться. Только на этот раз встречи не избежать... Но на этот раз я не ищу ее... Я знаю, что она — это зло. Я знаю, что, овладев ею, буду повержен. И я скажу: «Это последний раз, больше никогда». И все равно возвращусь к ней, ненавидя и страшась ее, но так нуждаясь в ней.

Я искал ее в ущелье Дютуа. И она была там, одетая в каменную одежду, ниспадающую вниз по скалистому склону. Она кричала голосом ветра в незащищенное лицо. Тогда ее голос был мягким и звенящим, как

прохладный лед айсберга, шепчущим, как выпущенный из рук нейлоновый канат, и скрежещущим, как выскользнувшие из-под пальцев камни.

Я следовал за ней по берегам Саби и Луангвы, и она ждала меня, раненная, в шкуре буйвола, а изо рта у нее капала кровь. От нее кисло пахло моим потом, а на вкус она напоминала гнилые помидоры, застрявшие у меня в горле.

Я рыскал на глубине за рифом с аквалангом, хрипло вторящим моему дыханию. И она была там с двумя рядам белых зубов в полукруглой пасти и с высоким плавником на спине. На этот раз она была одета в шагрень, в ее вкусе чувствовалась соль океана с привкусом смертельной угрозы.

Я летел к ней по шоссе, вдавив газ в пол, и она встретила меня, обняв за плечи холодной рукой. Ее голос отозвался визгом тормозов по асфальту и ревом мотора.

Вместе с рулевым Колином Батлером (человеком, который смотрел на нее не как на любовницу, а как на младшую сестренку — с терпеливым презрением) я нашел ее в небольшой лодке. Она была одета в зеленые брызги и ожерелье из кремней. Ее голос слышался в реве воды, разбивающейся о камни.

Мы встретились в темноте на мосту, и ее глаза блестели, как штыки…

Все это было не по моей воле, а сегодня я сам пойду ей навстречу. Я ненавижу ее, но она женщина, а я мужчина».

Брюс поднял руку и посмотрел на часы:

— Без четверти четыре, Раффи. Надо пойти посмотреть.

— Хорошая мысль, босс. — Раффи блеснул в темноте белыми зубами.

— Тебе страшно, Раффи? — спросил Брюс. Его сердце отбивало ритм, как военный барабан, во рту пересохло.

— Босс, есть вопросы, которые мужчинам не задают. — Раффи медленно поднялся. — Пойдемте.

Вдвоем они быстро двинулись по улице, прижимаясь к изгородям и стенам, стараясь держаться в темноте. Глаза обегали все вокруг, дыхание было быстрым и поверхностным, нервы натянуты до предела. Наконец они добрались до гостиницы.

В окнах не было света. Казалось, что внутри никого, однако Брюс разглядел разбросанные по террасе тела — бандиты спали.

— Сколько их там, Раффи?

— Не пойму... Человек десять, может, пятнадцать, — прошептал Раффи в ответ. — Остальные внутри.

— А где же женщины? Осторожнее, чтобы в них не попасть.

— Они уже давно мертвы, поверьте мне.

— Ладно, зайдем с другой стороны.

Брюс вздохнул и быстро пробежал двадцать ярдов по освещенной огнем пожара улице к другому углу гостиницы. Раффи не отставал.

— Похоже, большинство там, — прошептал Брюс.

— В гостинице всего четыре спальни, — согласился Раффи. — Наверное, все офицеры спят в них, а солдаты в холле.

Завернув за угол, Брюс споткнулся обо что-то мягкое, которое вдруг зашевелилось, — Керри наступил на человека, который спал в пыли у стены.

— Раффи! — прошептал Брюс, с трудом удержавшись на ногах.

На обнаженном торсе спящего скакали блики огня, в безвольно упавшей руке поблескивала бутылка. Очнувшись от сна, тот сел, вытирая лоб ладонью, бормоча ругательства и откашливаясь. Брюс хотел было воспользоваться штыком, но Раффи опередил его. Он поставил ногу человеку на грудь и повалил его обратно на спину. Затем, как огородник погружает в землю лопату, погрузил штык в горло шуфта, наваливаясь всем весом.

Тело напряглось, ноги и руки вытянулись, из порванного горла послышались хрипы, а затем все мышцы расслабились — наступила смерть.

Раффи вынул штык и переступил через труп.

Брюс старался подавить приступ дурноты, охвативший его при виде казни. Глаза убитого смотрели вверх почти с комическим удивлением, а рука все еще сжимала бутылку. Обнаженный торс, расстегнутые штаны с запекшейся кровью... «А кровь-то не его», — с гневом подумал Керри.

Они прошли мимо пустой кухни: в белом кафеле отражался свет, а горы грязных тарелок и кастрюль загромождали стол и раковину.

Стоявший на стойке бара фонарь заливал помещение желтым светом. Запах спиртного проникал через приоткрытые окна, на полках не осталось ни одной бутылки, и повсюду — на стойке, на полу — спали люди, будто собаки. Вокруг валялись винтовки, разбитое стекло и

сломанная мебель. Кого-то вырвало — на белой стене остался желтый подтек.

— Стой здесь, — прошептал Брюс. — Я пройду вперед, забросаю гранатами террасу и холл. Жди, пока не услышишь первый взрыв.

Раффи кивнул и прислонил винтовку к стене. Взяв в каждый кулак по гранате, он снял чеки.

Брюс быстро скользнул за угол и пошел вдоль стены, пока не добрался до наглухо закрытых окон холла. Керри осторожно заглянул внутрь поверх подоконника. Свет от фонаря в баре, проникая через открытую дверь, тускло освещал помещение. На полу и на диванах вдоль дальней стены спали люди. «По крайней мере человек двадцать, — прикинул Брюс по громкому храпу и мрачно усмехнулся. — Боже, какая же будет бойня».

Внезапно ухмылка застыла у него на лице, глаза сощурились. В углу холла он заметил сваленные в кучу обнаженные тела четырех женщин. Они стали не нужны, и их оттащили в сторону, чтобы не занимали место. Они лежали друг на друге — мешанина из рук, ног и ниспадающих волос. Жизнь в них больше не теплилась.

«Вот теперь никакой жалости», — подумал Брюс. Внутри его страх сменился ненавистью. Он перевесил винтовку на левое плечо и взял в правую руку несколько гранат. Сняв чеки, он прокрался в угол, откуда хорошо просматривалась вся терраса. Забросив две гранаты в середину зала, Керри услышал их стук об пол и тихий щелчок взрывателя. Быстро нырнув под окно, он выхватил из мешка еще две гранаты и, сдернув чеки, метнул гранаты в окно. Звук бьющегося стекла слился с громом двух взрывов.

Кто-то закричал — удивленно и испуганно, а затем окна над головой Брюса лопнули, обсыпав его битым стеклом. Оглушенный взрывом, он, не теряя времени, швырнул в разбитое окно еще две гранаты. Слышались стоны и крики. Гранаты Раффи взорвались в баре, выбив двери, а потом еще несколько гранат Брюса довершили дело, прекратив все звуки жизни и наполнив холл огнем и громом. Кинув еще две гранаты, Керри побежал на другой конец террасы, снимая с плеча винтовку.

Какой-то человек, прижав руки к окровавленным глазам, перевалился через перила террасы и пополз на четвереньках. Брюс застрелил его в упор: огонь выстрела опалил дуло винтовки, а человек опрокинулся навзничь и остался лежать, раскинув руки в стороны.

Керри оглянулся и увидел еще двоих, которые бежали по дороге, но, прежде чем он успел поднять винтовку, их скосил огонь солдат из его же отряда.

Брюс перепрыгнул через перила и закричал — просто так, без всякой цели и смысла. Торжествующий и бесстрашный, он хотел ворваться в здание, оказаться в самой гуще, но споткнулся о труп на террасе. Автоматная очередь с улицы просвистела мимо него, так близко, что он почувствовал движение воздуха у лица, — стреляли свои.

— Тупицы!

Продолжая орать — без злости, без страха, просто потому, что хотелось орать, — он ворвался в холл через главный вход, замечая все происходящее сквозь тьму и известковую пыль.

Человек на лестнице... гром выстрела... пуля обожгла бедро... ответный огонь, не целясь... промахнулся... человек с криком бежит вверх...

Граната в правой... высокий бросок... она ударяется о стену и отскакивает за лестницу...

Взрыв сотрясает тесное помещение... вспышка высвечивает тело... взрыв сбрасывает труп с лестницы... он тяжело падает на пол...

Наверх по лестнице, через три ступеньки сразу... Коридор... в дверном проеме человек — еле стоит, пьяный или полусонный... Скосил его выстрелом в живот... перепрыгнул через него и швырнул гранату во вторую комнату... потом в третью... Ногой выбил дверь в четвертую спальню... Гром и вспышки взрывов...

В комнате напротив входа стоял человек с пистолетом в руке. Они с Брюсом выстрелили одновременно. Пуля со звоном отскочила от стальной каски, голова Керри резко дернулась в сторону, а его самого отбросило к стене. Он выпустил длинную очередь, и казалось, что человек, прошитый пулями, танцует причудливую джигу.

Брюс упал на колени, оглушенный. В ушах словно звенели миллионы комаров, руки двигались слишком медленно, ноги не слушались... Винтовка в руках прибавляла сил и уверенности.

Назад, в коридор... Там еще один — огромная темная фигура... Убить! Убить!

— Не стреляйте, босс!

Раффи, слава Богу...

— Еще кто-нибудь остался?

— Со всеми покончено, босс. Вы их здорово отделали.

— Сколько? — Брюс пытался перекричать звон в ушах.

— Сорок или около того. Черт, какое же там месиво! Кровь везде. Гранаты...

— Должно быть больше!

— Да, но не здесь, босс. Пойдемте поможем ребятам на улице.

Они побежали по коридору, спустились вниз по лестнице. Мокрый и липкий пол в вестибюле завален трупами, пахло как на скотобойне — кровью и разорванными внутренностями. Кто-то еще живой полз на четвереньках к двери. Раффи двумя выстрелами повалил его на пол.

— Только не через входную дверь, босс! Наши ребята вас мигом подстрелят. Лезьте в окно.

Брюс прыгнул в окно головой вперед и молниеносно перекувырнулся. Он чувствовал себя сильным и неуязвимым.

— А вот и наши, — сказал Раффи.

По улице короткими перебежками передвигались бойцы, останавливаясь, чтобы выстрелить или кинуть гранату.

— Вон там — отряд лейтенанта Хендри.

С противоположного конца, но так же пригибаясь и останавливаясь, бежали люди. Брюс разглядел среди них Уолли. Он держал винтовку у бедра, и все его тело сотрясалось от выстрелов.

Как птица, взлетающая перед охотниками, один из шуфта, с перекошенным от ужаса лицом, выскочил из-за угла бакалейной лавки и побежал по улице, безоружный, опустив голову и размахивая руками в такт шагам. Казалось, он не бежал, а плыл. Его ярко освещали языки пламени, выбрасывая впереди него причудливую тень. Когда его настигли пули, он зашатался, молотя воздух руками, словно отбиваясь от роя пчел. Пули громко впечатывались в его тело, поднимая облачка пыли от одежды. Раффи тщательно прицелился и выстрелил туземцу в голову.

— Их должно быть больше, — сказал Брюс. — Где они прячутся?

— Думаю, в штаб-квартире.

Керри перевел взгляд на здание «Юнион миньер». Хотя в окнах не было света, ему показалось, что он заметил движение. Оглянулся назад — четверо солдат и Уолли плотной группкой бежали по улице.

— Хендри, осторожнее! — крикнул Брюс. — Справа, из штаба!

Поздно — из темных окон полыхнул ружейный огонь, и маленькая группка рассыпалась.

Брюс и Раффи выстрелили вместе, выбив окна и опустошив всю обойму. Перезарядив винтовку, Керри посмотрел туда, где только что бежали его люди: Уолли, единственный оставшийся на ногах, быстро пересек взрытую пулями дорогу и вбежал на террасу.

— Ты ранен? — спросил Брюс.

— Ни царапины. Эти ублюдки и в гандон не попадут, — вызывающе крикнул Уолли. Его голос громко прозвучал во внезапной тишине. Хендри выбросил пустой магазин из винтовки и вставил новый. — Ну что, — прорычал он, — дайте мне сюда этих ублюдков.

Он поднял винтовку, положил дуло на перила, а сам скрючился и стал стрелять короткими очередями по окнам.

— Вот этого я и боялся. — Брюс повысил голос, стараясь перекричать грохот выстрелов. — В самом центре города засела кучка упрямцев — должно быть, человек двадцать. Чтобы их оттуда выбить, уйдут дни. — Он с тоской посмотрел на крытые брезентом автомобили, стоящие на станционном дворе. — Как только они сообразят, что нам нужно, тут же подобьют цистерну и уничтожат грузовики.

Пламя пожара играло на блестящем желто-красном боку бензовоза — таком большом и уязвимом на открытом месте. Достаточно всего одной пули, чтобы прекратить его зачарованное существование.

«Нужно действовать немедленно», — решил он.

Остатки группы Уолли укрылись в тени здания штаба и вели ожесточенный огонь. Люди Брюса пробрались на верхние этажи гостиницы и заняли позиции у окон.

— Раффи. — Брюс тронул его за плечо. — Берем четверых, обходим штаб с другой стороны. Вон от того дома до стены штаба всего двадцать ярдов по открытой местности. Как только мы до нее доберемся, они нас уже не достанут, а мы сможем забросить в окно гранаты.

— Эти двадцать ярдов больше похожи на двадцать миль, — пробормотал Раффи, но, взяв мешок с гранатами, пополз к двери.

— Пойди выбери четверых, — приказал Брюс.

— Хорошо, босс. Мы подождем вас в кухне.

— Хендри, слушай меня.

— Угу.

— Как только я добегу вон до того угла, я махну тебе рукой. Мы будем готовы выйти. Прикрывай нас, как только можешь, чтобы они головы не высунули.

— Ладно, — ответил Уолли и выпустил еще одну короткую очередь.

— Смотри в нас не попади.

Уолли взглянул на Брюса и лукаво улыбнулся:

— Все бывает, сам знаешь. Ничего не обещаю. Ты так хорошо выглядишь в прицеле.

— Шутки в сторону, — сказал Брюс.

— А кто шутит? — ухмыльнулся Уолли.

Брюс нашел Раффи и четырех солдат на кухне.

— Пошли, — сказал он и повел их через задний двор, по переулку, полному тяжелого зловония, потом за угол и через дорогу, к домам позади штаба. Тут они остановились и сгрудились, чтобы собраться с духом. Брюс прикинул на глаз расстояние.

— Недалеко, — сказал он.

— Это как посмотреть, — проворчал Раффи.

— На эту сторону выходят всего два окна.

— И двух достаточно, а сколько вы хотите?

— Помни, Раффи, умираем всего один раз.

— И одного хватит, — сказал Раффи. — К чему разговоры, босс? От них только живот болит.

Брюс слегка выдвинулся из тени и замахал рукой в направлении гостиницы. Ему показалось, что с дальнего конца террасы ему замахали в ответ.

— Ну, все разом! — сказал он, глубоко вдохнул и, на секунду задержав дыхание, ринулся на улицу. И тут же почувствовал себя маленьким, совсем не храбрым и совершенно не защищенным. Казалось, что ноги движутся медленно, а сам он стоит на месте. Черные окна смотрели на него.

«Вот сейчас, — думал он, — вот сейчас ты умрешь».

«Куда, — крутилась мысль. — Только не в живот. Господи, прошу тебя, только не в живот».

Цепенеющие ноги несли его дальше, оставалось всего полпути.

«Еще десять шагов, — думал он. — Еще совсем чуть-чуть осталось. Только не в живот, Господи, только не в живот». Все тело сжималось в предчувствии беды, живот втянулся внутрь.

Внезапно окна ярко вспыхнули белыми квадратами на фоне черной стены, посыпались стекла — и снова стало темно. Дым струился из выбитых оконных проемов, а в ушах все еще звучало эхо взрыва.

— Граната! — недоумевающе закричал Брюс. — Кто-то взорвал там гранату!

Он добежал до задней двери, ворвался в кабинет, кашляя от дыма и стреляя туда, где замечал хоть какое-то движение.

В полумраке у стены лежало что-то длинное и белое. Тело. Тело белого человека. Брюс подошел ближе и вгляделся.

— Андрэ, — сказал он. — Де Сурье. Он бросил гранату.

Керри опустился на колени перед телом.

17

Скрючившись нагишом на бетонном полу, Андрэ умирал. Внутреннее кровотечение высасывало из него жизнь каплю за каплей. Он слышал разрывы гранат Брюса, стрельбу на улице, топот бегущих ног. Потом крики и стрельба послышались совсем рядом — в комнате, где он лежал.

Он открыл глаза. У каждого окна, пригнувшись, сидели люди, а комната почти скрылась за пороховым дымом оглушительно стрелявших ружей.

Андрэ было холодно. Холод пронизал его насквозь. Даже руки, лежавшие на груди, были холодными и тяжелыми. Только живот оставался теплым — и непомерно раздулся.

Чтобы подумать, он прилагал усилия; мозг тоже стал холодным, а грохот выстрелов сбивал с мысли.

Он смотрел на людей, скрючившихся у окон, и постепенно его тело стало терять вес. Ему казалось, что он парит над полом и смотрит на комнату сверху. Веки тяжело упали. Он с силой поднял их и устремился вниз, к своему телу.

Внезапно раздался свистящий звук, и со стены над головой Андрэ посыпалась штукатурка, повиснув в воздухе белым облаком. Один из стоявших у подоконника опрокинулся назад, выронив из рук винтовку, и

она загремела по полу. Боец дважды перевернулся и замер лицом вниз, на расстоянии вытянутой руки от Андрэ.

Мозг Андрэ медленно и без всякого интереса анализировал все, что попадало в поле зрения. Снаружи кто-то стрелял по зданию. Лежащий рядом был мертв, из раны на голове текла кровь, медленно приближаясь к Андрэ. Он обессиленно закрыл глаза — ему было очень холодно.

Наступила тишина, как часто бывает в самый разгар боя. И в этой тишине Андрэ услышал, как где-то далеко кто-то кричит. Слов он не понял, но голос узнал — Уолли. Де Сурье распахнул глаза, воспрянув духом. Сил как будто прибавилось, и он пошевелился, сжимая кулаки. Душа запела.

«Уолли вернулся за мной! Он пришел меня спасти...»

Превозмогая боль, он медленно повернул голову. В животе забулькала кровь.

«Я должен ему помочь. Он в опасности — его пытаются убить. Их надо остановить. Я не могу позволить им убить Уолли».

И тут он увидел гранаты на поясе лежащего рядом человека. Впившись взглядом в их металлические бока, он стал тихо молиться:

— Богородица Дева, радуйся, Благодатная Мария, Господь с Тобою. — Он чуть-чуть подвинулся, напрягая все тело. — Благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего... Господи... — Его рука дотянулась до лужи крови на полу, а грохот выстрелов переполнял голову, так что он даже не слышал своих слов. Медленно переставляя пальцы, он двигал руку все дальше по луже крови, как муха через блюдце патоки. — ...И благословен плод чрева Твоего... Господи... Святая Мария, Матерь Божия, моли обо мне ныне и до самого смертного часа. Благодатная... — Он дотронулся рукой до стальной, словно составленной из кусочков поверхности гранаты. — ...О нас, грешных, ныне и до самого смертного часа... Сей день... хлеб наш насущный... Сей день. — Он ухватился за зажим холодными, цепенеющими пальцами. — Благословенна ты... Благословенна ты... — Зажим отцепился, и он обхватил гранату ладонями. — ...Радуйся, Благодатная Мария. — Он подтащил гранату к себе, прижал к груди, потом поднес ее ко рту и схватился за чеку зубами. — ...Моли о нас, грешных... — прошептал он и вытащил чеку. — Ныне и до самого смертного часа...

Граната выкатилась из ослабевшей руки и поскакала по полу. Верхушка отлетела и ударилась о стену. Стоявший у окна генерал Мозес обернулся. Губы раскрылись, а стекла очков блеснули над темно-розовой пещерой рта. Граната лежала у его ног. А потом все исчезло во вспышке и громе взрыва.

Дым закрутился вихрем, посыпалась штукатурка, вылетели стекла, послышались стоны умирающих, но среди всего этого Андрэ был жив. Тело лежащего рядом защитило ему голову и грудь от основной силы взрыва.

Жизнь еще теплилась в нем, и он узнал лицо склонившегося над ним Брюса Керри, но уже не чувствовал его рук.

— Андрэ, — сказал Брюс. — Это Андрэ. Он бросил гранату.

— Скажите ему... — прошептал де Сурье и остановился.

— Да, Андрэ, что сказать? — спросил Брюс.

— Сегодня и сейчас я не... А тогда мне пришлось... — Он чувствовал, как жизнь гаснет в нем, как свеча на ветру, и пытался загородить ее ладонями.

— Что, Андрэ? Что мне ему сказать? — Голос Брюса слышался откуда-то издалека.

— Из-за него... в этот раз... я не... — Он опять замолчал, собирая последние силы. Его губы задрожали, пытаясь выговорить. — Как мужчина... — прошептал он. И угас.

— Да, — тихо сказал Брюс, поддерживая его голову. — В этот раз как мужчина.

Керри осторожно опустил Андрэ на пол, выпрямился и посмотрел на истерзанное тело. Он чувствовал пустоту — как после ушедшей любви.

Он подошел к столу у дальней стены. Снаружи, как жидкие аплодисменты, раздались ружейные выстрелы, которые вскоре смолкли. Позади него Раффи и четверо солдат ходили по комнате, осматривая погибших и смущенно посмеиваясь, — они только что избежали смертельной опасности.

Медленно развязав тесемки каски, Брюс смотрел на тело Андрэ, лежащее в другом конце комнаты.

— Да, — прошептал он наконец. — В этот раз как мужчина. А все остальные разы уже не считаются, счет сравнялся.

Сигареты промокли в болоте, но он все-таки вынул одну из середины пачки, спокойно расправил ее и щелкнул зажигалкой. Неожиданно руки затряслись. Пламя заплясало, и пришлось держать зажигалку обеими руками. На руках была кровь — свежая, липкая кровь. Закрыв зажигалку, он вдохнул горький дым. Рот наполнился слюной. Брюс сглотнул, его замутило, а дыхание участилось.

«Раньше было совсем не так, — подумал он. — И даже в ту ночь на мосту, когда они прорвались с фланга и мы встретили их в темноте штыками. Раньше это не имело никакого значения, но теперь я снова все чувствую. Я снова жив».

Внезапно он понял, что хочет побыть один, и выпрямился.

— Раффи.

— Да, босс?

— Наведите здесь порядок. Принесите из гостиницы одеяла для де Сурье, женщин и тех, что на станции. — Ему казалось, что говорит кто-то другой — голос звучал издалека.

— Вы как, босс?

— Нормально.

— Как голова?

Брюс поднял руку и провел пальцами по вмятине на каске.

— Ничего страшного, — ответил он.

— А нога?

— Царапина, пройдет.

— Ладно, босс. А что делать с остальными?

— Бросьте их в реку, — сказал Брюс и вышел на улицу.

Хендри с солдатами начали обрабатывать трупы на террасе, используя штыки, как разделочные ножи, отрезая уши и смеясь напряженным, нервным смехом.

Брюс перешел улицу и оказался на станционном дворе. Рассвет выползал на небо, как лист стали из-под катка — сначала пурпурно-фиолетовый, а затем красный, — и расплывался над лесом.

«Форд-ранчеро» стоял на перроне, где Керри его и оставил. Открыв дверцу, Брюс сел за руль и стал смотреть, как утренний свет постепенно превращается в дневной.

18

— Капитан, вас ищет сержант-майор. Он хочет вам что-то показать.

Брюс поднял голову. Он не слышал, как подошел солдат.

— Сейчас приду. — Он взял каску и винтовку, вылез из машины и пошел за солдатом к административному зданию.

Люди из его отряда кидали на платформы трупы, раскачивая их за руки и за ноги.

— Раз, два, три! — Безвольное тело, перелетев через борт, мягко шлепалось на груду трупов. Раздался взрыв смеха.

Сержант Жак вышел из здания, за ноги волоча за собой еще одно тело. Голова бессильно билась о ступеньки, оставляя мокрый коричневый след на бетонном полу террасы.

— Как свиная туша, — бодро провозгласил Жак над трупом худощавого человечка с сединой в волосах. На носу убитого виднелись следы очков, а на кителе — двойной ряд знаков отличия. Брюс заметил пурпурную и белую ленты Военного креста — странный трофей для Конго.

Жак бросил ноги трупа на землю и, достав штык, наклонился над телом. Он оттянул прижатое к седой голове ухо и отсек его одним взмахом. Открылась розовая мякоть с темной дырой посередине.

Брюс вошел в здание, и в нос ему ударил резкий запах скотобойни.

— Взгляните, босс. — Раффи стоял у стола.

— Хватит на ферму в Гайд-парке, — ухмыльнулся Хендри, держа в руке карандаш, на который, как на шампур, были нанизаны штук десять человеческих ушей.

— Да, — сказал Брюс, глядя на россыпь технических и ювелирных алмазов. — Я про них знаю. Пересчитай-ка их, Раффи, а потом разложи по мешочкам.

— Ты что, не хочешь их брать? — запротестовал Хендри. — Черт побери, да если бы мы втроем их поделили… Тут на всех хватит — глянь, какое богатство.

— Или расстрел, — мрачно сказал Брюс. — Ты что, думаешь, в Элизабетвиле про них не знают? — Он снова обратился к Раффи: — Пересчитай и упакуй, отвечаешь головой. — Брюс кинул взгляд на другой конец комнаты, где лежало завернутое в одеяло тело Андрэ де Сурье. — Ты снарядил похоронную бригаду?

— Да, босс. Шестеро ребят копают.

— Хорошо, — кивнул Брюс. — Хендри, пойдем со мной, осмотрим грузовики.

Полчаса спустя Брюс закрыл капот последнего автомобиля.

— Это единственный не на ходу. Карбюратор разбит. Возьмем шины на запаски. — Он вытер грязные руки о штаны. — Слава Богу, цистерна цела. Там шестьсот галлонов — с лихвой на обратный путь.

— И «форд» возьмешь? — спросил Хендри.

— Да, может пригодиться.

— Как раз для тебя и твоей француженки. — В голосе Хендри звенела издевка.

— Именно, — ровным тоном ответил Брюс. — Водить умеешь?

— Ты что, совсем меня за дурака держишь?

— Все к тебе придираются, да? Никому доверять нельзя, верно? — мягко спросил Брюс.

— Как ты прав, черт подери! — повелся на провокацию Хендри.

Брюс сменил тему:

— Андрэ перед смертью просил тебе кое-что передать.

— О, куколка!

— Он взорвал гранату. Знаешь?

— Да, знаю.

— Ты хочешь услышать, что он сказал?

— Голубой — он всегда голубой. А по мне так лучше мертвого гомика ничего нет.

— Ладно, — нахмурился Брюс. — Возьми себе в помощь людей. Заправьте баки. Мы уже и так много времени потеряли.

Они похоронили погибших в братской могиле, быстро сложив тела в яму и так же быстро засыпав их землей. Потом стояли, смущенные и молчаливые, вокруг холмика земли.

— Вы хотите что-то сказать, босс? — спросил Раффи, и все посмотрели на Керри.

— Нет. — Брюс повернулся и пошел к грузовикам.

«Что тут можно сказать, черт побери, — думал он со злостью. — Со смертью не побеседуешь. Разве что: “Есть мужчины и женщины, сильные и слабые, плохие и хорошие и еще много других. Но здесь все — как пушечное мясо”».

Он оглянулся.

— Выдвигаемся.

Колонна медленно ехала по дамбе. Брюс вел «форд» впереди колонны, и теплый влажный ветер, дующий через разбитое переднее стекло, нисколько не облегчал наступающую жару — солнце уже поднялось высоко над лесом.

Впереди показался поворот на миссию Святого Августина. Брюс хотел было посигналить остальным, чтобы ехали дальше, пока он съездит в миссию повидаться с Майком Хейгом и отцом Игнацием, проверить, все ли у них в порядке, но поборол это искушение. «Если там тоже разыгралась трагедия, если шуфта их нашли и изнасиловали женщин, а мужчин убили, я уже ничем не смогу помочь. Да и знать тогда тоже ни к чему. Лучше верить, что они благополучно спрятались в джунглях. Лучше верить, что хорошее осталось».

Он решительно проехал мимо поворота и повел колонну дальше, через холмы, к переезду.

Внезапно ему в голову пришла мысль, и он с удовольствием стал ее обдумывать.

Четыре человека приехали в Порт-Реприв. Четыре человека, потерявших надежду. Четыре человека, забытых Богом.

И они поняли, что еще не поздно. И возможно, никогда не поздно.

Один нашел в себе силы умереть, как мужчина, хотя всю жизнь жил со своей слабостью.

Второй вновь обрел уважение к самому себе и возможность начать все сначала.

Третий нашел — он помедлил — да, третий нашел любовь.

А четвертый? Улыбка сползла с губ Брюса, когда он подумал о Уолли Хендри. Притча складывалась чудесно, если не считать Уолли Хендри. А что же он нашел? Дюжину человеческих ушей, нанизанных на карандаш?

19

— Неужели нельзя наработать достаточно пара, чтобы подкатить состав к переезду? Это ведь всего несколько миль.

— Ничего не могу поделать, мсье. Даже плевка пара не получится, что уж говорить о струе под давлением. — Машинист беспомощно развел пухлыми ручками.

Брюс внимательно осмотрел пробоины в котле. Разорванный металл вывернуло наружу, словно лепестки цветка. Он понял, что просьба безнадежна.

— Хорошо. Спасибо. — Он повернулся к Раффи: — Нужно перенести все к грузовикам. Еще один день потерян.

— Идти далеко, — согласился Раффи. — Надо уже сейчас выходить.

— Сколько у нас еды?

— Не так уж и много. Мы кормили поселенцев, да и в миссию провиант отослали.

— Так сколько?

— На два дня.

— До Элизабетвиля хватит.

— Босс, вы хотите все перенести в грузовики? Прожекторы, боеприпасы, одеяла — все?

Брюс на секунду задумался.

— Нам все может понадобиться.

— Это займет целый день.

— Да, — согласился Брюс.

Раффи пошел назад вдоль поезда, но Брюс окликнул его:

— Раффи!

— Да, босс?

— Не забудь пиво.

Черное, круглое как луна лицо Раффи расплылось в улыбке.

— Вы считаете, его тоже нужно взять?

— А что? — рассмеялся Брюс.

— Ну, вы меня убедили!

Последние вещи перенесли из брошенного поезда и уложили в грузовики поздней ночью.

Время неуловимее богатства. Никакой банковский сейф не сохранит эту драгоценную субстанцию, которую мы так неэкономно расходуем на

ерунду. К тому моменту, как мы поспали, поели и переместились из одного места в другое, на сам процесс жизни остается всего ничего.

Как и всегда при этой мысли, Брюса охватило глухое негодование. А если выкинуть время, проведенное за рабочим столом, что останется? Полдня в неделю — вот сколько живет среднестатистический человек! Вот насколько далек от нашего потенциала реальный показатель существования. Кроме того, мы используем лишь крупицу нашей физической и умственной силы. Только под гипнозом мы способны выдать более одной десятой заложенного в нас природой. Так что поделите полдня в неделю на десять, а все остальное — коту под хвост! Невосполнимые потери!

— Раффи, ты уже отрядил часовых на сегодня? — прорычал Брюс.

— Еще нет. Я тут…

— Займись немедленно.

Раффи задумчиво посмотрел на Брюса. Несмотря на свой гнев, Керри пожалел, что выплеснул свое раздражение на такую энергичную громадину.

— Где Хендри, черт подери? — рявкнул он.

Раффи молча указал на людей, столпившихся у одного из грузовиков в конце колонны, и Брюс пошел к ним.

Из-за внезапно нахлынувшего нетерпения он набросился сразу на всех. Кричал, десятками раздавая поручения. Прошелся вдоль колонны, проверяя, все ли выполняется в точности, правильно ли расставлены пулеметы и прожекторы, защищен ли от глаз балуба единственный костерок для приготовления пищи. Остановился посмотреть, как заправляют и отлаживают грузовики. Солдаты избегали смотреть ему в глаза и работали с двойным усердием. В лагере не слышно было ни разговоров, ни смеха.

Хотя искушение было велико, Брюс все же отказался от ночного перехода: солдаты, не спавшие со вчерашнего утра, выложились до предела. К тому же нельзя упускать из виду возможные опасности.

— Выдвинемся завтра на рассвете, — сказал Брюс Раффи.

— Хорошо, босс, — кивнул Раффи и успокаивающе добавил: — Вы устали. Поешьте и идите спать.

Брюс пробуравил его взглядом и с трудом удержался от язвительного замечания. Он вышел из лагеря и направился в лес. Присев на поваленное дерево, он зажег сигарету. Стемнело, и сквозь тучи на небе пробивались всего несколько звезд. Из лагеря доносились шорохи, но

огня заметно не было — как Керри и приказал. Не находя для себя выхода, гнев, вместо того чтобы затухать, метался внутри, пока наконец не обрушился на самого Брюса.

Керри хорошо знал это угнетенное состояние духа, которое вдруг овладело им, хотя уже долгое время — года два — ему не приходилось его испытывать. С тех пор, как его семейная жизнь распалась и он потерял детей. С тех пор, как он задушил все свои чувства и приучился не участвовать в окружающей его жизни. Теперь преграда исчезла, больше не существует тихой бухты, защищающей от штормовых ветров, — придется выходить в открытое море, свернув парус и подняв якорь.

Жар гнева прошел. На смену ему пришло холодное чувство отчаяния. Ледяные волны накатывались и заливали с ног до головы, играя с ним — маленьким и беззащитным. Брюс стал думать о детях, и одиночество завыло вокруг него, словно зимняя вьюга. Он закрыл глаза и прижал к ним пальцы. Перед мысленным взором предстали лица детей.

Кристин с пухлыми розовыми ножками, выглядывающими из-под оборок юбки, и с личиком задумчивого ангела под мягкими и короткими, как у мальчика-пажа, волосами. «Я люблю тебя больше всех», — говорит она, обхватив его лицо липкими от мороженого ладошками.

Саймон — маленькая копия отца, вплоть до носа. На коленках ссадины, лицо чумазое. От него не дождешься никаких нежностей, но зато в нем зарождается товарищеское чувство, что редкость для ребенка шести лет. Они разговаривали обо всем, начиная от религии — «Почему Иисус не брился?» — и заканчивая политикой — «Папа, а когда ты будешь премьер-министром?»

Одиночество сжимало грудь, как удав. Брюс затушил сигарету о подошву и попытался найти спасение в ненависти к женщине, которая когда-то была его женой и которая отняла у него детей.

Но ненависть тоже оказалась холодной, словно остывший вонючий пепел. Он знал, что винить только жену нельзя. Это был и его провал. Возможно, если бы он сдержался, если бы не сказал тех горьких слов... Возможно... Но сказанного не вернуть. «Все кончено, я один. Хуже одиночества ничего нет. Это разоренная высохшая земля».

В темноте кто-то шевельнулся почти рядом с ним. Чуть слышно зашуршала трава. Брюс замер. Правая рука сжала винтовку. Он медленно поднял ее и напряженно вгляделся в темноту, скорее чувствуя, чем видя.

Снова шорох, уже ближе. Хрустнула ветка. Брюс нацелил винтовку на звук, указательным пальцем готовый спустить курок, а большим пальцем придерживая предохранитель. Глупец. Как будто специально напрашивался на неприятности. И вот пожалуйста — балуба. В тусклом свете звезд Керри разглядел осторожно передвигающийся силуэт. Интересно, сколько их. Если подстрелить этого, там может оказаться еще дюжина. Что ж, придется рискнуть. Выстрелить и помчаться. Фигура остановилась, прислушиваясь. Брюс видел очертания головы — без каски, не свой. Он поднял винтовку и прицелился. Слишком темно, но на таком расстоянии он не промажет. Брюс сделал глубокий вдох, приготовившись выстрелить и побежать.

— Брюс? — Тихий испуганный шепот Шермэйн.

Он вскинул дуло вверх. Господи... Чуть ее не убил.

— Да, я здесь, — хрипло ответил он.

— А, вот ты где.

— Ты почему ушла из лагеря? — накинулся он на нее, отойдя от шока.

— Прости, Брюс. Я решила посмотреть, все ли у тебя хорошо. Тебя так долго не было.

— Ладно, иди обратно и больше так не делай.

Наступила тишина, а потом Шермэйн, не в силах скрыть обиду, тихо сказала:

— Я принесла тебе поесть. Ты, наверное, голоден. Прости, если что не так.

Она подошла к нему, поставила что-то перед ним на землю и ушла.

— Шермэйн!

Он хотел, чтобы она вернулась, но ответом ему было шуршание травы, а потом тишина. Брюс снова остался один.

Он поднял тарелку с едой.

«Дурак. Тупица. Грубиян. Ты ее потеряешь, и ты это заслужил. Ничему ты не научился, да, Керри? И еще не знаешь, что за эгоизм следует наказание?»

Он посмотрел на тарелку. Тушенка, нарезанный лук, хлеб, сыр.

«Да, теперь знаю, — сказал он себе решительно. — Между мной и этой девочкой будет все гладко. Больше такого не повторится. Я избавлюсь от дурного нрава и жалости к себе».

Он съел все с жадностью, внезапно осознав, что очень голоден. Затем встал и пошел к лагерю.

Его окликнул часовой, и он с готовностью ответил. В темноте солдаты обычно быстро спускают курок. Такая обходительность была необычна.

— Нехорошо ходить одному в лес в темноте, — пожурил его часовой.

— Почему? — спросил Брюс. От плохого настроения не осталось и следа.

— Нехорошо, — уклончиво ответил солдат.

— Привидения? — попытался поддразнить его Брюс.

— Тетка мужа моей сестры однажды исчезла, отойдя от хижины на бросок копья. Ни следов, ни криков. Ничего. Я там был. Сомневаться не стоит, — сказал он с достоинством.

— Может быть, лев? — не отставал Брюс.

— Если вы так говорите, значит, так оно и есть. А я знаю то, что знаю. Нехорошо пренебрегать обычаями страны.

Внезапно проникнувшись такой заботой, Брюс положил ему руку на плечо и дружески сжал.

— Я не подумал. Больше не буду так делать.

Он вошел в лагерь. Часовой подтвердил то, о чем Керри смутно догадывался, но не проявлял интереса. Солдаты его любили. Он никогда не обращал внимания на тысячи мелких проявлений этого чувства, а сейчас получил такое удовольствие, которое вознаградило его за только что испытанное ощущение одиночества.

Он прошел мимо бойцов, сидящих у костра, к «форду», который стоял во главе колонны. Вглядевшись в стекло, он заметил на заднем сиденье Шермэйн, завернувшуюся в одеяло, и постучал в окно. Она села и опустила стекло.

— Что? — спросила она холодно.

— Спасибо за еду.

— Не за что. — Голос чуть потеплел.

— Шермэйн, я иногда говорю не то, что думаю. Ты появилась неожиданно, и я чуть тебя не застрелил.

— Это моя вина. Не стоило мне за тобой идти.

— Я грубиян, — продолжал Брюс.

— Да. — Шермэйн рассмеялась. — Ты был груб, но не без причины. Давай забудем. — Она положила руку ему на локоть. — Отдохни, ты ведь два дня не спал.

— Поедешь со мной завтра на «форде», чтобы я точно знал, что прощен?

— Конечно, — кивнула она.

— Спокойной ночи, Шермэйн.

— Спокойной ночи, Брюс.

«Нет, — сказал себе Брюс, расстилая одеяла у огня, — я не один. Я больше не одинок».

20

— А как же завтрак, босс?

— Поем в дороге. Выдай каждому по банке тушенки — мы и так потеряли много времени.

Над лесом розовело небо. Рассвело, можно было рассмотреть стрелки на часах: без двадцати пять.

— Поднимай бойцов, Раффи. Если проедем Мсапу затемно, потом двинемся ночью, будем дома к завтрашнему утру.

— Вот теперь вы дело говорите, босс.

Нахлобучив каску, Раффи ушел будить солдат, спящих на дороге под грузовиками.

Шермэйн тоже спала. Брюс просунул голову в окно «форда» и стал рассматривать ее лицо. Прядь волос, упавшая на губы, подрагивала от дыхания, задевая нос, отчего тот подергивался, как у кролика.

Брюса охватила непреодолимая нежность к девушке. Одним пальцем он убрал прядь с ее лица и улыбнулся.

«Если у тебя такое даже до завтрака, то все серьезно», — подумал он.

«А знаешь что, — тут же возразил он себе. — Мне нравится это ощущение».

* * *

— Эй, вставай, лежебока! — Он потянул ее за мочку уха. — Пора.

Колонна тронулась в путь только в половине шестого — почти час ушел на то, чтобы выбить остатки сна из шестидесяти человек и погрузить их в машины. Сегодня утром задержка уже не казалась Брюсу

невыносимой. Он умудрился поспать четыре часа, хотя этого, конечно, недостаточно, чтобы восполнить двухдневное бодрствование.

Забыв про усталость, он чувствовал легкость и какое-то возбужденное, ярмарочное веселье. «Спешка ни к чему, дорога на Элизабетвиль свободна. К завтрашнему утру будем дома!»

— К мосту доберемся через час. — Он искоса взглянул на Шермэйн.

— Ты оставил там патруль?

— Десять человек, — ответил Брюс. — Подберем их, и следующая остановка — авеню дю Касаи, гостиница «Гранд-отель Леопольд II», номер 201. — Он улыбнулся. — И ванна — такая глубокая, что перельется через край, и такая горячая, что залезать в нее придется минут пять. Чистая одежда. Толстый бифштекс с французским салатом и бутылкой «Либфраумильх».

— На завтрак? — запротестовала Шермэйн.

— На завтрак, — весело ответил Брюс. Он помолчал, наслаждаясь мыслью. Дорога убегала вдаль, полосатая, как тигр, — на нее падали тени деревьев, освещенных низким солнцем. Сквозь пробитое лобовое стекло дул прохладный свежий ветер. Брюсу было хорошо. Груз ответственности больше не давил, рядом с ним сидела очаровательная девушка, начиналось прекрасное утро, а ужас последних нескольких дней почти забылся. Все было так, словно они ехали на пикник.

— О чем ты думаешь? — спросил он отчего-то притихшую Шермэйн.

— О будущем, — тихо ответила она. — В Элизабетвиле я никого не знаю и не хочу там оставаться.

— Вернешься в Брюссель? — спросил он. Вопрос был бессмысленным, потому как Брюс Керри имел вполне определенные планы на ближайшее будущее, которые распространялись и на Шермэйн.

— Думаю, да. Больше некуда.

— У тебя там родственники?

— Тетя.

— Вы тесно общаетесь?

Шермэйн горько рассмеялась:

— Очень тесно! Она приезжала в приют меня навестить — всего один раз за все эти годы. Привезла мне юмористическую книгу религиозного содержания, а еще велела чистить зубы и сто раз за день проводить расческой по волосам.

— И больше никого? — спросил Брюс.

— Нет.

— Тогда зачем возвращаться?

— А что еще делать? — спросила она. — И куда еще ехать?

— Жить. Ездить по всему свету.

— Ты это и собираешься делать?

— Именно это я и собираюсь делать, только начну с горячей ванны.

Брюс чувствовал, как между ними зарождается что-то. Оба это осознавали, но говорить об этом было рано. «Я поцеловал ее всего один раз, но этого было достаточно. Что будет дальше? Женитьба?» Сознание испуганно отшатнулось от этого слова, но тут же решило рассмотреть его поближе, подкрадываясь незаметно, как к опасному зверю, и готовое в любой момент убежать, как только оскалятся острые зубы.

Для кого-то семья — это благо. Укрепляет слабых, воодушевляет одиноких, направляет заблудившихся, пришпоривает утративших цель в жизни. И наконец, неоспоримый довод — дети.

Однако некоторые чахнут в серой камере брака. Без полета крылья слабеют и опускаются, глаза хуже видят, общение с миром происходит только сквозь окна камеры.

«А у меня уже есть дети. Дочь и сын».

Брюс оторвал взгляд от дороги и посмотрел на девушку, сидящую рядом, не находя в ней ни одного изъяна. Она красива нежной и хрупкой красотой, которая ценнее и долговечнее, чем крашеные волосы и большие задницы. Она неиспорченна. Страдания и трудности давно сопровождают ее на пути, они научили ее доброте и смирению. Она зрелый человек, знает жизнь, знает смерть и страх, добро и зло. Не верится, чтобы она жила в сказочном коконе, которые накручивают вокруг себя многие девушки.

Тем не менее она не разучилась смеяться.

«Возможно, — думал Брюс, — возможно. Но говорить об этом рано».

— Ты помрачнел, — весело заявила Шермэйн. — Ты опять как Бонапарт. А когда ты мрачный, у тебя нос становится большим и свирепым. Такой нос не подходит к твоему лицу. Наверное, когда заканчивали тебя творить, у них оставался всего один нос в запасе. «Слишком большой, — сказали они, — но последний. К тому же улыбка скрасит лицо». Вот тебе такой нос и достался.

— Ты знаешь, что невежливо смеяться над чужими слабостями? — Брюс уныло потер нос.

— Твой нос — все, что угодно, но только не слабость.

Она рассмеялась и придвинулась к нему поближе.

— Ты со своим идеальным носиком можешь нападать на мой, а крыть мне нечем.

— Не доверяйте мужчине, который легко говорит комплименты, потому что он наверняка говорит их каждой девушке. — Она придвинулась еще ближе, и теперь они почти касались друг друга. — Вы зря расходуете свои таланты, mon capitaine. Я неуязвима для ваших чар.

— Сейчас я остановлю машину и…

— Не сможете. — Шермэйн мотнула головой на двух солдат, сидевших на заднем сиденье. — Что они про вас подумают, Бонапарт? Это не лучшим образом скажется на дисциплине.

— Плевать на дисциплину! Через минуту остановлю машину и сначала отшлепаю тебя, а потом поцелую!

— Первая угроза меня не пугает, но в свете второй я, так и быть, оставлю твой бедный нос в покое.

Она слегка отодвинулась, и Брюс посмотрел на нее в упор. Под его прямым взглядом она смутилась и покраснела.

— Ничего себе! Ты знаешь, что невоспитанно вот так пялиться?

«Ну все, я опять влюбился, — подумал Брюс. — Хотя всего третий раз — каждые десять лет по разу. Пугает то, что придет боль — утонченная боль любви и мука потери».

Любовь, это обманчивое чувство, начинается где-то в пояснице. Как это знакомо, думаешь ты. Круглая задница, пара упругих грудей — и ты готов. Ведь это даже не рана, а так — ссадина. Если чешется, можно почесать. Немного бальзама — и все пройдет. Вот только оно не исчезает, а расходится ввысь и вширь, наполняя всего тебя, саднит и воспаляется все больше и больше. В животе горячо, в сердце трепет. Теперь опасно — ты уже неизлечим, никакой бальзам не поможет. На последней стадии чувство атакует мозг. Там уже не больно, а это самый плохой признак. Все ощущения обострены, глаза видят лучше, кровь бежит быстрее, вся еда вкусна, рот хочет кричать, а ноги — нестись вперед. Затем наступает эйфория: ты самый умный, самый сильный, самый мужественный мужчина во всей вселенной, десяти футов роста без ботинок.

«Кстати, а какого ты роста сейчас, Керри? — задумался Брюс и чуть не рассмеялся. — Наверное, настоящий великан: девять футов шесть дюймов, и вешу двадцать стоунов».

А как все заканчивается? Словами. Холодными словами. Слова убивают все. Они сжигают изнутри, обугливая и пожирая, оставляя после себя лишь дымящиеся развалины несбывшихся желаний и безумных поступков. Все заканчивается эгоизмом и безразличием. И словами. Всегда только словами. В конце приходят боль и уныние, и навсегда остаются шрамы. Или все заканчивается без суеты и ярости, осыпаясь и развеиваясь, как пыль на ветру. Остается лишь боль утраты.

«Я все это знаю слишком хорошо. Я уже два раза любил, и сейчас люблю снова. Может быть, хоть на этот раз такого не случится. Может быть, в этот раз все будет дольше. Конечно, ничто не вечно, даже жизнь. Может быть, на этот раз я это пойму и, если буду относиться трепетно, оно продлится всю жизнь».

— Мы уже почти у моста, — сказала Шермэйн, и Брюс вздрогнул. Мили незаметно умчались, лес по сторонам дороги стал гуще и темнее, а ближе к реке — насыщенно-зеленым.

Брюс поехал медленнее, и лес обступил их с двух сторон, образовав темно-зеленый туннель. Еще один поворот — и они выехали на открытую местность, где шоссе сходилось с железной дорогой и бежало бок о бок с полотном к массивному деревянному мосту.

Брюс остановил «форд», выключил двигатель. Вместе с Шермэйн они рассматривали стену джунглей на противоположном берегу реки, заплетенном лианами, почти касающимися зеленой воды. Из берегов напротив друг друга торчали обугленные обрубки моста, словно руки разлученных возлюбленных, а в широкой пропасти между ними вниз по течению вился дым.

— Моста нет, — сказала Шермэйн. — Его сожгли.

— О Боже, — простонал Брюс. — Только этого не хватало!

Невероятным усилием он перевел взгляд от черных останков моста на непроходимые джунгли, тихие и зловещие, обступившие их со всех сторон, всего в ста футах от «форда».

Шермэйн потянулась к ручке дверцы.

— Не выходить из машины! — рявкнул Брюс. — Подними стекло, живо! Они там выжидают. — Он указал на густой лес.

Позади них из зеленого туннеля выехал первый грузовик. Брюс выскочил из машины и побежал навстречу.

— Не выходить, оставайтесь в кабинах! — закричал он и побежал вдоль колонны, повторяя приказ. Добравшись до грузовика, где сидел Раффи, он вскочил на подножку и скользнул внутрь, захлопнув за собой дверцу.

— Мост сожгли.

— А что с ребятами, которых мы здесь оставили?

— Еще не знаю, но скоро выясним. Езжай вдоль колонны, я хочу со всеми переговорить.

Через полуоткрытое окно он отдал приказания каждому водителю, и спустя десять минут грузовики съехались тесным кругом — таким лагерем располагались предки Брюса еще сто лет тому назад.

— Раффи, достань брезент, натянем его сверху, чтобы получилась крыша. Не хочется, чтобы на головы сыпались стрелы.

Сержант-майор отобрал шестерых солдат, и они принялись за работу, разворачивая тяжелую парусину.

— Хендри, по два человека под каждый грузовик. Поставь пулеметы — нас могут штурмовать.

Охваченный приготовлениями к обороне, Хендри даже не огрызнулся, как обычно, а собрал своих людей. Они заползли на животе под грузовики, выставив винтовки наружу — навстречу молчаливым джунглям.

— Огнетушители — в центр, чтобы были под рукой. Нас опять могут попытаться поджечь.

Двое солдат побежали к кабинам и принесли два огнетушителя.

— А мне что делать? — спросила Шермэйн.

— Помалкивай и не мешай, — сказал Брюс и, повернувшись, побежал помогать команде Раффи с брезентом.

Через полчаса лихорадочных приготовлений Брюс остался доволен возведенными укреплениями.

— Это должно их сдержать. — Брюс стоял в центре лагеря вместе с Раффи и Хендри, глядя на зеленую брезентовую крышу над головой и тесно прижатые друг к другу грузовики по окружности. «Форд» поставили у самой цистерны — его не включили в круг обороны, потому что из-за своих небольших размеров он мог стать слабым местом в укреплениях.

— Жарко здесь будет. Да и слишком людно, — проворчал Хендри.

— Знаю. — Брюс посмотрел на него. — Может, тебе подождать снаружи, чтобы тут стало полегче?

— Хорошая шутка, сейчас умру от смеха, — ответил Уолли.

— Что теперь, босс? — Раффи облек в слова вопрос, который задавал себе Брюс.

— Мы с тобой осмотрим мост, — сказал Брюс.

— Хороши вы будете: в куртках, а из них стрелы торчком, — ухмыльнулся Уолли. — Я же не переживу!

— Раффи, возьми нам штук по шесть противохимических накидок. С сотни футов стрелы их не пробьют. И каски, конечно.

— Есть, босс.

Под шестью слоями прорезиненного брезента было жарко, как в сауне. Брюс чувствовал, как с каждым шагом из всех пор брызжет пот и стекает по спине и бокам. Вместе с Раффи они покинули лагерь и пошли по дороге к мосту.

Из-за многочисленных слоев накидок Раффи стал еще больше и теперь напоминал доисторического монстра на последнем сроке беременности.

— Раффи, тебе не холодно? — спросил Брюс, ощущая потребность в шутке.

Джунгли, обступающие их со всех сторон, действовали на нервы. Возможно, он недооценил мощь стрелы, хоть и сделанной из тростника, но с остро заточенным железным наконечником, обильно смазанным ядом.

— Да я весь дрожу, — проворчал в ответ Раффи. Пот стекал у него по лицу и капал с подбородка.

Они еще не приблизились к мосту, а в нос им ударил запах разложения. В сознании Брюса каждый запах имел свой цвет. Этот был зеленый, как верхний слой начавшего гнить мяса. Тяжелое зловоние опускалось на них, заползая в горло и покрывая язык маслянистой приторностью.

— Догадываюсь, что это! — Раффи словно выплюнул эти слова, пытаясь избавиться от ужасного привкуса во рту.

— Где они? — выдавил Брюс, задыхаясь от жары и от необходимости дышать отравленным воздухом.

Они дошли до берега, и ответ на вопрос Брюса предстал на узкой песчаной полосе.

Вдоль кромки воды еще дымились кострища, а ближе к лесу стояло сооружение из шестов. Секунду-другую Брюс не мог сообразить, для чего они предназначены, но потом все понял: такие конструкции встречаются в охотничьих лагерях по всей Африке — поперечная жердь, закрепленная между двумя шестами. Это разделочная стойка! На поперечину кожаной веревкой за задние ноги подвешивают добычу и одним взмахом ножа выпускают кишки.

На этих стойках разделывали совсем другую добычу — его бойцов. Он посчитал веревки. Десять. Значит, ни один не спасся.

— Раффи, прикрой меня. Я пойду посмотрю. — Он сам наложил на себя такое наказание. Это были его люди, и он их оставил здесь.

— Есть, босс.

По хорошо протоптанной тропинке Брюс спустился вниз. Запах стал совершенно невыносимым. Нашелся и его источник. Между разделочными стойками на земле бесформенная масса человеческих останков шевелилась от огромного количества ползающих по ней мух. Внезапно насекомые взлетели, покружились облаком и опустились обратно.

Одна муха, облетев вокруг головы Брюса, села ему на руку. Синеватое, словно поблескивающее металлом тельце, сложенные крылья. Она присела на задние лапы, а передние подняла и стала тереть друг о друга. Брюса затошнило, и он согнал муху.

Вокруг кострищ были разбросаны кости, рядом с ногой Керри лежал раскроенный череп.

Брюса опять замутило, и на этот раз комок рвоты подобрался к самому горлу — кислый и теплый. Он сглотнул, отвернулся и вскарабкался наверх, где ждал его Раффи. Некоторое время он стоял, пытаясь перебороть тошноту, и наконец выговорил:

— Ладно, это все, что я хотел знать.

И они пошли назад к лагерю.

* * *

Сидя на капоте «форда», Брюс глубоко затягивался сигаретой, пытаясь заглушить привкус смерти.

— Наверное, они ночью проплыли вниз по течению и забрались по опорам моста. Канаки с ребятами даже ничего не подозревали, пока балуба не появились сразу со всех сторон. — Он снова затянулся и выпустил дым через ноздри, дезинфицируя носоглотку. — Я должен был знать. Я должен был предупредить Канаки...

— Они что, действительно съели всех десятерых? Ну дают! — Даже Уолли Хендри был поражен. — Хотел бы я взглянуть. Ну и зрелище, наверное.

— Прекрасно! — Голос Брюса внезапно стал жестким. — Вот ты и будешь ответственным за похороны. Наведешь там порядок, прежде чем начнем ремонтировать мост.

Уолли только спросил:

— Прямо сейчас?

— Нет, — рявкнул Брюс. — Вы с Раффи на двух грузовиках поедете в Порт-Реприв и привезете материалы для починки моста.

Оба с восторгом посмотрели на Брюса.

— Я даже не подумал об этом, — сказал Уолли.

— В гостинице и в штабе полно балок для крыши, — улыбнулся Раффи.

— Гвозди, — сказал Уолли так, словно речь шла о самом главном. — Нужны гвозди.

Брюс перебил их:

— Сейчас два часа. К вечеру доберетесь до Порт-Реприва, с утра соберете материалы и вернетесь к завтрашнему вечеру. Возьмите грузовики, проверьте, есть ли в баках горючее. Вам понадобятся человек пятнадцать: пять солдат на случай опасности и десяток гражданских.

— Достаточно, — согласился Раффи.

— Захватите две дюжины листов гофрированного железа. Во время работы используем их как защитный экран от стрел.

— Да, хорошая идея.

Они обсудили подробности плана, выбрали людей, нагрузили машины и вывели их из оборонного круга в направлении Порт-Реприва.

Внезапно у Брюса заболели глаза, он почувствовал непреодолимую усталость от недостатка сна, от жары и от эмоционального напряжения последних четырех дней. Он еще раз обошел лагерь, проверяя, все ли на месте, перебросился несколькими фразами с бойцами и, спотыкаясь, поплелся к «форду». Забравшись на переднее сиденье и положив рядом каску с винтовкой, он опустил голову на руки и тут же заснул.

21

Вечером его разбудила Шермэйн — принесла холодные консервы и бутылку пива из запасов Раффи.

— Прости, Брюс, не на чем было разогреть. Не слишком аппетитно, да и пиво теплое.

Керри выпрямился и протер глаза. Шесть часов сна освежили его, глаза уже не так горели, хотя головная боль еще не прошла.

— Я не голоден, спасибо. Это все из-за жары.

— Надо поесть, Брюс. Попробуй хоть чуточку. — Она улыбнулась. — По крайней мере ты более вежлив, когда выспишься. «Спасибо» все-таки лучше, чем «Помалкивай и не мешай».

Брюс состроил печальную гримасу.

— Ты из женщин со встроенной звукозаписью. Ни одно слово не потеряется и потом будет использовано против мужчины. — Потом он коснулся ее руки. — Прости.

— «Прости», — повторила она. — Мне нравится, как ты извиняешься, mon capitaine. Мужественно, как и все остальное, что ты делаешь. Даже иногда непреодолимо мужественно.

С лукавой улыбкой она смотрела ему в глаза, намекая на происшествие в поезде, когда их прервал Уолли Хендри.

— Ну что ж, попробуем еду, — сказал он и затем, несколько мгновений спустя, добавил: — Неплохо, ты прекрасный повар.

— На этот раз похвали мсье Хайнца и его пятьдесят семь детей. Но когда-нибудь я тебе приготовлю турнедо по-королевски. Это мое форменное блюдо.

— Фирменное, — поправил ее Брюс.

Журчание голосов обитателей лагеря иногда прерывалось взрывами хохота. Все были в расслабленном состоянии. Брезентовая крыша и стена грузовиков создавали ощущение безопасности. Солдаты спали, сбившись в кучу, или разговаривали.

Брюс выскреб остатки со дна металлической плошки и отправил в рот последний кусок.

— Мне нужно проверить укрепления.

— О Бонапарт, долг зовет. — Шермэйн смиренно вздохнула.

— Я недолго.

— Я подожду тебя здесь.

Взяв каску и винтовку, Брюс уже собирался вылезти из «форда», когда из джунглей донесся барабанный бой.

— Брюс! — прошептала Шермэйн и схватила его за руку. Голоса вокруг испуганно затихли. Барабаны продолжали стучать: глубокие, сильные звуки почти ощутимо разрывали ночную мглу, и казалось, что от них дрожит теплый застоявшийся воздух. Заполняя пространство, монотонный стук бился, словно пульс мироздания.

— Брюс! — Шермэйн, дрожа от ужаса, вцепилась в руку Керри. Это помогло ему справиться со своим страхом.

— Малыш, не бойся. — Брюс обнял ее и прижал к груди. — Это всего лишь звук деревянных палочек в руках голого дикаря. Они нас здесь не достанут, ты же знаешь.

— Брюс, это страшно... Будто колокола или похоронный набат.

— Глупышка. Пойдем со мной, поможешь мне успокоить остальных — они напуганы до смерти.

Он увлек ее за собой и, обнимая за талию, вывел на середину лагеря.

«Что можно противопоставить дурману звуков? — спрашивал он себя. — Только свои звуки».

— Джозеф, М’пофу! — крикнул он, выбрав самых лучших певцов отряда. — Жаль, что сопровождение не на уровне, но чего вы хотите от балуба — эти обезьяны ничего не смыслят в музыке. Давайте покажем им, как поют бамбала.

Они поежились, но напряжение уже спадало.

— Запевай, Джозеф! — Брюс поглубже вдохнул и заорал первый куплет одной из посевных песен, нарочно перевирая мотив, пытаясь растормошить бойцов.

Кто-то рассмеялся, потом голос Джозефа нерешительно вступил, набирая силу. Мощный бас М’пофу подхватил мелодию, создавая фон для высокого, вибрирующего тенора. В темноте люди стали хлопать и раскачиваться в такт барабанным ударам.

Шермэйн уже не дрожала, только теснее прижалась к Брюсу.

«А теперь нужен свет, — подумал он. — Ночник для детей, которые боятся темноты и барабанного боя».

Вместе с Шермэйн он перешел на противоположную сторону лагеря.

— Сержант Жак.

— Да, капитан.

— Прочешите окрестности прожекторами.

— Oui, капитан.

Ответ прозвучал уже не так уныло. Брюс знал, что для прожекторов есть две запасные батареи, по восемь часов работы каждая: хватит на сегодня и на завтрашнюю ночь.

С противоположных концов лагеря темноту рассекли белые плотные снопы света, ударили в стену леса и, отразившись, слабо осветили лица обитателей лагеря. Брюс посмотрел на свой отряд. «Теперь все в порядке, — подумал он, — призраки ушли».

— Браво, Бонапарт, — сказала Шермэйн.

Люди вокруг улыбались, глядя, как он обнимает девушку. Керри хотел было убрать руку, но остановил себя. «К черту все, пусть отвлекутся», — решил он и повел Шермэйн к «форду».

— Устала? — спросил он.

— Немного, — кивнула она.

— Я опущу тебе кресло и завешу окно одеялом — так, наверное, уютнее.

— Ты не уйдешь?

— Я буду около машины. — Он отстегнул ремень, на котором носил пистолет. — Теперь он твой.

Ремень, даже застегнутый на самую последнюю дырочку, сползал с тонкой талии Шермэйн, и пистолет болтался почти у колена девушки.

— Орлеанская дева, — подначил Брюс.

Шермэйн состроила ему рожу и забралась на заднее сиденье «форда».

Спустя некоторое время она тихо позвала:

— Брюс.

— Да?

— Проверяю, здесь ли ты. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Шермэйн.

* * *

Брюс лежал на одеяле и чувствовал, как по телу стекает пот. Пение уже давно стихло, но барабаны в джунглях гремели без устали. Лучи прожекторов метались туда-сюда, иногда освещая лагерь. Вокруг раздавалось сонное дыхание солдат, прерываемое храпом, приглушенным кашлем или бормотанием.

Керри не мог заснуть. Он курил, подложив под голову руку и глядя на брезентовый навес. События предыдущих четырех дней пролетали в сознании: обрывки разговоров, умирающий Андрэ, Бусье с женой, взрывы гранат, липкая кровь на руках, насилие и страх. Брюс повернулся на бок, затушил сигарету и закрыл глаза руками, словно пытаясь защититься от воспоминаний, которые разворачивались перед мысленным взором, как пленка в гигантском кинопроекторе, беспорядочно и бессмысленно, навевая ужас. Отчего-то вспомнилась отвратительная муха, сидящая на руке и злорадно потирающая лапки. Керри замотал головой.

«Я схожу с ума, — подумал он. — Это нужно остановить».

Он сел, подтянув колени к груди, и образы померкли. Ему стало грустно и одиноко. Невыносимо одиноко... Казалось, что он стал маленьким и беззащитным.

«Сейчас заплачу, — подумал он. — Слезы уже в горле». И, как обиженный ребенок, который забирается к маме на колени, Брюс Керри залез в салон «форда», к Шермэйн.

— Шермэйн! — прошептал он, пытаясь отыскать ее в темноте.

— Брюс, что случилось? — встревоженно спросила девушка. Судя по всему, она тоже не спала.

— Где ты? Где? — испуганно повторял он, в темноте ощупывая сиденье автомобиля.

Шермэйн неуклюже подтянула Брюса к себе.

— Обними меня, Шермэйн! Умоляю, обними...

— Милый мой, что случилось? — взволнованно спросила она.

— Просто обними меня, Шермэйн. Ничего не говори. — Он прижался к ней, уткнулся лицом в шею. — Ты мне так нужна... О Господи, как ты мне нужна!

— Брюс!

Пальцы Шермэйн скользнули ему на голову и шею, поглаживая и успокаивая. Девушка стала ритмично раскачиваться, убаюкивая его, словно младенца. Постепенно напряженное тело Керри расслабилось, и он глубоко вздохнул — порывисто и резко.

— Мой Брюс, мой Брюс!

Шермэйн подняла рубашку и — в инстинктивном, извечном материнском порыве — дала ему грудь. Он припал к ней губами, а

Шермэйн, обняв его за шею, склонила над ним голову, и ее длинные волосы закрыли их обоих. Ощущая его сильное тело, чувствуя потягивание сосков и осознавая, что дает силу любимому мужчине, она поняла, что раньше не знала счастья.

Брюс напрягся.

— Да, да, да… — с томлением шептала Шермэйн.

Жадные губы целовали ее. Он склонился над ней, уже больше не ребенок, а взрослый мужчина.

— Ты такая красивая, такая теплая, — хрипло сказал он, и Шермэйн содрогнулась от силы своего желания.

— Скорее, Брюс…

Настойчивые, сильные и ласковые руки искали и находили.

— Скорее, Брюс, скорее… — Шермэйн подалась ему навстречу.

— Тебе будет больно.

— Нет… Я хочу боли… — Внутри ее все напряглось, и она нетерпеливо вскрикнула: — Давай! — И потом: — Ай, жжется!

— Я остановлюсь.

— Нет!

— Милая моя, не…

— Да… О-о… Не могу больше, Брюс… Ты коснулся моего сердца… — Она забарабанила сжатыми кулачками ему по спине.

Туда, туда, в упругую, неохотно поддающуюся плоть… Потом назад и опять вперед… дотрагиваясь до сущности мироздания; скользя назад и снова вперед… тронув ее, откатываться назад… а потом все сначала… Медленно довести себя до жгучего изнеможения, почти до боли, — и падать, падать, падать…

— Я лечу… О Брюс! Брюс!

И вместе — в бездну… И ничего нет… Ничего — ни времени, ни пространства, ни конца…

Ничего — и все. Сразу.

В джунглях неутомимо били барабаны.

Шермэйн уснула, положив голову на руку Брюса и уткнувшись лицом ему в грудь. Он не спал, вслушиваясь в ее дыхание — тихое, нежное,

почти неслышное, если не прислушиваться. «Или не любить, — подумал он. — Да. Я люблю эту женщину, и в этом я должен быть честен перед ней и перед собой. Я больше не переживу того, что случилось со мной в прошлый раз. И именно потому, что люблю ее, я не позволю ей вступить в нежеланный брак. Лучше закончить все сейчас, если нет силы продолжать».

Брюс склонил голову и погрузил лицо в волосы Шермэйн. Девушка во сне потерлась носиком о его грудь.

«Любовь трудно определить, — думал он. — Трудно в самом начале. Ее легко перепутать с жалостью или с одиночеством. Нет, я не могу себе такого позволить. Нужно тщательно обдумать наш брак с Джоан. Что я чувствовал в самом начале наших отношений с ней? Это было так давно, семь лет назад, что я даже не помню, — честно ответил он себе. — Все, что у меня осталось с тех пор, — фотографии наших поездок и слова, которые проникли туда, откуда ни ветер, ни боль их не смогли выгнать.

Пляж вот-вот спрячется под надвигающимся с моря туманом, на прибитом к берегу обломке топляка стоит купленная по дороге корзинка с клубникой. Я целую Джоан, чувствую сладкий вкус ягод на ее губах. Помню, мы пели: «К югу от границы...» Смутно припоминаю ее тело, форму ее груди до рождения детей. И это все, что у меня осталось от тех славных времен.

Все остальное ярко, резко и обжигающе запечатлелось в памяти. Каждое уродливое слово и тон, которым оно было сказано. Рыдания по ночам... Три долгих мрачных года после смертельной раны... Мы изо всех сил пытались сохранить наш брак — ради детей. Дети... Боже мой, нельзя сейчас о них думать. Слишком больно. О Джоан больше вспоминать не стоит, с ней покончено. Из-за нее я страдал. Ничего, что она ушла с другим, — в конце концов, ей нужно было найти счастье. Нет, я ненавижу ее не из-за этого, а из-за детей. Из-за того, что она выхолостила мою любовь, которую я теперь мог бы преподнести Шермэйн.

Мне жаль Джоан: за то, что она неспособна найти счастье, к которому так жадно стремится; за холодность тела и рассудка; за привлекательность, уже почти ушедшую (увядание сначала проявляется вокруг глаз, словно растрескавшаяся масляная краска); за всепоглощающий эгоизм, из-за которого она потеряет любовь своих детей. Нет, моих детей — не ее! Это мои дети! Все. Джоан больше нет. У меня есть Шермэйн, которая так не похожа на Джоан. Мне тоже нужно найти свое счастье».

— Шермэйн, — прошептал он и слегка повернул ее голову, чтобы поцеловать девушку. — Шермэйн, просыпайся.

Она потянулась и что-то пробормотала.

— Просыпайся. — Он легонько прикусил ей мочку.

Шермэйн открыла глаза.

— Bon matin, madame[15], — улыбнулся Брюс.

— Bonjour, monsieur[16], — ответила она и, закрыв глаза, снова уткнулась лицом ему в грудь.

— Просыпайся. Мне нужно тебе кое-что сказать.

— Я проснулась. Скажи мне сначала, не сплю ли я. Все это не может быть по-настоящему.

— Ты не спишь.

Она тихонько вздохнула и прижалась к нему.

— Теперь говори.

— Я тебя люблю, — сказал он.

— Нет, наверное, я все-таки сплю.

— Правда, — сказал он.

— Не буди меня. Я не переживу, если проснусь.

— А ты?

— Ты же знаешь... — ответила она. — Мне даже не нужно говорить.

— Уже почти утро, — сказал он. — Времени мало.

— Тогда я скажу...

Брюс прижал ее к себе и слушал, как она шепчет ему на ухо.

«Нет, — подумал он. — Вот теперь я уверен. Ошибиться невозможно. Это моя женщина».

22

Барабаны замолчали на рассвете. Наступившая тяжелая тишина не принесла облегчения. Все уже успели привыкнуть к неровному ритму, и теперь его как-то не хватало.

Обходя лагерь, Брюс чувствовал среди солдат напряжение и ожидание ужаса. Бойцы двигались скованно, словно не желая привлекать к себе внимания, на шутки отвечали нервным смехом, который тут же

обрывали, как будто бы находясь в церкви, и постоянно оглядывали стену джунглей.

Брюс поймал себя на том, что хочется в бой. Нервы накалились от постоянной атмосферы страха. «Хоть бы напали, — думал он. — Хоть бы вышли, и тогда будем иметь дело с живыми людьми, а не с призраками».

Джунгли молчали, словно выжидая и выслеживая. В лагере все чувствовали взгляды невидимых наблюдателей. По мере того как нарастала жара, зловещее присутствие становилось все очевиднее.

Брюс как можно спокойнее перешел на южную сторону лагеря, улыбнулся сержанту Жаку и присел на корточки, глядя из-под грузовика на обгорелый остов моста.

— Они скоро вернутся, — сказал он. — А починить недолго.

Жак не ответил, только нахмурил высокий лоб. Лицо сержанта сверкало от пота.

— Это все оттого, что приходится ждать, капитан. Живот сводит.

— Они скоро вернутся, — повторил Брюс.

Если уж беспокоится даже этот, самый стойкий, то остальные солдаты, наверное, совсем потеряли голову от страха. На лице бойца рядом с Жаком застыла гримаса ужаса. Напади балуба сейчас, одному Богу известно, как все повернется. Африканец может довести себя до смерти одной только мыслью — он просто ложится и умирает. Сейчас приближалась именно эта стадия: бойцы либо придут в ярость, либо свернутся калачиком и завоют от страха. Никогда не угадаешь.

«Между прочим, я ведь тоже не прыгаю от радости, — признался сам себе Брюс. — Это потому, что приходится ждать».

Вдруг с поляны, за дальней стороной лагеря, раздался дикий, нечеловеческий вопль. С бешено заколотившимся сердцем Брюс метнулся туда. На секунду весь лагерь будто съежился от звука. Крик повторился, бичом ударив по натянутым нервам. Его немедленно заглушили выстрелы двадцати винтовок.

Брюс громко рассмеялся, запрокинув голову. В наступившей после выстрелов тишине его смех подхватили остальные. Стрелки робко заулыбались и сделали вид, что перезаряжают винтовки — крик птицы-носорога кого хочешь напугает. Впрочем, в общем хохоте звучали истерические нотки.

— Никому не нужны перья для шляпы? — крикнул кто-то, и смех снова пронесся по лагерю.

«Ничего страшного, — решил Брюс. — За час спокойствия пятидесяти патронов не жалко. Хорошая сделка».

Он подошел к Шермэйн. Она тоже улыбалась.

— Что нового в меню? — улыбнулся он ей. — Какое кулинарное чудо нас ждет на обед?

— Тушенка.

— С луком?

— Нет, просто тушенка. Лук кончился.

Брюс перестал улыбаться.

— Сколько осталось? — спросил он.

— Один ящик. Хватит до завтрашнего обеда.

На починку моста уйдет по крайней мере два дня. После этого еще целый день ехать...

— Ладно, — сказал он. — Ох, и проголодаемся мы к концу путешествия. Попробуем растянуть. С сегодняшнего дня по полпайка.

Проблема истощающихся запасов провизии настолько захватила Керри, что он не услышал гудения моторов по ту сторону укреплений.

— Капитан, — окликнул его Жак. — Слышите?

Брюс наклонил голову и прислушался.

— Грузовики! — воскликнул он с облегчением, и в тот же миг весь лагерь наполнился радостным гомоном.

Ждать больше не надо.

Из зарослей на поляну выехали грузовики, просевшие на ободах, тяжело груженные, с торчащими из-под брезентовых кузовов деревянными балками и листами железа.

Из кабины грузовика выглянул Раффи и крикнул:

— Эй, босс! Где выгружаться?

— Езжайте к мосту. Подождите секунду, я сейчас.

Брюс выскочил из лагеря и быстро подбежал к грузовику. На открытой местности по спине бежали мурашки. Прыгнув к Раффи в кабину, Керри с облегчением захлопнул за собой дверцу.

— Не хотелось бы поймать стрелу, — объяснил он.

— У вас тут ничего не произошло, пока нас не было?

— Нет, — ответил Брюс. — Балуба здесь. В джунглях всю ночь били барабаны.

— Созывают дружков, — проворчал Раффи и отжал сцепление. — Повеселимся мы тут, пока будем чинить мост. День-два будут набираться храбрости, а потом обязательно набросятся.

— Останови у моста, Раффи, — приказал Брюс и опустил окно. — Дам знать Хендри, чтобы встал рядом. Разгрузимся между двумя машинами и начнем строить защитный короб из листов железа.

Пока Хендри маневрировал, Брюс сделал над собой усилие и взглянул вниз, на песчаный берег.

— Крокодилы! — воскликнул он с облегчением.

Разделочные стойки стояли все там же, но куча человеческих останков исчезла. Мухи и запах, однако, никуда не делись.

— Ночью приходили, — согласился Раффи, увидев длинные полосы, оставленные рептилиями на песке.

— Слава Богу.

— Ага. Мои ребята бы не обрадовались, если бы понадобилось расчищать пляж.

— Нужно кого-то отрядить, пусть стойки разберут. Не хочу, чтобы во время работы они все время были перед глазами.

— Да уж, не самое привлекательное зрелище.

Брюс соскочил с подножки в пространство между грузовиками.

— Хендри.

— Тут я. — Уолли высунулся из окна.

— Наверное, я тебя расстрою, но крокодилы оставили тебя без работы.

— Вижу. Не слепой.

— Очень хорошо. Если ты не слепой и не парализованный, может, займешься разгрузкой?

— Хорошенькое дело, — пробурчал Хендри, но все-таки вылез из машины и начал выкрикивать указания солдатам, сидящим в кузове.

— Эй, вы! Давайте, вытряхивайте все оттуда.

Брюс повернулся к Раффи:

— Какого размера самые толстые балки?

— Девять на три, но зато много.

— Пойдет, — решил Брюс. — Пустим по дюжине на каждую опору.

Хмурясь, Керри с сосредоточенным видом взялся за организацию ремонтных работ.

— Хендри, рассортируй балки по размеру. А железо свали вон там. — Он смахнул муху с лица. — Раффи, сколько у нас молотков?

— Десять, босс. И еще две ручные пилы.

— Хорошо. А гвозди и веревки?

— Сколько хотите. Целый ящик шестидюймовых и...

Занятый работой, Брюс не заметил, как один из чернокожих солдат вышел из укрытия. Он прошел шагов десять по направлению к мосту, остановился и не торопясь стал расстегивать ширинку. В этот момент Керри поднял голову.

— Что ты здесь делаешь, черт побери? — крикнул он, и солдат виновато вздрогнул. Он не понимал по-английски, но тон Брюса был вполне недвусмысленным.

— Monsieur, — стал объяснять он, — я хотел...

— Назад! — взревел Брюс.

Боец нерешительно начал застегивать брюки.

— Быстрее, тупица!

Солдат послушно ускорил движения, но от смущения пальцы его не слушались. Все бросили работу и наблюдали за ним.

— Брось! — заорал Керри. — Беги скорей!

Первая стрела лениво поднялась из прибрежных зарослей и описала в воздухе изящную параболу. Набрав скорость при снижении, она с тихим свистом вонзилась в землю у ног солдата, словно безобидная детская игрушка — тонкая тростинка, оперенная зелеными листьями.

— Беги! — заорал Брюс.

Солдат замер и, словно не веря своим глазам, уставился на стрелу.

Брюс рванулся к нему, но огромная черная рука Раффи схватила его за плечо, и, как он ни бился, не мог высвободиться.

Туча стрел, будто стая саранчи, посыпалась сверху, вонзаясь в землю у ног бойца, который изо всех сил бросился наутек.

Керри перестал сопротивляться и смотрел как завороженный. Стрелы звякали о капот, падали все ближе и ближе к солдату, ломались при ударе о землю. Одна из стрел, как метко пущенная бандерилья, угодила солдату точно между лопаток. С искаженным от боли и страха лицом он вывернул руки назад, пытаясь дотянуться до древка, но тщетно.

— На землю его! — крикнул Брюс, когда парень добежал до них.

Двое бойцов подскочили к нему, повалили ничком на землю. Он несвязно бормотал что-то от страха. Керри схватил древко: острый наконечник вошел в тело меньше чем на дюйм. Брюс попытался вытащить стрелу, но она переломилась у самого наконечника, оставив отравленное железо в ране.

— Нож! — крикнул Керри.

Кто-то сунул ему в руку штык.

— Осторожнее, босс, не пораньтесь о наконечник.

— Раффи, пусть твои ребята готовятся к обороне, — рявкнул Брюс и стянул с парня рубашку. Грубо выкованный наконечник толстым слоем покрывал яд, похожий на густую черную карамель.

— Он мертв, — сказал Раффи, облокотившись о капот грузовика. — Он просто еще не перестал дышать.

Брюс вонзил штык рядом с наконечником стрелы, и раненый, жутко вопя, забился в корчах.

— Хендри, дай плоскогубцы.

— Держи.

Керри ухватил наконечник стрелы стальными челюстями и потянул. Плоть не отдавала трофей, бугорком поднимаясь вслед. Брюс подковырнул штыком, чувствуя, как рвется кожа. Ему казалось, что он вытаскивает крючок изо рта сома.

— Теряете время, босс! — пробурчал Раффи, с типично африканской покорностью принимая неизбежность насильственной смерти. — Мальчик уже не жилец. В нем свежий змеиный яд.

— Точно знаешь, Раффи? — поднял голову Брюс. — Ты уверен, что это змеиный яд?

— Да, они его с кассавой смешивают.

— Хендри, где у нас противоядия?

— В аптечке в лагере.

Брюс еще раз потянул наконечник, и тот наконец вышел, оставив глубокую дыру между лопатками.

— Все по машинам, нужно доставить его в лагерь. Каждая секунда дорога.

— Посмотрите на его глаза, — проворчал Раффи. — Укол не поможет.

Зрачки сузились до размеров спичечной головки, парень весь дрожал — яд распространялся по телу.

— В машину его.

Они подняли бойца в кабину и забились следом. Раффи завел мотор, включил заднюю передачу. Автомобиль, взревев, рванул к лагерю — всего ярдов тридцать.

— Вытаскивайте его, — приказал Брюс. — Несите в укрытие.

На губах раненого выступила пена, пот ручейками стекал по лицу и телу. Из раны сочилась тоненькая струйка коричневатой жидкости. «Наверное, яд коагулирует», — подумал Брюс.

— Брюс, что с тобой? — К нему подбежала Шермэйн.

— Со мной ничего. — Керри с трудом сдерживался, пытаясь не сорваться. — А вот одного из наших ранили.

— Тебе помочь?

— Нет, тебе не надо это видеть. Хендри, где противоядия, черт побери?

Раненого приволокли в лагерь, положили в тени на одеяло. Брюс опустился на колени, открыл красную жестяную коробку, которую ему протянул Хендри.

— Раффи, поставь грузовики обратно в круг и прикажи своим парням держаться начеку. Туземцы после такого успеха могут и осмелеть. — По ходу разговора Брюс вставлял в шприц иглу для подкожных инъекций. — Хендри, скажи, чтобы нас чем-нибудь загородили. Можно одеялами. — Открыв ампулу, он наполнил шприц бледно-желтой сывороткой. — Держите его, — сказал он солдатам и, приподняв кожу около раны, воткнул туда иглу. Кожа на ощупь была как лягушачья — влажная и липкая.

Впрыскивая сыворотку, Брюс пытался сосчитать, сколько прошло времени с того момента, как вонзилась стрела, — минут семь или восемь, наверное. Яд мамбы убивает за четырнадцать минут.

— Переверните его, — сказал он.

Голова парня безвольно упала набок, дыхание участилось, стало поверхностным, а изо рта вытекала струйка слюны.

— Ты смотри-ка! — выдохнул Уолли Хендри. На его лице отразилось чувство глубокого чувственного удовольствия, и дышал он так же часто и поверхностно, как умирающий.

— Помоги Раффи, — рявкнул Брюс. У него внутри все сжалось от отвращения.

— Как бы не так. Уж это зрелище я не пропущу.

У Брюса не было времени на пререкания. Он приподнял кожу на животе раненого и вонзил иглу туда. Внезапно кишечник бойца непроизвольно опорожнился.

— Боже... — прошептал Хендри.

— Уйди, — прорычал Брюс. — Хватит глумиться, дай ему умереть спокойно.

От отчаяния он сделал еще один укол — под кожу, у самого сердца. Тело резко свело судорогой, и игла сломалась в мышце.

— Умирает, — прошептал Хендри, — умирает. Ты посмотри-ка, а? Вот это да.

У Брюса задрожали руки, сознание словно заволокло туманом.

— Ты, грязная свинья! — заорал он и влепил Хендри пощечину.

Уолли отбросило к стоящей рядом цистерне. Брюс вцепился обеими руками ему в горло — гибкая трахея задергалась под пальцами, как веревка.

— Ничего святого, животное, — закричал он Хендри прямо в лицо. — Ты что, не можешь дать человеку умереть...

Подскочил Раффи и, без особых усилий оторвав руки Брюса от горла Уолли, встал между ним и Хендри.

— Оставьте его, босс.

— За это... — задыхаясь, выговорил Хендри, держась за шею, — за это ты мне заплатишь.

Устыдившись своего порыва, Брюс повернулся к лежащему на одеяле бойцу.

— Закройте его, — с дрожью в голосе приказал Керри. — Положите в кузов. Завтра похороним.

23

К ночи сооружение короба из железных листов закончили — немудреная прямоугольная конструкция без крыши, со съемной стеной и бойницами для стрельбы. Вдоль каждой стены размещался десяток бойцов, по ширине — как раз чтобы перегородить мост, а в высоту — чуть выше самых высоких. В общем, не шедевр архитектуры.

— А как его двигать, босс? — Раффи с сомнением разглядывал короб.

— Сейчас покажу. Передвинем его к лагерю, а утром прямо в нем и пойдем работать.

Брюс отобрал двенадцать человек, они зашли внутрь короба через съемную стенку и закрыли ее за собой.

— Так, Раффи, убирай грузовики.

Раффи и Хендри откатили в лагерь два грузовика, и сооружение, похожее на небольшой ниссеновский барак, осталось стоять у моста. Внутри Брюс расставил людей вдоль стен через равные промежутки.

— Хватайтесь за нижнюю балку рамы и поднимайте, — крикнул он. — Готовы? Раз, два, три!

Короб зашатался и приподнялся дюймов на шесть над землей. Обитателям лагеря были видны только ботинки.

— Все вместе, — приказал Брюс. — Вперед!

Раскачиваясь и поскрипывая, короб медленно двинулся к лагерю. Видневшиеся снизу ноги придавали сооружению сходство с огромной гусеницей.

Из лагеря донеслись приветственные крики, а из «гусеницы» им в ответ раздались взрывы смеха. Всем было весело. Никто не вспоминал про отравленные стрелы и кишащий призраками лес.

Добравшись до лагеря, бойцы опустили короб, по одному выскочили из него и, преодолев несколько футов открытой местности, оказались под прикрытием укреплений лагеря. Их встречали смехом, похлопываниями по спине и взаимными поздравлениями.

— Получилось, босс, — прогудел Раффи, перекрывая общий гомон.

— Да. — Керри повысил голос: — Хватит, тихо. Все по местам.

Смех затих, восстановился порядок. Брюс вышел на середину лагеря. Наступила тишина. Все смотрели на него. «Сколько я читал, — усмехнулся он про себя, — о напутственных речах перед битвой. Господи, хоть бы ничего не напортить».

— Есть хотите? — громко спросил он по-французски и получил в ответ дружные утвердительные возгласы.

— На обед только тушенка.

На этот раз послышались притворные стоны.

— И на завтрак тоже будет тушенка.

Теперь все замолчали.

— Так что, когда мы переедем через реку, вы порядком проголодаетесь. Чем скорее починим мост, тем скорее наполним желудки. Все видели, что случилось с бойцом, который вышел из укрытия? Думаю, что не надо напоминать, что на открытую местность выходить не стоит. Сержант-майор занимается устройством нужников, приспосабливает под это пятигаллоновые цистерны. Они не очень удобные, так что долго засиживаться не будете. — Раздались смешки. — И помните: внутри лагеря, в укрытии, вы неуязвимы, бояться нечего. Пусть балуба бьют в свои барабаны, пусть ждут сколько влезет — они нам неопасны. — Согласный гомон. — Чем скорее мы закончим мост, тем скорее двинемся в путь.

Брюс оглядел поднятые на него лица и вздохнул с облегчением. Сооружение короба подняло боевой дух солдат.

— Сержант Жак, как стемнеет — включайте прожекторы.

Завершив речь, Керри подошел к Шермэйн, которая стояла у «форда». Ослабив тесемки каски, он снял ее и провел рукой по мокрым от пота волосам.

— Тебе надо отдохнуть, — тихо сказала Шермэйн, глядя на темные круги у него под глазами и на напряженные складки у рта.

— Нет. Все в порядке, — возразил Брюс, но каждый мускул его тела болел от усталости и нервного напряжения.

— Сегодня ты должен проспать всю ночь, — приказала она. — Я постелю на заднем сиденье.

Брюс вскинул на нее глаза:

— Вместе с тобой?

— Да.

— Ты не боишься, что все узнают?

— Мне за нас не стыдно. — Голос Шермэйн прозвучал почти угрожающе.

— Я знаю, но…

— Ты когда-то сказал, что между нами не может быть ничего грязного.

— Нет, конечно, не может. Я просто подумал…

— Тогда вот что. Я тебя люблю. И у нас будет одна постель на двоих, — решительно заявила Шермэйн.

«Еще вчера она была девственницей, — подумал он, — а сейчас все оковы пали». Его удивлению, граничащему с восторгом, не было предела. Пробудившаяся женщина более безразлична к последствиям, чем мужчина. «Хотя она, конечно же, права. Она моя, и место ей в моей постели. К черту всех! К черту, что они там думают!»

— Постели, дорогая! — с нежной улыбкой ответил Брюс.

Часа через два после наступления темноты опять забили барабаны.

Шермэйн и Брюс лежали рядышком и слушали. Страх прошел — им было тепло и спокойно от только что отхлынувшей страсти. Точно так же они лежали и слушали бы бессильную ярость грозы и стук дождя по крыше.

24

Они вышли на мост с восходом солнца. Короб двигался по открытой местности, словно гигантская многоногая черепаха с железным панцирем. Бойцы внутри переговаривались и громко шутили — их воодушевляла новизна предприятия.

— Разговорчики! — прикрикнул на них Брюс. — За работу, живо!

Через час солнце превратило металлический короб в духовку. Солдаты разделись до пояса, пот стекал с них ручьями. Все работали с остервенением, словно подгоняя себя и забыв обо всем, кроме грубо обтесанных балок короба, которые при прикосновении оставляли занозы в коже. Работали в тесноте, под стук молотков, вдыхая запах сосновых опилок. Все втянулись в ритм, изредка нарушаемый указанием Брюса или ворчанием Раффи.

К полудню закончили постройку четырех основных балок, которые должны были держать середину моста. Брюс проверил их на прочность: закрепил по концам, а на середину загнал весь строительный отряд. Балки просели примерно на дюйм.

— Что думаете, босс? — неуверенно спросил Раффи.

— Четыре вместе выдержат. Еще будет вертикальная, — ответил Брюс.

— Ну, не знаю, — задумчиво протянул сержант-майор. — Цистерна тяжеленькая.

— Ясно, что не муха, — согласился Брюс. — Придется рискнуть. Сначала пойдет «форд», потом грузовики и последней — цистерна.

Раффи кивнул и вытер лицо тыльной стороной ладони. На груди у сержант-майора перекатывались канаты мышц, а над ремнем, в броне мускулов могучего живота, не было ни намека на дряблость.

— Уф! Пива хочется. Эта жара меня убьет.

— У тебя с собой есть? — спросил Брюс, утирая брови, — струйки пота тут же побежали по щекам.

— Без штанов и ящика пива я никуда не хожу. — Раффи достал из угла короба котомку, в которой что-то позвякивало. — Слышите, босс?

— Слышу. Как музыка, — улыбнулся Брюс и крикнул: — Перерыв десять минут.

Раффи раздал бутылки — по одной на троих бойцов.

— Эти арабы все равно не оценят, — объяснил он Брюсу. — Только зря продукт переводят.

От теплого пенистого пива еще больше захотелось пить. Брюс осушил бутылку и выбросил ее из короба.

— Ладно. — Он встал. — Давайте закрепим балки.

— Это самые короткие десять минут в моей жизни, — сказал Раффи.

— У тебя часы медленно идут, — ответил Брюс.

Короб, раскачиваясь, заполз на мост, таща с собой балки. Теперь уже никто не смеялся. Слышались тяжелое дыхание и ругательства.

— Вяжи тросы! — скомандовал Брюс, проверил все узлы и кивнул Раффи: — Пойдет.

— Эй вы, ублюдки, — гаркнул сержант-майор. — Поднимайте!

Первая балка поднялась перпендикулярно и качнулась, как причудливое майское дерево со свешивающимися с верхушки канатами.

— По двое на каждый трос, — приказал Брюс. — Опускайте плавно. — Он оглядел бойцов, проверяя, все ли готовы.

— Уроните в воду — побросаю всех следом, — предупредил Раффи.

— Давай! — крикнул Брюс.

Балка стала наклоняться через реку к обугленным бревнам на другой стороне — сначала медленно, а потом, под силой тяготения, все быстрее и быстрее.

— Держи ее, черт побери! Держи! — заорал Раффи. Мышцы у него вздулись от усилий.

Бойцы натянули тросы, но балка перевесила и, взметнув облако сажи и пепла, упала на бревна.

— Ого, я уж думал, мы ее больше не увидим, — прорычал Раффи и накинулся на солдат: — В следующий раз аккуратнее, а не то бултыхаться вам в речке.

То же самое проделали со второй балкой и точно так же не смогли задержать ее падение, но на этот раз повезло меньше: конец балки ударился о бревно, закачался и соскользнул.

— Падает! Тяните, бараны, тяните! — закричал Раффи.

Балка перевалилась за бревно, с плеском ударилась о поверхность реки и ушла под воду. Затем выпрыгнула наружу и, подхваченная течением, поплыла прочь. Державшие ее тросы натянулись.

Брюс и Раффи чертыхались и проклинали все на свете, пока долго и мучительно вытягивали балку из воды, а потом всей командой затаскивали ее наверх. Раз пять или шесть в самый решающий момент балка соскальзывала и снова падала в реку.

Несмотря на все остальные достоинства сержант-майора, его бранный словарь разнообразием не отличался. Раффи вынужден был повторяться, и это его бесило. Брюс преуспел гораздо больше: он вспомнил все, что когда-то слышал, а часть придумал сам.

Наконец мокрую балку взгромоздили на место, и все присели отдохнуть. Раффи повернулся к Брюсу с нескрываемым восхищением.

— А вы хорошо ругаетесь, — сказал он. — Никогда от вас ничего подобного не слышал, но, клянусь, это что-то! А что там про корову?

Брюс повторил, слегка смущаясь.

— Это вы сами придумали? — спросил Раффи.

— Под влиянием момента, — рассмеялся Брюс.

— Грязнее никогда не слышал, — завистливо заметил сержант-майор. — Вам бы книги писать.

— Давай сначала закончим мост, — сказал Керри. — А потом я подумаю.

Следующая балка оказалась послушнее и сразу встала точно на место, рядом с предыдущей.

— Ругаетесь отлично, босс, и каждый раз метко, — глубокомысленно заявил Раффи. — А эта ваша корова, так вообще...

Две уложенные балки означали, что полдела сделано. На них перенесли короб, затем установили третью и четвертую балки, закрепив их канатами и гвоздями.

С наступлением темноты работники вернулись в лагерь, изнуренные, но довольные. Ладони кровоточили и щетинились занозами.

— Сержант Жак, направьте прожектор на мост и не гасите всю ночь. Не хватало еще, чтобы наши милые друзья снова все сожгли.

— Батарей хватит на несколько часов каждой, — тихо ответил Жак.

— Используйте их по очереди, — без колебаний сказал Брюс. — Ночью мост должен быть освещен. — Потом он обратился к Раффи: — Пожалуй, стоит выдать по пиву каждому, кто сегодня трудился на мосту.

— По целой бутылке? — с негодованием переспросил сержант-майор. — У меня осталась всего пара ящиков.

Брюс строго посмотрел на него, и Раффи улыбнулся.

— Ладно, босс. Сегодня заслужили.

Керри повернулся к Хендри, который сидел на подножке грузовика и чистил ногти штыком.

— Здесь все в порядке? — холодно спросил он.

— Конечно, а что? Ждем архиепископа с визитом? Небо собирается упасть на землю? Твоя француженка родила двойню? Или как? — Уолли поднял голову. — Ты лучше скажи, вы мост когда закончите? А то слоняются тут, вопросы глупые задают...

У Брюса не осталось сил огрызаться.

— Ты в карауле до утра, Хендри, — сказал он.

— Нормально! А ты? Что всю ночь делать будешь? Засмущался, что ли?

— Я собираюсь спать. Я не рассиживался весь день в лагере.

Хендри воткнул штык в землю между ботинками и фыркнул.

— Пожелай ей от меня спокойной ночи, пижон.

Керри повернулся и пошел к машине.

— Здравствуй, Брюс. Как там сегодня? Я по тебе скучала. — При виде его Шермэйн просияла.

Как приятно знать, что тебя любят! Усталость как рукой сняло.

— Работы еще на день, — улыбнулся Брюс. — Не буду врать и говорить, что тоже скучал, — слишком был занят.

— А руки-то! — Шермэйн обеспокоенно разглядывала его ладони. — Вид ужасный.

— Да уж, не из приятных.

— Сейчас возьму иголку, выну тебе занозы.

С другого конца лагеря Хендри перехватил взгляд Брюса и сделал рукой непристойный жест ниже пояса. Керри гневно нахмурился, а Уолли запрокинул голову и весело расхохотался.

25

Вместе с Хендри и Раффи Брюс стоял у костра. В животе урчало от голода. В тусклом утреннем свете виднелся темный силуэт моста на другом конце поляны. В лесу все еще били барабаны, но на них обращали не больше внимания, чем на вьющихся вокруг москитов.

— Батареи сели, — проворчал Раффи.

Слабый желтый луч прожектора еле достигал моста.

— Только ночь выдержали, — согласился Брюс.

— Боже, я голоден, — пожаловался Хендри. — Что угодно за яичницу и бифштекс.

При упоминании о еде рот Брюса наполнился слюной, но Керри отогнал образ, сложившийся было в воображении после слов Уолли.

— Сегодня мы не успеем закончить мост и переехать на ту сторону, — заметил Брюс.

— Да, работы на целый день, босс, — согласился Раффи.

— Тогда вот что мы сделаем, — продолжил Керри. — Я пойду со стройотрядом на мост. Хендри, будешь прикрывать нас из лагеря, как вчера. А ты, Раффи, возьми грузовик и дюжину людей. Вернитесь миль

на десять назад, выберите какую-нибудь опушку — так чтобы балуба не подобрались — и нарубите там дров потолще. На ночь костры разведем.

— Толково, — кивнул Раффи. — А как же мост?

— Придется выставить караул, — сказал Брюс, и при этой мысли выражение их лиц поменялось.

— Ага, на котлетки для парней из леса, — проворчал Хендри. — Меня не заставите сидеть всю ночь на мосту.

— А тебя никто и не просит, — огрызнулся Брюс. — Ладно, Раффи, поезжайте за дровами и привезите побольше.

Во второй половине дня Керри закончил ремонт моста. Наиболее тревожным оказалось время около полудня, когда Брюсу и его четверым помощникам нужно было покинуть короб и спуститься вниз по опорам моста, почти до самой воды, чтобы закрепить вертикальную балку. Здесь они были уязвимы для стрел из прибрежных зарослей. К счастью, никто не стрелял. Строители закончили работу и с облегчением забрались обратно в короб.

Поперечины приколотили к балкам гвоздями, а потом для жесткости связали всю конструкцию канатами.

Брюс встал и осмотрел плод двухдневного труда.

— Функционально, — подвел он итог. — Жаль, приз за внешний вид и инженерное решение нам не дадут.

Подобрав куртку, он сунул руки в рукава. Его вспотевшее тело остыло — солнце клонилось к закату.

— Ну что, пора домой, — сказал он, и солдаты быстро заняли свои места вдоль стенок короба.

* * *

Металлический короб полз вокруг лагеря, припадая к земле через каждые двадцать или тридцать шагов, как старушка. На месте каждой остановки оставляли по нескольку толстых подожженных поленьев. К вечеру кольцо костров замкнулось, и короб вернулся в лагерь.

— Ты готов, Раффи? — крикнул Брюс из короба.

— Да, босс.

Вместе с шестью хорошо вооруженными солдатами Раффи, быстро перебежав открытое пространство, присоединился к Брюсу, и они отправились на ночное дежурство.

К полуночи в коробе стало очень холодно — ветер дул вдоль реки, а привычного покрывала из облаков, которое удерживало дневное тепло у земли, в этот раз не было. Бойцы закутались в плащ-палатки, а Брюс и Раффи, прислонившись к металлическим стенкам короба, почти соприкасались плечами. Сквозь бойницы короба в свете звезд хорошо просматривались перила моста.

— Через час взойдет луна, — прошептал Раффи.

— Только четверть, но света прибавится, — согласился Брюс и стал всматриваться в темную щель у себя под ногами, где он сдвинул одну из балок.

— Может, посветите фонариком? — предложил Раффи.

— Нет. — Брюс покачал головой и переложил фонарик в другую руку. — Пока не услышу, что они рядом.

— А вдруг не услышите?

— Если балуба поплывут по реке и попробуют вскарабкаться на мост по опорам, мы их прекрасно услышим. С них будет капать вода.

— Канаки и его люди ничего не услышали, — возразил Раффи.

— Канаки и его люди не прислушивались, — сказал Брюс.

Некоторое время они сидели молча. Один из солдат тихонько захрапел, и Раффи, вытянув ногу в огромном ботинке, ткнул его в поясницу. Тот вскинулся и стал дико озираться.

— Как спалось? — елейным тоном спросил Раффи.

— Я не спал, — запротестовал солдат. — Я думал.

— Тогда не думай так громко, — посоветовал ему Раффи. — А то кажется, что ты пилишь мост пополам.

Медленно, как инвалид, прошли еще полчаса.

— Костры хорошо горят, — доложил Раффи, и Брюс, повернувшись, глянул сквозь бойницу в сторону лагеря, похожего сейчас на небольшой сад из ярко-оранжевых цветов.

— Да, до утра хватит.

Снова наступила тишина, слышалось только пение москитов и журчание реки вокруг опор моста.

«У Шермэйн мой пистолет, — вдруг вспомнил Брюс, и сердце забилось быстрее. — Надо было забрать». Он открепил штык от винтовки и,

проверив пальцем лезвие, засунул его за ремень. Винтовку можно и потерять в темноте, если начнется свалка, решил он.

— Боже, как есть хочется, — пробормотал Раффи.

— Ты и так толстый, — сказал Брюс. — Диета тебе не повредит.

Они продолжали ждать.

Керри смотрел в проем между балками. Ему рисовались расплывчатые фигуры, которые двигались в темноте, словно тени в морских глубинах. Внутри все сжалось, и он с трудом сдержал порыв посветить туда фонарем. Он сомкнул веки, давая глазам отдохнуть. «Сосчитаю до десяти и открою глаза», — решил он.

Пальцы Раффи сжали его руку. Тревога электрическим разрядом прошла по телу. Брюс распахнул глаза.

— Слушайте, — выдохнул Раффи.

В тишине раздавался дробный звук падающих на поверхность реки капель. Что-то ткнулось в мост, но так тихо, что Брюс скорее почувствовал, чем услышал.

— Явились, — прошептал Брюс. Протянув руку, он тронул за плечо сидящего рядом солдата, и тот напрягся.

Дыхание царапало пересохшее горло. Керри подождал, пока предупреждение передадут всем, и, передвинув винтовку на колени, нацелил дуло в проем. Он глубоко вздохнул, включил фонарик и направил луч вниз.

В прямоугольном проеме, как в раме, вспыхнула картина: черные нагие тела, влажные от воды, покрытые причудливыми татуировками. Прямо у ног Брюса возникло лицо — широкий лоб, неожиданно белые глаза и плоский нос. Длинное сверкающее лезвие ножа панга. А внизу переплетение черных тел, цепляющихся за опоры моста, как клещи за лапы зверя. Ноги, руки и блестящие торсы слились в один отвратительный организм, будто склизкое морское чудовище.

Брюс спустил курок. Приклад сильно ударил в плечо, а рыжая вспышка выстрела придала картине еще больше ужаса. Бесформенная масса тел всколыхнулась и задергалась, точно стая крыс, загнанных в пустой колодец. Туземцы прыгали в воду, вновь карабкались по опорам моста, корчась и извиваясь, когда их настигали пули.

У Керри закончились патроны, и он стал нащупывать в темноте новый магазин. Раффи и его солдаты, свешиваясь с перил, стреляли вниз, длинными очередями сметая тучи черных тел. Вспышки освещали лица и очерчивали силуэты бойцов на фоне темного неба.

— Они все лезут и лезут! — проревел Раффи. — Не пускайте их за перила!

Из проема у ног Брюса показались голова со сверкающими в свете фонаря глазами и верхняя часть черного туловища. В руках туземца блеснула панга. Он размахнулся, но Брюс успел отскочить, и лезвие просвистело в дюйме от его колена. Африканец выполз на мост и с оглушительным яростным ревом ринулся на Брюса. Тот со всей силы ткнул незаряженной винтовкой туземцу в лицо. Дуло через глаз вошло в голову дюйма на четыре и, упершись в кость, остановилось. Из лопнувшего глаза потекла бесцветная жидкость.

Брюс стал тянуть и поворачивать винтовку, пытаясь высвободить ее, но мушка застряла, как рыболовный крючок. Балуба уронил свой клинок и обеими руками схватился за дуло ружья. Он визжал и катался на спине по настилу моста, дергая головой при каждой попытке Керри освободить дуло.

В проеме показались голова и плечи следующего балуба. Брюс бросил винтовку, подобрал нож туземца и, перепрыгнув через корчащееся тело, обеими руками занес клинок над головой.

Балуба, зажатый в проеме, как в ловушке, не мог защититься. Он поднял голову и открыл рот. Керри замахнулся, словно собираясь рубить дрова, и вложил в удар все свои силы. На ноги Брюсу хлынул поток крови. Клинок переломился у самой рукояти и застрял в черепе туземца.

Тяжело дыша, Керри выпрямился и быстро огляделся. С одной стороны балуба лезли на мост через перила. Мокрая кожа поблескивала в свете звезд. На мосту лежал труп бойца со свернутой шеей. В руках солдат все еще крепко сжимал винтовку. Раффи и остальные отстреливались на другой стороне моста.

— Раффи! — крикнул Брюс. — Сзади! Лезут через перила!

Бросив бесполезную рукоять ножа, Керри побежал к телу солдата за винтовкой, но на него кинулся балуба. Брюс увернулся от клинка и, схватившись с туземцем, покатился вместе с ним по мосту. Скользкое, верткое тело противника воняло, как прогорклое масло.

Брюс нащупал нерв у туземца на локте и надавил что было силы. Балуба взвыл и выронил нож, который со стуком упал на деревянный настил. Одной рукой обхватив противника за шею, Керри потянулся за штыком. Туземец попытался вцепиться Брюсу в глаза и уже поцарапал ему нос, но Керри выхватил штык и, приставив к груди противника, всадил внутрь. Сталь заскрежетала по ребру, а балуба стал сопротивляться еще отчаяннее. Брюс повернул лезвие, а другой рукой запрокинул голову врага назад. Кончик штыка вонзился в промежуток между ребрами.

Плоть подалась, словно девственная плева, и штык вошел внутрь на всю длину. Туземец дернулся, и штык повернулся в руке Брюса.

Брюс не стал дожидаться смерти врага. Вытащив клинок из упругого тела, он встал на ноги. В этот момент Раффи сбросил в реку очередного туземца. Брюс вырвал винтовку из рук погибшего бойца и подбежал к перилам. Балуба сплошным потоком лезли на мост, нижние с криком подпирали верхних.

«Как из дробовика по воробьям на заборе», — мрачно подумал Керри и одной длинной очередью расчистил перила. Затем перегнулся и высадил оставшиеся патроны в опоры моста. Перезарядив винтовку, он понял, что все кончено: туземцы попрыгали в реку, и над поверхностью воды поплавками виднелись их головы. Керри огляделся. Трое солдат добивали штыками раненого балуба. Туземец жутко выл.

Брюс отвернулся.

Из-за деревьев показался серп луны, окруженный сиянием.

Керри зажег сигарету. Отвратительные звуки позади него стихли.

— Вы как, босс?

— Нормально. А ты, Раффи?

— Жажда замучила. Надеюсь, никто не опрокинул ящик.

«Всего четыре минуты от первого выстрела до последнего», — подумал Брюс. Вот что значит война: семь часов ожидания и скуки и четыре минуты безумия. Да и не только война. Вся жизнь такая.

Тут у него задрожали ноги, и к горлу подступила тошнота — запоздалая реакция.

— Что у вас происходит? — крикнули из лагеря. Брюс узнал голос Хендри. — Все в порядке?

— Атака отбита, — ответил Брюс. — Все нормально. Идите спать.

«А сейчас надо быстро сесть», — сказал он себе.

Кроме татуировок на щеках и лбу, лицо мертвого балуба ничем особенно не отличалось от лиц бамбала и бакуба, из которых в основном состоял отряд Брюса.

Брюс посветил на труп фонариком: тощие, но мускулистые руки и ноги, выпирающий от недоедания живот, уродливое тело. С отвращением Брюс снова направил луч на лицо: жесткие угловатые грани скул и черепа, приплюснутый нос, толстые губы оттянуты назад, обнажая остро заточенные, как у акулы, зубы.

Из темноты возник Раффи.

— Это последний, босс. Я сброшу его в реку.

— Ладно.

Сержант-майор с кряхтением нагнулся — и тело с плеском шлепнулось в воду. Раффи вытер руки о перила и сел рядом с Брюсом.

— Обезьяны, чтоб их… — В голосе Раффи звучала горечь межплеменного раздора, обычного для жителей Африки. — Вот избавимся от ооновцев, работенка еще та предстоит. Эти балуба надолго запомнят урок.

«И вот так всегда и везде, — подумал Брюс. — Иудеи и язычники, католики и протестанты, черные и белые, бамбала и балуба».

Он посмотрел на часы. До рассвета оставалось два часа. Нервная реакция на физическое насилие поутихла, и рука, державшая сигарету, больше не дрожала.

— Они больше сюда не сунутся, — сказал Раффи. — Ложитесь спать, я покараулю.

— Нет, спасибо. Я побуду с тобой. — Нервное возбуждение не отпускало, и сон не шел.

— Пива хотите?

— Спасибо.

Брюс потягивал пиво и смотрел на кольцо костров вокруг лагеря — красные пятна тлеющих углей. Керри знал, что Раффи прав: этой ночью балуба не вернутся.

— Как тебе свобода?

— В каком смысле, босс? — Вопрос поставил Раффи в тупик, и он вопросительно посмотрел на Брюса.

— Ну, после того, как бельгийцы ушли.

— Думаю, что хорошо.

— А если Чомбе сдастся центральному правительству?

— Этим сумасшедшим арабам? — зарычал Раффи. — Им только и нужно что наша медь. Придется им встать пораньше, чтобы ее заполучить. Тут мы в седле.

Великий поединок африканского континента: «Я в седле, попробуй меня вышибить!» Нет, искусство выживания заключается не в этике и не в политической доктрине, хотя именно так и считают наблюдатели в

Лондоне, Москве, Вашингтоне и Пекине. «Грядут большие перемены, — думал Брюс. — А уж если моя родина восстанет, то война за независимость Алжира покажется безобидной перебранкой старушек белошвеек».

26

Солнце уже взошло, и через поляну протянулись длинные тени. Брюс стоял около «форда» и разглядывал металлический короб на противоположном берегу.

Керри на секунду расслабился и позволил себе еще раз не спеша мысленно пробежаться по всем приготовлениям к переезду. Все ли сделано? Можно ли сделать еще что-то, что обеспечит большую безопасность?

Хендри с дюжиной солдат сидели в коробе на том берегу, готовые отразить внезапную атаку.

Шермэйн первой проедет мост на «форде». Потом пойдут грузовики — пустые, чтобы минимизировать опасность обрушения или ослабления несущих конструкций перед проездом цистерны. После этого Хендри в несколько ходок перевезет людей и багаж и разместит их в безопасности под брезентовой крышей. Последний грузовик пойдет сильно перегруженным. Это плохо, но неизбежно. Наконец, Брюс переедет мост на бензовозе — не из героизма, хотя это самое опасное из предстоящих мероприятий. Нет, эту работу Керри не мог доверить никому, даже Раффи. Пятьсот галлонов горючего — залог успешного возвращения домой. Брюс настоял на том, чтобы баки всех грузовиков заполнили под завязку, но в Мсапе все равно потребуется дозаправка.

Он посмотрел на Шермэйн, которая сидела за рулем «форда».

— Езжай на низкой передаче, медленно, но ровно. И не останавливайся!

Она спокойно кивнула и улыбнулась.

Брюс почувствовал прилив гордости при взгляде на нее, такую маленькую и милую, но выполняющую сегодня мужскую работу.

— Как доедешь, я пошлю следом грузовик. Хендри посадит в него шестерых своих людей, а потом вернется за следующей партией.

— Oui, monsieur Bonaparte![17]

— Сегодня ночью поплатишься за это, — пригрозил он. — Езжай.

Шермэйн отпустила сцепление, и «форд», подпрыгивая на неровной местности, выбрался на дорогу и, чуть прибавив скорость, въехал на мост.

Брюс задержал дыхание, но отремонтированная секция моста лишь слегка покачнулась и скрипнула.

— Слава Богу, — выдохнул он, следя, как Шермэйн подъезжает к коробу, а потом махнул темнокожему машинисту, сидящему за рулем грузовика. Тот широко улыбнулся, помахал в ответ, и грузовик тронулся с места.

С волнением глядя, как автомобиль въезжает на мост, Брюс заметил, что балки ощутимо просели и заскрежетали под весом машины.

— Не очень хорошо, — пробормотал он.

— Угу, — согласился Раффи. — Босс, пусть кто-нибудь другой поведет бензовоз.

— Мы это уже обсудили, — ответил Брюс, не поворачивая головы.

На другом берегу Хендри пересаживал своих солдат из короба в кузов грузовика. Короб медленно пополз обратно, к Брюсу и Раффи.

Брюс волновался все четыре часа, которые потребовались, чтобы перевезти на другую сторону четыре грузовика. Больше времени тратилось на перемещение короба туда-сюда — примерно по десять минут на ходку.

Наконец на северном берегу остались только пятый грузовик и цистерна. Брюс завел мотор бензовоза и, включив первую передачу, один раз просигналил. Водитель стоящего впереди грузовика махнул рукой и двинулся вперед.

Тяжело груженный автомобиль въехал на мост и добрался до середины. В кузове сидели двадцать человек. Доехав до отремонтированной части, грузовик замедлил ход.

— Езжай! Не останавливайся, черт побери! — закричал Брюс в бессильной ярости. Тупица водитель забыл об указаниях. Грузовик медленно полз вперед, и мост угрожающе проседал под его весом. Брезентовый кузов машины зашатался, и даже поверх рычания бензовоза Брюс слышал, как скрипят и стонут балки.

— Дурак, черт побери, вот дурак… — шептал Брюс, глядя, как мост разрушается от неверных действий неумелого водителя. Внезапно Керри почувствовал себя абсолютно не защищенным. Он надавил на газ, и бензовоз двинулся.

Впереди водитель грузовика запаниковал. Мотор взревел, задние колеса бешено закрутились, поднимая пыль, и одна из досок настила оторвалась. Грузовик прыгнул с места и почти влетел на южный берег.

Брюс нажал на тормоз и остановил бензовоз у самого моста. Он лихорадочно обдумывал ситуацию. Разумно было бы устранить поломку и только потом пробовать перевезти цистерну. Но это означает еще один день задержки. Никто ничего не ел со вчерашнего утра. Вправе ли он так искушать судьбу? Шансов пятьдесят на пятьдесят: орел — переедем, решка — провалимся в реку.

И тут все решилось само.

Из-за реки застрочил пулемет. Брюс вздрогнул и огляделся. К пулемету присоединились еще штук десять ружей, а мимо бензовоза пролетел снаряд. Стреляли по нему. Брюс ничего не понимал. Внезапно вокруг него все задвигалось и замельтешило, превращаясь в хаос.

В зеркале заднего вида что-то мелькнуло. Он тупо уставился в зеркало, потом резко повернулся на сиденье и посмотрел назад.

— Черт! — в ужасе выругался он.

Со всех сторон из леса сотнями выскакивали балуба и бежали к нему. Набедренные повязки из звериных шкур хлестали их по бедрам, в головных уборах качались перья, клинки панга сверкали на солнце. Стрела с тупым звуком ударила в бок бензовоза.

Брюс выжал газ и, крепко схватив руль, повел машину на мост. Среди грохота выстрелов раздавалось громкое улюлюканье и свист двух сотен балуба. Казалось, они совсем близко, и Керри снова взглянул в зеркало. От увиденного он чуть было не потерял голову и не опрокинул автомобиль. Один из балуба бежал всего в десяти шагах позади, защищенный корпусом бензовоза от ружейных выстрелов с южного берега. Туземец был так близко, что Брюс разглядел татуировки на лице и груди.

Усилием воли Керри заставил себя не давить слишком сильно на педаль газа и въехал на середину моста со скоростью двадцать миль в час, стараясь не думать о воплях сзади и о громе выстрелов впереди. Передние колеса коснулись новых балок, и они с громким скрипом, перекрывшим все остальные звуки, просели под машиной. Бензовоз продвинулся вперед. Под весом цистерны балки оглушительно затрещали, мост стал оседать, задние колеса закрутились впустую, и автомобиль накренился набок, уже не в состоянии ехать дальше.

Вдруг с резким щелчком лопнул один из канатов. Бензовоз завалился назад и, встав почти вертикально, начал сползать вниз.

«Выбирайся! — истерически завопил внутренний голос. — Выбирайся, цистерна падает!»

Брюс протянул руку к ручке дверцы, но в этот момент мост обрушился окончательно, и бензовоз скатился вниз.

Машину сильно тряхнуло, ноги Керри оказались прижатыми водительским креслом, а руки запутались в ремне винтовки. Бензовоз падал, и у Брюса возникло ощущение, что он на американских горках.

Захватывающее дух падение длилось всего секунду, а затем бензовоз ударился о воду и начал погружаться. В тот же момент звуки выстрелов и крики балуба приглушились. Через лобовое стекло виднелась холодная зеленая муть. Плавно покачиваясь, бензовоз шел ко дну.

— Господи, только не это! — воскликнул Брюс, пытаясь высвободить ноги. В ушах свистело и шипело, пузыри воздуха, уходящего из кабины, поднимались вдоль стекол серебристыми облачками. У него заложило уши — внутри салона росло давление. Он открыл рот и судорожно сглотнул: барабанные перепонки дрогнули, давление выровнялось, и боль прошла. Вода просачивалась через пол, струилась из-под панели. Кабину затапливало.

Брюс дергал ручку, толкал дверцу плечом, но ее заклинило. Он надавил всем телом, упершись ногами в пол, пока не почувствовал, что глаза вылезают из орбит. Дверь крепко зажало огромным давлением толщи воды.

«Лобовое стекло, — сообразил он. — Надо выбить лобовое стекло!»

Керри стал искать винтовку. Вода в кабине уже поднялась ему до пояса. Нащупав винтовку, Брюс вскинул ее на плечо и, придвинув дуло к стеклу, чуть было не выстрелил. Но рассудок воспротивился, и Керри понял, что стрелять опасно. Грохот выстрела в замкнутом помещении выбьет ему барабанные перепонки, осколки стекла полетят в глаза, а вода раздавит его. Брюс в отчаянии опустил винтовку и почувствовал, как паника сменяется осознанием поражения: он в ловушке, на глубине в пятьдесят футов, и выхода нет.

Ему пришло в голову направить винтовку на себя и ускорить неотвратимое, но он отверг эту идею. Нет, только не таким способом!

Брюс заставил мозг думать, с усилием вытащив себя из апатии в преддверии неминуемой смерти. Выход должен быть. «Думай! Думай, черт побери!»

Бензовоз все покачивался, еще даже не достигнув илистого дна. Сколько он под водой? Около двадцати секунд. Уже должен был опуститься на дно.

Если только… Брюс ощутил затеплившуюся внутри надежду. Цистерна! Ну конечно же! Огромная, почти пустая цистерна! Объем в пять тысяч

галлонов сейчас заполнен только на четыреста галлонов горючего. Значит, водоизмещение — почти восемнадцать тонн!

Словно в подтверждение его надежды, в ушах хлопнуло. Ага, давление падает! Бензовоз всплывал. Брюс уставился на зеленую воду за стеклом: серебристые облачка пузырьков уже больше не улетали вверх, а парили вровень с кабиной. Машина, преодолев первоначальный импульс, теперь всплывала с той же скоростью, что и пузырьки. Темно-зеленая вода постепенно бледнела и стала цвета ликера «Шартрез». Брюс рассмеялся — прерывисто, истерически — и тут же смолк, испугавшись этого звука.

Бензовоз вынырнул на поверхность, вода стекала по стеклам, сквозь которые Брюс разглядел неясные очертания южного берега. Керри дернул ручку, и на этот раз дверца распахнулась. Брюс еле устоял под напором хлынувшей в кабину воды. Одним быстрым взглядом он оценил обстановку. Бензовоз отнесло течением на двадцать футов от моста, ружейные выстрелы стихли, и балуба на северном берегу уже попрятались в джунгли.

Брюс погрузился в воду и поплыл к южному берегу, смутно слыша одобрительные крики своих солдат. Гребков через десять он понял, что будет непросто: тяжелые, намокшие ботинки и форма тянули ко дну. Он сбросил каску, потом попытался снять куртку, но она липла к рукам и груди, и прежде чем ему удалось от нее избавиться, он раза четыре погружался в воду с головой. В легкие попала вода, ноги устали и казались очень тяжелыми. А южный берег так далеко, до него еще добраться надо. Кашляя, Брюс сменил направление и поплыл против течения к мосту, чувствуя, как опускается под воду. Поднимать руку для очередного гребка становилось все тяжелее и тяжелее.

Что-то с тихим свистом врезалось в воду рядом с ним. Он не обратил внимания, внезапно потеряв интерес к окружающему миру — первое, что происходит, когда тонешь. Брюс не рассчитал вдох, нахлебался воды и, закашлявшись от боли в груди, стал барахтаться, глотая ртом воздух.

Еще что-то упало совсем рядом, и на этот раз он поднял голову: мимо проплыла стрела. И тут они стали сыпаться дождем. Стреляли туземцы, укрывшиеся в прибрежных зарослях. С тихим шорохом стрелы падали у самой головы. Брюс снова поплыл, упрямо держась против течения. Он плыл до тех пор, пока уже не мог поднимать руки над водой.

Керри посмотрел на мост — так близко, футах в тридцати. Однако это расстояние — все равно что тридцать миль. Не доплыть.

Падающие вокруг стрелы воспринимались уже не как источник опасности, а как досадная помеха. «Почему, черт побери, они не могут

оставить меня в покое? Я уже вне игры. Я просто хочу расслабиться. Я устал, ужасно устал».

Он перестал двигаться и почувствовал, как вода подбирается ко рту, а потом и к носу.

— Держитесь, босс! Я иду! — Возглас проник в его затуманенное сознание. Он шевельнул ногой, и еще раз его голова показалась на поверхности. Он взглянул на мост.

По мосту, словно огромный гиппопотам, галопом несся сержант-майор Раффараро — абсолютно голый, с огромным животом, толстыми ногами и весело подпрыгивающими гениталиями. Добежав до провалившейся секции, Раффи подтянулся на перилах. Стрелы градом сыпались вокруг него, жужжа, как разъяренные пчелы. Одна стрела ударилась о руку, но не вонзилась. Раффи дернул плечом, ринулся вниз и неуклюже плюхнулся в воду.

— Босс, где вы, черт побери?

Брюс прохрипел что-то, захлебываясь, и Раффи поплыл к нему, загребая воду огромными ручищами.

— Не наигрались еще, — проворчал он, добравшись до Брюса, и схватил его за волосы. — Некоторые так ничему и не учатся!

Продолжая барахтаться, Брюс почувствовал, как Раффи зажал его голову под мышкой и потащил сквозь воду. Иногда голова оказывалась на поверхности, и ему удавалось глотнуть воздуха, но чаще всего он находился под водой. В глазах мутилось, и Керри понял, что теряет сознание.

Он ударился головой обо что-то твердое, но был не в силах дотянуться туда рукой.

— Проснитесь, босс. Потом поспите, — загудел в ушах голос Раффи. Он открыл глаза и увидел рядом сломанный мост. — Да поднимайтесь же. Я вас не донесу наверх.

Раффи затащил его за опору моста, чтобы защититься от стрел, но сильное течение тянуло их назад. Совершенно ослабев, Брюс уронил голову набок, и волна захлестнула ему лицо.

— Ну же, очнитесь, — затряс его Раффи и вдруг хлестнул его по щеке. От неожиданности Брюс закашлялся, изо рта и носа хлынула вода вперемешку с рвотными массами. Керри конвульсивно согнулся, и его вырвало еще раз.

— Ну что? — не отставал Раффи.

Керри поднял из воды руку и вытер губы. Ему стало гораздо лучше.

— Нормально? Дойдете?

Брюс кивнул.

— Тогда пошли.

С помощью Раффи, который то тянул, то подталкивал его, Брюс вскарабкался на обвалившиеся в воду балки. Вода лилась с него ручьями, волосы прилипли ко лбу, а с каждым вздохом в груди булькало и хрипело.

— Послушайте, босс, как заберемся на самый верх, окажемся на открытой местности. Стрелы полетят — только уворачивайся! Рассиживаться будет некогда. Так что быстро перелезаем через перила и несемся сломя голову, понятно?

Брюс снова кивнул. Над головой тянулись доски настила. Одной рукой он схватился за стойку перил и повис, не в силах подтянуться.

— Держитесь, — буркнул Раффи и быстро перевалил через перила влажное блестящее тело.

Стрелы посыпались снова, одна вонзилась в балку в шести дюймах от лица Брюса. Его хватка стала ослабевать.

«Не могу больше, — подумал он, — сейчас упаду».

И тут Раффи крепко сжал его запястье и потянул вверх. Керри оказался подвешенным за руку в двадцати футах над шумно бурлящей водой.

Постепенно сержант-майор затащил его наверх. Брюс оцарапал грудь о деревянные перила, порвал рубашку и бесформенной кучей свалился на настил моста. Он смутно слышал ружейные выстрелы с южного берега, свист пролетающих мимо стрел и голос Раффи:

— Вставайте, босс!

Он почувствовал, как его поднимают и тянут куда-то. С трудом перебирая непослушными ногами, он заковылял вслед за Раффи. Стрелы больше не летали, а неустойчивые балки под ногами сменились твердой землей. Вокруг зашумели голоса, его схватили и уложили на спину на деревянный пол грузовика. Кто-то стал ритмично надавливать ему на грудную клетку, в горле заклокотала вода, откуда-то послышался голос Шермэйн. Брюс не мог понять, что она говорит, но от одного звука этого голоса появилось ощущение безопасности. Несмотря на затуманенное сознание, он понял, что ничего важнее ее голоса для него нет.

Его снова вырвало.

Постепенно он выходил из забытья.

— Хватит, — пробормотал он и перекатился на бок, отпихнув сержанта Жака, который надавливал ему на грудь. Он снова закашлялся. Шермэйн успокаивающе положила руки ему на плечи.

— Брюс, передохни.

— Нет! — Он резко сел. — Нужно выбираться отсюда.

— Никакой спешки, босс. Балуба все остались на том берегу. Между нами река, — прогудел Раффи.

— Откуда ты знаешь? — стал допытываться Брюс.

— Ну...

— Не знаешь! — оборвал его Керри. — На этом берегу запросто может быть еще сотня. — Он прокашлялся и продолжил: — Отъезжаем через пять минут, всем приготовиться.

— Хорошо, — сказал Раффи и собрался уходить.

— Раффи!

— Да, босс? — оглянулся сержант-майор.

— Спасибо.

Раффи смущенно улыбнулся:

— Да не за что. Мне все равно не мешало помыться.

— Приедем домой — я тебя угощу.

— Я не забуду, — предупредил его Раффи и вылез из грузовика. Брюс услышал, как он раздает приказания своим солдатам.

— Я думала, что потеряла тебя. — Шермэйн все еще обнимала его за плечи, и он наконец взглянул на нее.

— Девочка моя, ты от меня так просто не отделаешься, — заверил он ее, неожиданно почувствовав себя намного лучше.

— Брюс, я хочу... Я не знаю, как объяснить... — Не в состоянии найти нужные слова, она наклонилась и поцеловала его в губы.

Когда они отпрянули друг от друга, сержант Жак и два солдата все еще стояли рядом, восторженно улыбаясь.

— Теперь с вами точно все в порядке, капитан.

— Теперь да, — подтвердил Брюс. — Приготовьтесь к отъезду.

* * *

С пассажирского сиденья «форда» Брюс в последний раз оглянулся на мост: средняя, сделанная ими секция свешивалась в воду. Рядом с мостом на другом берегу лежали несколько мертвых балуба — как целлулоидные куклы. Ниже по течению на песок вынесло бензовоз. Он лежал на боку, наполовину зарывшись в грунт, и белая надпись «Шелл» ярко сияла на солнце. Река все так же текла сквозь джунгли, нависающие над водой по берегам.

— Давайте уедем отсюда, — сказал Брюс.

Шермэйн завела мотор, и колонна грузовиков, следуя за «фордом» через густые прибрежные заросли, скоро выехала на дорогу, идущую вдоль леса.

Брюс посмотрел на часы. Стекло запотело изнутри, и он поднес часы к уху.

— Черт, остановились. Сколько на твоих?

— Без двадцати час.

— Полдня потеряно, — проворчал Брюс.

— Доедем до Мсапы засветло?

— Нет. По двум причинам: во-первых, это очень далеко, а во-вторых, у нас недостаточно бензина.

— Что будем делать? — спросила она спокойно, потому что верила в него.

«Интересно, надолго ли ее хватит, — возникла у него циничная мысль. — Сначала ты бог, у тебя нет ни единой человеческой слабости. Ты совершенен по всем пунктам. А вот если ты хоть раз дашь промашку, весь мир рушится».

— Что-нибудь придумаем, — заверил он ее.

— Разумеется, — с готовностью согласилась она, и Брюс улыбнулся. Как ни странно, уверенность Шермэйн передалась и ему; он тоже поверил в свое всемогущество. «Да катись оно все, если, будучи влюбленным, ты не ощущаешь себя сверхчеловеком».

Он перешел на английский, чтобы двое солдат, сидящих сзади, ничего не поняли:

— Ты — лучшее, что было в моей жизни за тридцать лет.

— Ах, Брюс. — Она повернула к нему голову. Выражение ее лица, излучающего любовь и доверие, и сила его собственного чувства прожгли Брюса насквозь.

«Я сберегу эту любовь, — поклялся он. — Буду заботиться о ней и защищать от эгоизма и небрежности».

— Ах, Брюс, я так сильно люблю тебя. Утром, когда... Я думала, что потеряла тебя, когда машина упала в воду... — Она сглотнула, и ее глаза наполнились слезами. — Как будто погасло солнце — так стало темно и холодно без тебя.

Отвлекшись, она совсем забыла про дорогу — «форд» увело в сторону, и колеса задели край обочины.

— Эй, осторожнее! — воскликнул Брюс. — Хоть я тебя нежно люблю, но должен сказать, что как водитель ты никуда не годишься. Давай я поведу.

— Ты действительно хочешь?

— Да, остановись.

Медленно, приспосабливаясь к скорости громыхающих сзади грузовиков, они двинулись дальше. Дважды они проезжали покинутые жителями деревни балуба — полуразвалившиеся хижины и оставшиеся без ухода участки земли.

— Боже, как я голоден. Голова болит, а в животе как будто полно теплой воды, — пожаловался Брюс.

— Не думай, что ты один такой. Я еще никогда не сидела на такой строгой диете. Потеряла, наверное, килограмма два! И худею везде, но только не в нижней точке.

— Прекрасно, — сказал Брюс. — Мне она такой и нравится. Не смей там худеть. — Он оглянулся через плечо на двух солдат сзади. — Есть хотите? — спросил он по-французски.

— Mon Dieu![18] — воскликнул тот, что потолще. — Я сегодня ночью не засну, если лягу на пустой желудок.

— Надеюсь, до этого не дойдет. — Брюс стал осматривать придорожные заросли. Характер местности сменился за последние сто миль. — Похоже, здесь есть дичь. Я заметил следы на дороге. Смотрите в оба.

Высокие деревья стояли в отдалении друг от друга, а между ними все заросло травой. Ветви не переплетались, и сквозь них проглядывало небо. Временами попадались открытые поляны, поросшие болотной осокой, бамбуком и костяными пальмами.

— До наступления темноты еще полчаса. Может, на что-нибудь наткнемся.

В зеркало заднего вида Керри некоторое время созерцал колонну грузовиков. У них уже, наверное, кончается бензин, больше чем на полчаса езды не хватит. Хорошо, что они на открытой местности и до Мсапы осталось около восьмидесяти миль.

Он взглянул на датчик топлива — полбака. «Форд» еще протянет, даже если грузовики встанут. Ну конечно же! Вот и ответ: нужно найти хорошее место для лагеря, оставить людей и поехать на «форде» за подмогой. Без медленно ползущих грузовиков можно доехать до Мсапы за два часа. В здании станции должен был остаться телеграф, даже если оттуда все ушли.

— Остановимся по другую сторону ручья, — сказал Брюс и, переключившись на вторую передачу, пустил машину вниз по крутому склону.

Ручей оказался мелким — вода едва достигала середины колес. Брюс быстро прогнал «форд» по каменистому дну и, взобравшись на противоположный берег, снова въехал в лес.

— Смотрите! — крикнул один из солдат с заднего сиденья, и Брюс проследил направление его руки.

Совсем рядом с дорогой, тесно прижавшись друг к другу, стояли два старых черных буйвола — огромные, горбатые, со скорбно опущенными вниз рогами.

Керри ударил по тормозам, схватил винтовку и, резко толкнув дверцу плечом, выскочил наружу. Буйволы фыркнули, тряхнули головами и неуклюже побежали прочь. Брюс сначала выбрал того, что бежал впереди, и прицелился в шею. Чуть наклонившись вперед, чтобы противостоять отдаче, он выстрелил. Пуля с мягким чмокающим звуком вошла в тело животного. Буйвол замедлил бег, коренастые передние ноги подкосились, и он упал головой вперед.

Не снимая винтовки с плеча, а лишь слегка переместив прицел и раскачиваясь в такт бегу второго буйвола, Керри выстрелил снова. Бык с проплешинами на огромных боках покачнулся, теряя равновесие, но выровнялся и тяжело побежал дальше, напоминая гигантскую лошадку-качалку.

Брюс навел мушку на буйвола и выстрелил дважды подряд, целясь ниже, в сердце. Обе пули попали в цель — буйвол был близко, и раны хорошо виднелись на темной коже. Галоп перешел в шаг, голова зверя поникла, ноги стали заплетаться. Тщательно прицелившись в голову, Брюс выстрелил еще раз. Бык печально взревел и повалился на траву.

Грузовики встали позади «форда», из их кузовов выпрыгивали чернокожие солдаты. Радостно тараторя и обгоняя друг друга, они пронеслись мимо Брюса к поверженному буйволу.

— Прекрасная стрельба, босс, — восхитился Раффи. — Мне бы кусок потрохов размером с одеяло.

— Сначала развернем лагерь. — У Брюса в ушах все еще звенело от выстрелов. — Поставь грузовики в кольцо.

— Будет сделано.

Брюс подошел к буйволу и некоторое время смотрел, как солдаты вдесятером переворачивают его на спину и начинают свежевать. В складках кожи между телом и ногами гроздьями висели темно-фиолетовые клещи.

«А голова хороша, — отметил он, — по крайней мере сорок дюймов».

— Мяса много, капитан. Сегодня наедимся! — улыбнулся один из солдат, наклоняясь над тушей.

— Да, — кивнул Брюс и пошел обратно к машине.

Во время стрельбы обычно испытываешь невероятные ощущения: винтовка бьет тебя в плечо, а внутри все вздрагивает в радостном волнении. Но сегодня Брюс почему-то чувствовал вину и грусть, как после ночи с женщиной, которую больше не любишь.

Он залез в машину. Шермэйн сидела задумчивая, отстранившись от него.

— Они были такие большие и неуклюжие… Такие красивые, — сказала она тихо.

— Нам нужна еда. Я убил их не ради забавы, — сказал он и со стыдом подумал: «Многих я убил и для развлечения».

— Конечно, — согласилась Шермэйн. — Нам нужна еда.

Брюс съехал с дороги и просигналил остальным водителям следовать за ним.

27

Дальше все шло нормально. Аромат жареного мяса поднимался от полдюжины костров и плыл над лагерем. Темные верхушки деревьев выделялись на фоне усыпанного звездами неба. Уютно горели костры, слышался смех, ночные шорохи леса — звон насекомых и кваканье лягушек в ручье. Тарелка была полна жареной вырезкой, кусками печени, а на земле стояла бутылка пива из запасов Раффи. Легкий

прохладный ветерок отгонял москитов, а рядом на одеялах сидела Шермэйн.

Раффи подошел к ним, держа в одной руке бутылку, а в другой — прут с нанизанными на него кусками мяса, с которых капал сок.

— Еще пива, босс?

— Нет, хватит. — Брюс поднял руку. — Уже не лезет.

— Стареете, точно вам говорю. Мы с ребятами лопнем, но прикончим этого буйвола. — Он присел на корточки и сменил тон. — Баки пусты, босс. Во всех грузовиках, вместе взятых, не наберется и ведра горючего.

— Слей все из грузовиков, Раффи, и наполни бак «форда».

Раффи кивнул и откусил кусок мяса с конца прутика.

— Завтра утром первым делом мы с тобой поедем на «форде» к Мсапе. Остальные побудут здесь. Лейтенант Хендри остается за главного.

— Ты про меня? — От костра к ним подошел Уолли.

— Да, будешь командовать, пока мы съездим к Мсапе и вызовем помощь. — Брюс не смотрел на Хендри и с трудом сдерживался, стараясь не выдать своего отвращения. — Раффи, сходи за картой, пожалуйста.

Карту расстелили на земле и столпились вокруг. Раффи держал фонарь.

— Мы сейчас где-то здесь. — Брюс тронул черную линию дороги. — Примерно в семидесяти — восьмидесяти милях от Мсапы. — Он провел пальцем вдоль трассы. — Дорога туда и обратно займет часов пять, а если телеграф не работает, придется ехать дальше, пока не наткнемся на патруль или найдем еще какой-нибудь способ сообщить о нас в Элизабетвиль.

Почти параллельно с черной линией дороги и всего в двух дюймах от нее шла толстая красная линия северной границы Родезии. Уолли Хендри взглянул на нее, и глаза его сузились еще больше.

— Оставь здесь Раффи, а с тобой поеду я, — заявил Хендри.

— Раффи мне нужен в качестве переводчика — вдруг нам встретится кто-нибудь из местных.

«К тому же, — подумал Брюс, — не хочется лежать в канаве в пулей в голове, пока ты будешь ехать в Элизабетвиль».

— Согласен, — процедил Хендри и снова посмотрел на карту: до границы миль сорок, день ходьбы.

Брюс перешел на французский:

— Раффи, спрячь алмазы за панелью в своем грузовике. Так мы будем уверены, что за нами вышлют спасательную экспедицию, даже если до Элизабетвиля придется добираться самим.

— Давай на родном, пижон, — заворчал Хендри.

Раффи кивнул и ответил тоже на французском:

— Оставлю сержанта Жака, он их будет охранять.

— Нет! — сказал Брюс. — Никому ни слова.

— Хватит уже! — прорычал Хендри. — Я хочу знать, о чем вы говорите.

Керри снова заговорил по-английски:

— Отправимся завтра на рассвете.

— Можно мне с вами? — Шермэйн первый раз подала голос.

— Конечно, — ответил Брюс и коротко улыбнулся ей.

— Может, не стоит, босс? — сказал Раффи.

— Почему? — Керри почувствовал, как внутри закипает ярость.

— Ну... — Раффи замялся, а потом продолжил: — Понимаете, если мы с вами и леди уедем вместе в Элизабетвиль, в глазах моих парней это будет не очень хорошо выглядеть. Могут подумать, что мы не вернемся, ну, или что-то в этом роде.

Брюс задумался.

— Верно, — вмешался Хендри. — Пусть останется, как гарантия нам.

— Я не возражаю, Брюс, — сказала Шермэйн. — Об этом я и не подумала. Значит, остаюсь.

— За ней присмотрят сорок ребят, все будет хорошо, — заверил Брюса Раффи.

— Ладно, договорились. Мы недолго, Шермэйн.

— Пойду распоряжусь насчет бензина. — Раффи поднялся. — До утра, босс.

— А я съем еще мяса. — Уолли как бы между прочим подобрал с земли карту. — Иди поспи, Керри. Не ругайся и не кричи.

В гневе Брюс не заметил, что Хендри унес карту с собой.

Перед рассветом лил дождь. Брюс, лежа на заднем сиденье машины, прислушивался к стуку капель по металлической крыше — такой убаюкивающий звук, особенно когда лежишь в тепле и обнимаешь любимую женщину.

Шермэйн медленно потянулась и вздохнула, просыпаясь.

На завтрак были только бифштексы из мяса буйвола. Кофе кончился. Они быстро поели, и Брюс позвал Раффи.

— Ну что?

— Поедемте, босс.

Они залезли в «форд». Раффи заполнил собой почти все пространство рядом с Брюсом. Его каска сдвинулась на макушку, а винтовка высовывалась наружу там, где должно было быть ветровое стекло. Свои огромные ступни сержант-майор уверенно поставил на крышку ящика с пивом.

Керри повернул ключ в замке зажигания, и мотор взревел. Пока машина прогревалась, Брюс обратился к Хендри, который, облокотившись о крышу «форда», заглянул в окно:

— Мы вернемся во второй половине дня. Проследи, чтобы никто не уходил из лагеря.

— Ладно. — Хендри дохнул в лицо Брюсу несвежим с утра дыханием.

— Займи их чем-нибудь, иначе им станет скучно и они начнут драться.

Прежде чем ответить, Хендри тщательно обшарил глазами салон «форда» и выпрямился.

— Ладно, — повторил он. — Езжайте!

Повернув голову, Брюс улыбнулся Шермэйн, которая сидела на борту одного из грузовиков.

— Счастливого пути! — крикнула она, и Брюс отпустил сцепление. Машина рванула с места под громкие напутственные крики солдат, сидящих вокруг костров. В зеркало Керри увидел, как лагерь исчезает за поворотом. На дороге было полно луж, но облака уже рассыпались по всему небу.

— Как насчет пива, босс?

— Вместо кофе? — спросил Брюс.

— Для нутра ничего лучше не придумаешь, — проворчал Раффи и полез открывать ящик.

* * *

Уолли Хендри приподнял каску и почесал голову. Его короткие рыжие волосы, с коркой высохшего пота, были жесткими на ощупь, а над правым ухом виднелась еще не зажившая ссадина. Он провел по ней пальцем.

«Форд» скрылся за поворотом дороги, а вскоре стих и шум мотора.

«Ладно, значит, алмазов с собой они не взяли. Я хорошо все осмотрел. Наверняка оставили здесь. Девчонка должна знать. Э-э... Хотя нет, если спрошу, завизжит как резаная».

Хендри искоса взглянул на Шермэйн — она смотрела вслед уехавшему «форду».

«Сучка! Совсем обабилась, как Керри стал ее драть. Странные они, эти образованные — любят, когда у женщины маленькие титьки. Но задница у нее ничего. Хотел бы я сам ее полапать. А ведь неплохо было бы подгадить зазнайке Керри и поразвлечься с его красоткой. Хотя никаких шансов. Ниггеры думают, что он бог или что-то в этом роде. Посмей я ее хоть пальцем тронуть, меня тут же на куски разорвут. Все, забудь. Надо хватать алмазы и уходить к границе».

Хендри нахлобучил каску на голову и, как будто без всякой цели, направился к грузовику, который вел Раффи.

«Карта есть, компас тоже, пара лишних обойм не помешает. Дело за стекляшками».

Он забрался в кабину и открыл бардачок.

«Ставлю фунт против кучки дерьма, что камушки спрятаны где-то здесь. Они не волнуются — думают, что связали мне руки. Им и в голову не пришло, что старина Уолли может просто встать и уйти. Думают, я буду здесь сидеть и ждать, пока они приедут и сдадут меня этим ниггерам-полицейским, которые спят и видят заполучить себе в лапы белого. Ха, у меня для тебя сюрприз, сладкоголосый Керри!»

Он порылся в бардачке и захлопнул его.

«Ладно, значит, не здесь. Посмотрим под сиденьями. Граница не охраняется, за три-четыре дня доберусь до форта Роузбери, да еще и с полными карманами алмазов, вылечу оттуда в Ндолу, а затем махну куда хочу. Весь мир открыт! Вот уж заживу!»

Под сиденьями не обнаружилось ничего, кроме домкрата и разводного ключа. Хендри стал осматривать панель.

«Жалко, что придется расстаться с этим ублюдком Керри. У меня на него были планы. Как он мне надоел! Самодовольный, как петух. Дает понять, что ты кусок дерьма. Изысканная речь, смазливая рожа, мягкие ручки. Черт, как я его ненавижу!»

В ярости он содрал с пола коврики и закашлялся от пыли.

«В университете учился и думает, что особенный. Сукин сын. Надо было давно с ним разобраться. В ту ночь на мосту уже почти получилось. И никто бы не узнал, просто несчастный случай. Или в Порт-Реприве, когда он бежал через дорогу. Тоже мне герой. Герой-любовник. Спорю на что угодно, что у него все есть. Папаша небось все свои деньги ему отписал. Вот он и смотрит на тебя так, как будто ты выполз из груды отбросов».

Хендри вцепился в руль, сжимая зубы от раздирающей его ненависти, и уставился в окно.

Перед грузовиком прошла Шермэйн Картье, неся с собой полотенце и пластиковый мешочек с туалетными принадлежностями. На поясе висел пистолет.

Сидящий у костра сержант Жак встал и пошел ей наперерез. Они о чем-то заспорили, а потом Шермэйн тронула пистолет и рассмеялась. Жак нахмурился и с сомнением покачал головой. Девушка с улыбкой отвернулась от него и пошла по дорожке к ручью. Ее волосы, перехваченные у шеи лентой, струились по розовой рубашке, а кобура пистолета раскачивалась в такт походке и привлекала внимание к бедрам. Шермэйн спустилась вниз по берегу и исчезла из поля зрения.

Уолли Хендри ухмыльнулся и облизнул губы быстрым острым языком.

— Замечательно, — прошептал он. — Даже если бы они неделю думали, не смогли бы придумать ничего лучше.

Он с удвоенным рвением принялся за поиски алмазов. Засунув руку за панель, он наткнулся на связку холщовых мешочков, висящих между проводами.

— Идите к дяде Уолли. — Он сдернул связку и, положив на колени, стал изучать содержимое мешочков. В третьем оказались ювелирные алмазы.

— Черт подери, — прошептал Хендри, любуясь мерцанием в холщовой глубине. Затянув тесемку, он засунул мешочек в карман куртки и застегнул клапан. Остальные мешочки он затолкал под сиденье, взял винтовку и вылез из машины.

Три или четыре солдата подозрительно посмотрели на него. Проходя мимо них, Хендри потер живот и скривил лицо.

— Слишком много мяса вчера съел!

Солдат, понимавший по-английски, рассмеялся и перевел остальным. Все захохотали, и один из бойцов воскликнул что-то на своем языке. Хендри не понял и пошел дальше. Они все смотрели ему вслед.

Как только лагерь пропал из виду, Уолли повернул и быстро побежал к ручью.

— Сейчас начнется самое интересное!

Он громко рассмеялся.

29

В пятидесяти ярдах от брода, где дорога пересекала ручей, ниже по течению Шермэйн нашла мелкую заводь, поросшую по краям камышами с пушистыми головками и выходящую на небольшой пляж с чистым белым песком и черными, гладко отполированными валунами. Вода в заводи была теплая и такая прозрачная, что Шермэйн сумела рассмотреть стайку мальков, кормившихся водорослями у самого дна.

Стоя босиком на песке, она осторожно огляделась, но заросли камышей скрывали ее со всех сторон. К тому же она попросила Жака никого не пускать к ручью. Шермэйн разделась, сбросив одежду на один из валунов, с куском мыла в руке вошла в воду и села на приятное песчаное дно так, что вода доходила ей до шеи. Сначала она вымыла голову, а потом спокойно легла и стала нежиться в воде, ласкающей ее, как шелк. Осмелевшие рыбки подплыли к ней и стали тыкаться в кожу, щекоча. Она вздрогнула и отогнала их.

Ополоснув голову, Шермэйн с закрытыми глазами вышла на берег и наклонилась за полотенцем. Внезапно Уолли Хендри зажал ей рот и обхватил сзади за талию.

— Пискнешь — шею сверну, — хрипло прошипел он ей в ухо. Она чувствовала его дыхание — теплое и вонючее. — Представь, что я твой ненаглядный Брюс, и все будет хорошо. — Хендри ухмыльнулся.

Его рука скользнула вниз по бедру, и Шермэйн, словно пораженная током, стала отчаянно сопротивляться. Посмеиваясь, Хендри легко ее удерживал.

В какой-то момент палец Хендри случайно попал в раскрытый рот девушки. С силой сжав зубы, она почувствовала, как треснула кожа. Рот наполнился вкусом крови.

— Ах ты, сука!

Хендри отдернул палец и ударил ее кулаком по лицу. Голова Шермэйн откинулась в сторону. Закричать она не смогла, и Уолли ударил ее снова.

Девушка упала на песок. Оглушенная ударами, она не могла поверить в то, что происходит, а Хендри всем телом навалился на нее и стал коленом грубо раздвигать ей бедра. Шермэйн снова начала сопротивляться, пытаясь увернуться от его губ и кислого дыхания.

— Нет, нет, нет, — повторяла она, вертя головой и крепко зажмурившись, чтобы не видеть нависающего над ней лица. Хендри был сильнее, намного сильнее. — Нет! — еще раз крикнула она. И потом: — А-а-а… — от боли, жгучей, резкой боли внутри и тяжелого тела сверху.

Казалось, этот бешеный, рычащий, дергающийся кошмар будет длиться вечно. Шермэйн чувствовала запах Уолли, его вонючий пот капал на ее запрокинутое, незащищенное лицо. Внезапно все прекратилось, и она открыла глаза.

Со скучающим выражением на лице Хендри стоял над ней, застегивая брюки. Он вытер рот тыльной стороной ладони, и она увидела, что у него дрожат пальцы. Когда он заговорил, голос прозвучал устало и равнодушно.

— У меня было и получше.

Шермэйн быстро перекатилась на живот и протянула руку к пистолету, лежащему на ее одежде. Хендри наступил ногой ей на руку, и она застонала, почувствовав, как прогибаются кости под его весом. Несмотря на боль, она прошептала:

— Ты свинья, грязная свинья…

Он снова ударил ее, на это раз открытой ладонью, и Шермэйн упала на спину.

Хендри подобрал пистолет и, высыпав патроны на песок, зашвырнул оружие в заросли камышей.

— Передай Керри, что, так уж и быть, я с ним тобой поделюсь, — сказал он и пошел прочь.

Белый песок сахарной глазурью покрывал ее влажное тело. Шермэйн медленно села, придерживая руку. Лицо начинало гореть в том месте, где Хендри ее ударил. Она тихо заплакала, дрожа всем телом, и слезы склеили ее длинные темные ресницы.

30

Раффи взял в руку бутылку и с сожалением осмотрел ее.

— Еще один глоток, и она пуста. — Он вышвырнул бутылку в окно. Она ударилась о дерево и с тихим хлопком разбилась.

— По пустым бутылкам мы всегда сможем найти дорогу назад, — улыбнулся Брюс, не переставая удивляться тому, сколько в Раффи влезает. Похоже, место еще оставалось. Сержант-майор наклонился за очередной бутылкой пива, и его живот расползся по коленям.

— Сколько мы уже проехали, босс?

Брюс посмотрел на датчик пробега:

— Восемьдесят семь миль.

Раффи кивнул:

— Неплохо. Скоро будем на месте.

Они помолчали. В разбитое лобовое стекло дул ветер. Трава, растущая посередине колеи, тихо шуршала по днищу машины.

— Босс... — наконец прервал молчание Раффи.

— Да?

— Я про лейтенанта Хендри и алмазы. Думаете, мы правильно сделали, что оставили его в лагере?

— Он в ловушке посреди джунглей. Даже если он найдет алмазы, пользы они ему не принесут.

— Надеюсь, что так. — Раффи отхлебнул пива и продолжил: — Имейте в виду, он из тех, в ком нельзя быть уверенным. — Он постучал себе по голове пальцем, толстым и черным, как кровяная колбаса. — У него с головой не в порядке. Он сумасшедший араб.

Брюс мрачно фыркнул.

— Надо вам быть с ним осторожнее, босс, — подвел итог Раффи. — Он в любой момент может попытаться с вами разделаться. Я вижу, он готовится. Говорю же, сумасшедший араб.

— Я послежу за ним, — сказал Брюс.

— Постарайтесь.

И опять они замолчали, слушая свист ветра и гудение мотора.

— Вон железная дорога. — Раффи указал на насыпь из серо-голубого щебня, видневшуюся среди деревьев.

— Почти на месте, — сказал Брюс.

Они миновали еще одну поляну, и над деревьями показалась водонапорная башня станции Мсапа.

— Приехали, — сказал Раффи и допил содержимое бутылки, которую держал в руке.

— Давай молиться, чтобы телеграф работал, а в Элизабетвиле у аппарата сидел бы телеграфист.

Брюс медленно вел машину вдоль ряда домов. Они были такими же, какими он их помнил, — жалкие и брошенные. Он увидел два маленьких холмика земли под кассиями, и губы его сжались в тонкую линию. Раффи смотрел туда же, но тоже не сказал ни слова.

Керри остановил «форд» у здания станции. Они вылезли и пошли на террасу. Ботинки глухо стучали по деревянному полу. Брюс распахнул дверь и заглянул внутрь. Скучно-зеленые стены, по полу разбросаны бумаги, ящики единственного стола выдвинуты, на всем толстый слой пыли.

— Вот он, — сказал Раффи, ткнув пальцем в деревянное, с медными отполированными деталями, сооружение — телеграфный аппарат, стоящий на столе у противоположной стены.

— На вид исправный, — сказал Брюс. — Если только линии не срезаны.

Как будто чтобы успокоить его, телеграф застрекотал, как пишущая машинка.

— Слава Богу, — выдохнул Брюс.

Они подошли к столу.

— Вы знаете, как им пользоваться? — спросил Раффи.

— В некотором роде, — ответил Брюс, поставил винтовку к стене и облегченно вздохнул, увидев прикрепленную липкой лентой к стене над аппаратом таблицу с азбукой Морзе. Керри не пользовался ею со скаутских времен.

Положив руку на ключ, он просмотрел таблицу. Позывной Элизабетвиля — «ЭЛ». Неуклюже отстучав, Керри стал ждать. Почти сразу же застрекотал ответ, но слишком быстро и неразборчиво, а бумага в аппарате закончилась. Брюс снял каску и тщательно набил: «Передавайте медленно».

Дело продвигалось медленно из-за просьб повторить. Через раз шло «не понял», но в конце концов Брюс добился того, что оператор на том конце сообразил, что передают срочное сообщение для полковника Франклина из администрации президента Чомбе.

— Ждите, — последовал лаконичный ответ.

И они стали ждать. Ждали час, два.

— Этот придурок про нас забыл, — проворчал Раффи и пошел к «форду» за пивом. Брюс нервно сжимал спинку стула. Он еще раз обдумал все свои доводы в пользу того, чтобы Хендри остался главным в лагере, и снова пришел к выводу, что все в порядке. От Уолли не может быть никакого вреда. Если только Шермэйн… Нет, это невозможно, ее охраняют сорок верных солдат.

Он начал думать о Шермэйн и о будущем. В цюрихском банке лежит жалованье капитана-наемника за год. Он перевел его из франков в фунты — получилось около двух с половиной тысяч. «Года на два хватит; можно снять домик в горах, там красиво, снежно в это время года. А уж потом и за дело возьмусь», — подумал Брюс и улыбнулся. Снег, хрустящий, как сахар, а на постели пуховая перина в двенадцать дюймов толщиной. В жизни снова появился смысл и направление.

— Над чем вы смеетесь, босс? — спросил Раффи.

— Я думал о постели.

— Да, хороший предмет для раздумий. В ней мы начинаем жизнь, в ней мы рождаемся, в ней мы проводим большую часть жизни, в ней мы развлекаемся и, если повезет, в ней и умираем. Хотите пива?

Телеграф ожил.

«Франклин — Керри», — простучал аппарат. Брюс представил жилистого краснолицего человечка на том конце провода. Бывший майор третьей бригады легиона, один из основателей ОАС, за голову которого была назначена кругленькая сумма за покушение на де Голля.

«Керри — Франклину, — стал выстукивать Брюс. — Локомотив разбит. Моторизованный транспорт стоит без горючего. Дорога на Порт-Реприв. Примерные координаты…» Он считал их с листочка, куда перед этим записал.

Долгая пауза, и затем: «При вас ли собственность «Юнион миньер»?» Вопрос был сформулирован деликатно.

«Так точно», — заверил его Брюс.

«В ближайшем будущем ждите помощи с воздуха. Конец связи».

«Вас понял. Конец связи». Брюс выпрямился и облегченно вздохнул.

— Все, Раффи. Горючее доставят самолетом. Может быть, завтра утром. — Он посмотрел на часы: — Без двадцати час, пора назад.

Брюс тихо мурлыкал себе под нос, глядя на бежавшую впереди колею и лишь слегка прикасаясь к рулю.

Он был доволен. Все закончилось. Вечером надо будет разметить поле, и завтра на желтых парашютах им сбросят горючее. А десять часов спустя они уже будут в Элизабетвиле.

Пара слов с Карлом Энгельбрехтом — и он тем же самолетом вывезет Брюса и Шермэйн из Конго. Потом в Швейцарию, в домик, где с карниза свешиваются сосульки. Хорошенько отдохнуть, а потом подумать, чем заняться. В Луизиане римско-голландское право или кодекс Наполеона? Надо будет пересдать экзамены, но такая перспектива не пугала, а радовала. Сейчас все было в радость.

— Никогда не видел вас таким счастливым, — прогудел Раффи.

— Никогда не было повода, — в тон ему ответил Брюс.

— Шермэйн — замечательная девушка. И совсем молоденькая — можете ее многому научить.

Брюс уже хотел огрызнуться, но передумал и рассмеялся.

— Решили ее к себе взять, босс?

— Возможно.

Раффи кивнул с мудрым видом:

— У человека должно быть много жен. У меня три. Надо еще парочку.

— Я и с одной-то с трудом управлюсь.

— С одной трудно. С двумя полегче. С тремя можно расслабиться. А четыре уже так заняты друг другом, что не доставляют тебе никаких хлопот.

— Надо попробовать.

— Конечно.

Впереди за деревьями показалось кольцо грузовиков.

— Ну вот мы и дома, — сказал Раффи и вдруг беспокойно заерзал. — Что-то стряслось.

Бойцы стояли, сбившись в группы. Чувствовалось напряжение и тревога. Двое побежали навстречу машине. Они что-то говорили, но Брюс пока не слышал.

Ужасное предчувствие, холодное и тяжелое, заполонило все его существо.

Поравнявшись с «фордом», запинаясь и перескакивая с одного на другое, сержант Жак пытался рассказать Брюсу, что случилось.

— Лейтенант Хендри... ручей... Мадам... Ушел... — Французские слова, как плавучие бревна, вырывались из потока местного наречия.

— Ваша девушка, — перевел Раффи. — Хендри ее...

— Убил? — Вопрос сам собой слетел у Брюса с губ.

— Нет. Он ее... Ну, вы понимаете...

— Где она?

— В кузове грузовика.

Керри тяжело выбрался из машины. Все замолчали и сгрудились вместе, не глядя на него. Брюс медленно пошел к грузовику, чувствуя холод и беспомощность. Ноги двигались механически. Он отдернул заднее полотнище брезентового кузова и, подтянувшись, залез внутрь. Глазам было сложно привыкнуть к полумраку, и он пробирался медленно.

Завернутая в одеяло, Шермэйн лежала в углу, маленькая и неподвижная.

— Шермэйн... — Брюс осекся. — Шермэйн, — повторил он и опустился перед ней на колени. Щека девушки покраснела и распухла. Не поворачивая головы, Шермэйн продолжала смотреть на брезентовый потолок. Керри дотронулся до ее лица — кожа была холодная, как ужас, сковавший его изнутри. Он отдернул руку. — Шермэйн.

На этот раз в ответ раздалось чуть слышное всхлипывание. Глаза Шермэйн — огромные, полные страха — посмотрели на него невидящим взглядом.

— О Боже! — воскликнул Брюс, прижимая к груди хрупкое безвольное тело. Сердце ее билось ровно и четко.

Керри откинул одеяло. Крови не было.

— Милая моя, ты не ранена? Скажи, ты не ранена?

Шермэйн молча лежала в его объятиях, не видя его.

— Шок, — прошептал Брюс. — Это просто шок.

Он расстегнул на ней рубашку и нежно ощупал белое гладкое тело. Кожа была липкая и влажная, но повреждений никаких. Он снова завернул ее в одеяло и осторожно положил на пол.

Керри выпрямился. Холод внутри теперь горел, будто сухой лед.

Раффи и Жак ждали его снаружи.

— Где он? — тихо спросил Брюс.

— Ушел.

— Куда?

— Туда. — Жак указал на юго-восток. — Я прошел по следам.

Брюс подошел к «форду» и взял с пола винтовку. Открыв бардачок, он вынул оттуда две запасные обоймы.

Раффи пошел за ним.

— У него алмазы, босс.

— Да, — сказал Брюс и проверил заряд винтовки. Алмазы уже не имели значения.

— Вы за ним, босс?

Керри не ответил и посмотрел на небо. Солнце склонялось к горизонту, а вокруг него собирались тучи.

— Раффи, останься с ней, — тихо сказал он. — Смотри, чтобы она не мерзла.

Сержант-майор кивнул.

— Кто здесь лучший следопыт?

— Жак. Он до войны работал на сафари.

Брюс повернулся к Жаку. Щупальца холода протянулись ко всем клеточкам тела и доползли до сознания.

— Когда это случилось?

— Примерно через час, как вы уехали, — ответил Жак.

Прошло восемь часов. Большой разрыв.

— Бери след, — тихо сказал Брюс.

31

След каблуков Хендри глубоко отпечатался в земле, размягченной ночным дождем, так что погоня продвигалась быстро.

Наблюдая за работой Жака, Брюс ощутил, что волнение спадает. Следы были так хорошо различимы, что никаких особых умений не требовалось, но, судя по всему, сержант хорошо знал свое дело и

двигался быстро, плавно и сосредоточенно, согнувшись почти пополам, иногда вскидывая голову, чтобы уточнить направление, и время от времени наклоняясь и прикасаясь к земле, чтобы определить ее состояние.

Через лес, заросший пучками травы, держась строго на юго-восток, Хендри вел их прямиком к родезийской границе. После первых двух часов погони Брюс понял, что они не нагоняют беглеца. Хендри все так же опережал их на восемь часов, а при его скорости это означало около тридцати миль.

Брюс оглянулся. Солнце просвечивало сквозь щель между двумя огромными грядами дождевых облаков. Все, что может задержать погоню, — время и дождь.

Время... До наступления темноты оставалось часа два, а потом придется остановиться.

Дождь... Огромные черно-синие тучи наливались влагой. Несколько раз внутри их вспыхнула молния, а через десять секунд гремел гром. Если ночью еще раз прольется дождь, след размоет совсем.

— Надо поторапливаться, — сказал Брюс.

Сержант Жак выпрямился и посмотрел на Брюса, как на незнакомца. Он совершенно забыл о его существовании.

— Земля твердеет. — Жак показал след. Почва стала более плотной и песчаной, и каблуки Хендри уже не пробивали корку. — Бесполезно идти по такому следу.

Брюс снова оглянулся на угрожающую громаду туч.

— Рискнем, — решил он.

— Как скажете, — проворчал Жак, перевесил винтовку на другое плечо, подтянул ремень и поглубже нахлобучил каску.

— Allez![19]

Они побежали рысцой по лесу на юго-восток. На протяжении мили тело Брюса двигалось как будто само, подчиняясь ритму, а сознание было занято совсем другим.

Он думал о Уолли Хендри: снова увидел его маленькие глазки, полускрытые одутловатыми веками, тонкие и безжалостные губы, отвратительную рыжую щетину на подбородке. Брюс почти чувствовал его запах, и ноздри задергались, вспомнив, как мерзко воняет этот рыжеволосый подонок. «В грязном теле — грязная душа, — подумал

он. — Есть что-то еще. — Внезапно Брюс улыбнулся: — Ну конечно, зубы, похожие на волчьи».

Ненависть к Уолли Хендри переполнила Керри, сдавливая горло, покалывая кончики пальцев и придавая силу ногам. Впрочем, пальцы покалывало не только от ненависти, но и от волнения.

«Какая сложная штука — человек, — рассуждал Брюс. — Он никогда не может испытывать только одно чувство, к нему примешиваются и другие, смазывая картину. Вот я сейчас охочусь за тем, кого люто ненавижу, и получаю от этого удовольствие. И что такое ненависть по сравнению с возбуждением от охоты на самую опасную и хитрую дичь! Мне всегда нравилась погоня. Это сидит во мне с самого рождения — во мне течет кровь тех, кто охотился и сражался за саму Африку. Охота на этого мерзавца принесет мне удовольствие. Уж если кто и заслужил смерти, то это Уолли Хендри. Я истец, судья и палач в одном лице».

Сержант Жак остановился так резко, что Брюс налетел на него и оба чуть не упали.

— Что такое? — спросил Брюс, придя в себя.

— Смотрите!

Земля впереди была вся разбита и вытоптана.

— Зебра, — простонал Брюс, узнав круглые нераздвоенные копыта. — Черт побери!

— Большое стадо, — подтвердил Жак. — Шло на пастбище.

Следы шли широкой полосой, полностью затоптав след Хендри.

— Нужно двигаться вперед, — дрожа от нетерпения, заявил Брюс. Он повернулся к ближайшему деревцу и, тихо чертыхаясь, словно вымещая на нем свою досаду, подрубил его штыком, отметив конец следа. — Всего час до заката, — прошептал он. — Господи, хоть бы до темноты снова взять след.

Сержант Жак двинулся вперед, примерно держась курса и тщетно пытаясь разглядеть хоть один след ботинка среди хаоса, сотворенного тысячью копыт. Брюс поспешил за ним. Они шли зигзагами, то сходясь, то расходясь на сто ярдов.

Вот он! Брюс опустился на колени. Очертания ботинка, почти затоптанные старым жеребцом. Керри тихо свистнул, и Жак быстро подошел к нему.

— Да, здесь он отклонился вправо. — Сержант поднял голову и прищурился, мысленно отметив дерево прямо по курсу следа.

— А вот и стадо. — Брюс указал на серый силуэт между деревьями.

— Они нас почуяли.

Зебра фыркнула, послышался дружный топот копыт. С такого расстояния полоски были не видны, и зебры больше напоминали толстых серых пони. Они ускакали прочь, подняв уши и размахивая черными гривами. Стадо быстро исчезло в лесу, и все звуки стихли.

— Хорошо, что бежали не по следу, — пробормотал Брюс и затем добавил с горечью: — Черт их побери, этих тупых ослов! Потеряли из-за них целый час.

Спеша опередить время, они отчаянно разыскивали след. Солнце уже опустилось за лес, повеяло прохладой коротких африканских сумерек. Еще пятнадцать минут, и стемнеет.

Внезапно лес кончился, и они вышли на край солончака-влея. Огромное поле с травой по пояс, со всех сторон окруженное джунглями, простиралось вдаль мили на две, утыканное редкими группками костяных пальм с грациозными стволами и неряшливыми пучками листьев на верхушке. На краю поля суетилась стая цесарок, вдалеке темной неровной массой паслось стадо буйволов, а над ними кружились белые цапли.

В стороне от поля над лесом высился трехсотфутовый гранитный холм. Скопление огромных глыб камня с отвесными сторонами и плоскими верхушками напоминало разрушенный замок. Низкое солнце освещало его сбоку теплым оранжевым светом.

Брюсу было некогда восхищаться пейзажем. Он не отрывал взгляда от земли в поисках следов Хендри. Слева от него Жак резко свистнул, и Керри с возбужденно колотящимся сердцем подбежал к присевшему на корточки следопыту.

— Ушел в сторону. — Сержант показал на цепочку отпечатков на краю поля, отчетливо проступающих на серой песчаной почве в последних лучах солнца.

— Слишком поздно, — вздохнул Брюс. — Черт побери этих зебр.

Быстро угасающий свет казался сценическим эффектом.

— За ним. — Голос Брюса был резким от беспомощного отчаяния. — За ним, сколько сможем.

— Мы его потеряем, если пойдем дальше.

— Ладно.

Керри покорно и устало спустил с плеча винтовку. Уолли Хендри опережал их миль на сорок, и даже больше, если пойдет ночью. След остыл. Будь это обычная охота, Брюс давно бы прекратил погоню. Он посмотрел на небо. На севере сияли крупные желтые звезды, но над головой и дальше к югу небо было все в черных тучах.

— Хоть бы не было дождя, — прошептал он. — Господи, прошу тебя…

Ночь оказалась длинной. Брюс проспал два часа, а потом проснулся от осознания своей ненависти. Он лежал на спине и смотрел на темное, затянутое грозовыми тучами небо, на котором лишь кое-где виднелись звезды.

— Дождя не будет, дождя не будет, — повторял он, как молитву, глядя на небо и словно пытаясь силой мысли сдержать стихию.

В лесу охотились львы. На рык самца ответили две самки. Хищники настигли добычу прямо перед рассветом, и Брюс, лежа на твердой земле, слушал звуки борьбы. Затем все стихло — львы приступили к трапезе.

«Дай мне удачи. Я не часто прошу о милости, Господи, но подари мне этот шанс. Я прошу не только за себя, но и за Шермэйн и других…»

Он снова увидел двух детей, лежащих на дороге — там, где Хендри застрелил их. По щеке мальчика были размазаны кровь и шоколад.

«Хендри заслужил смерти, — взмолился Брюс, — поэтому прошу тебя, пусть не будет дождя».

Ночь прошла, наступили предрассветные сумерки — серые, мрачные, с низко висящими тучами.

— Ну как? — в двадцатый раз спросил Брюс.

Жак, сидевший на корточках у следа, поднял голову.

— Можем попробовать.

Они медленно двинулись вперед. Сержант, согнувшись пополам, близоруко всматривался в землю; Брюс шел за ним, горя нетерпением, и через каждые десять шагов вскидывал взгляд на серую пелену облаков.

Рассвет разгорался, и теперь их поле зрения увеличилось с шести футов до стольких же ярдов, а потом и до сотни. Они уже различали растрепанные верхушки костяных пальм.

Жак побежал трусцой. Впереди виднелся противоположный край поля и лес, ярдах в двухстах за которым возвышался гранитный холм, в утреннем свете как никогда похожий на замок с башнями и отвесными

стенами. В его очертаниях было что-то зловещее, и Брюс поспешно отвел взгляд.

Холодная и тяжелая, первая капля дождя шлепнулась Брюсу на щеку.

— О Господи! — простонал он и остановился.

Жак выпрямился и тоже посмотрел на небо.

— Все кончено. Через пять минут никаких следов не останется.

Еще одна капля упала Брюсу на лицо, и он с трудом сдержал злые слезы, покалывающие веки.

Дождь пошел сильнее, капли забарабанили по стальной каске и плечам.

— Быстрее, — крикнул Брюс, — пройди еще хоть сколько-нибудь!

Внезапно Жак отшатнулся, словно от удара невидимым кулаком. Каска слетела у него с головы, а сам он упал. Винтовка громко стукнула о еще твердую землю.

В тот же момент Брюс почувствовал, как мимо него, разрывая воздух, пролетела пуля, так что рубашку прижало к груди, а в ушах раздался треск. Керри в замешательстве смотрел на сержанта Жака, который лежал, раскинув руки. Выстрел снес полчелюсти, обнажив кость, по которой стекала кровь. Тело дергалось в конвульсиях, а руки вздрагивали, как крылья пойманной птицы. Сквозь шум дождя до Керри донеслось щелканье затвора винтовки.

Хендри! Он залег на холме!

Брюс отпрыгнул в сторону и бросился к лесу.

32

Уолли Хендри лежал на животе на плоской верхушке одной из «башен». Он окоченел после ночного холода, ему было жестко лежать на гранитной глыбе, но все эти неудобства почти не проникали в его сознание. Он выстроил низкий бруствер из обломков гранита и прикрыл его снаружи ветвями ракитника.

Винтовка опиралась на парапет, а рядом Уолли сложил запасные обоймы.

Он лежал в засаде со вчерашнего вечера. Светало, через несколько минут он увидит все поле целиком.

«Давно можно было переправиться через реку, уйти миль на пятьдесят отсюда», — думал он, даже не пытаясь понять, отчего он лежит здесь неподвижно вот уже двадцать часов.

«Ха! Я знал, что Керри придет. Ишь ты, следопыта-ниггера с собой прихватил. Эти образованные так любят бред типа “один на один”».

Хендри ухмыльнулся, вспомнив, как вечером заприметил две маленькие фигуры, выходящие из леса в угасающем свете заката.

«Ублюдок провел ночь вон там, посреди солончака. Зажигал спичку, прикуривал. Что ж, надеюсь, получил удовольствие от своей последней сигареты».

Уолли нетерпеливо вглядывался в предрассветные сумерки.

«Они, наверное, уже идут по влею. Надо их достать, пока снова не зашли за деревья».

Внизу под ним расстилалось поле — бледное, как пятно проказы, на фоне темного леса.

«Сукин сын!»

Внезапно к Хендри вернулась его ненависть.

«Уж на этот раз он не поговорит. На этот раз не будет возможности поднять шум».

Свет становился ярче. Среди жухлой травы уже выделялись силуэты костяных пальм.

— Ха! — воскликнул Хендри.

Вот они, две точки посередине поля, как два муравья. Хендри высунул кончик языка и припал к винтовке.

«Как я этого ждал! Полгода дожидался, не меньше. Вот пристрелю мерзавца и отрежу у него уши».

Он снял предохранитель — какой приятный звук!

«Ниггер впереди, Керри сзади. Надо подождать, пока повернутся. Сначала Керри, а потом уже ниггера».

Хендри поймал их на мушку, от предвкушения задышав так быстро, что пришлось сглотнуть. В горле зацарапало, как от сухого хлеба. Капля дождя упала ему на шею, и он вздрогнул. Посмотрев на небо, он увидел надвигающиеся тучи.

— Черт вас дери, — простонал он и снова взглянул на поле.

Керри и ниггер стояли рядом — одним темным пятном в тусклом свете. Дождь пошел сильнее, и внезапно на Хендри нахлынуло знакомое чувство неполноценности, осознания того, что все вокруг — даже стихия — сговорилось против него. Это ощущение никогда его не оставляло. Бог

и весь мир дали ему в отцы пьяницу, вместо дома — убогую развалюху, а мать наградили раком горла. Они отправили его в колонию для несовершеннолетних, уволили его с двух десятков работ, издевались над ним, поднимали на смех, дважды сажали в тюрьму…

Все они — и особенно Брюс Керри — снова хотели взять над ним верх. Не выйдет! Больше никогда!

— Черт подери, — выругался Хендри. — Черт подери всех вас! — И выстрелил в темное пятно, которое держал на мушке.

33

Брюсу предстояло пробежать по открытой местности ярдов сто до леса. Он бежал и вдруг почувствовал ветер от еще одной пули, пронесшейся рядом с ним.

«Если он переключится на скорострельный, достанет меня даже с трехсот ярдов».

Керри петлял и прыгал из стороны в сторону, как заяц. Кровь ревела в ушах; от страха ноги бежали быстрее. Воздух словно взрывался выстрелами — так что Брюс даже пошатнулся. Зловещий свист пуль заполнил уши.

«Я не смогу».

Семьдесят ярдов до спасительных деревьев. Семьдесят ярдов открытого луга, над которым возвышается громада гранитного холма.

«Следующая очередь моя — вот, вот уже сейчас!»

Брюс резко отпрыгнул в сторону. Совсем рядом воздух разрезали несколько пуль.

«Я больше не могу! Сейчас он меня достанет!»

На пути попался муравейник — небольшой бугорок, глиняная кочка посреди равнины. Брюс прыгнул за него, сильно ударившись грудью о землю. Куски глины с верхушки муравейника, сбитые очередью, обсыпали Брюсу плечи. Он лежал, прижавшись всем телом к земле, пытаясь сделать вдох.

«Закрывает ли меня? Достаточно ли его?»

Еще одна очередь взрыла глину муравейника, но не тронула Брюса.

«Я в безопасности». Осознание накатило волной и унесло с собой страх.

«Но я беспомощен, — запротестовал его гнев. — Приперт к земле. Хендри только этого и надо».

Дождь хлестал Брюса по спине, просачиваясь через куртку, холодными струями стекая по шее и капая с подбородка. Керри повернул голову набок, не осмеливаясь поднять ее ни на дюйм, и дождь омыл ему лицо.

Ливень усиливался, свешиваясь с туч, как пышная женская юбка. Завесы дождя закрыли опушку леса и смазали все контуры туманом перламутровых струй.

Все еще задыхаясь, Брюс поднял голову. Впереди смутно виднелась сине-зеленая громада холма, но потом и она исчезла, поглощенная бурлящими потоками дождя. Брюс поднялся на колени, и от боли в груди закружилась голова.

«Сейчас! — подумал он. — Сейчас, пока дождь не начал стихать».

Керри с трудом поднялся на ноги, несколько секунд стоял, схватившись за грудь и пытаясь вдохнуть пропитанный водой воздух. Затем, пошатываясь, заковылял к лесу. Ноги постепенно окрепли, дыхание выровнялось, и Брюс оказался среди деревьев, которые окружили его со всех сторон. Он прислонился к стволу и вытер лицо ладонью. Сила, ненависть и возбуждение снова вернулись к нему. Он снял с плеча винтовку и крепко уперся в землю широко расставленными ногами.

— Вот теперь, друг мой, мы на равных, — прошептал он.

Брюс вставил в винтовку новую обойму и, неслышно ступая, двинулся по направлению к холму. Сознание просветлело, зрение обострилось. Он снова обрел силу и бесстрашие, внутри звучал боевой гимн.

Сквозь деревья виднелись очертания холма. Керри взял правее, решив обойти холм с другой стороны. «Время есть, — думал он, — можно тщательно все разведать». Оказалось, что гранитный массив имеет форму галеона, тонущего с креном на нос. С одного конца возвышались две башни кормы, от которых главная палуба шла наклонно вниз, как будто нос уже скрылся под водой. Между рассыпанными по склону валунами густо росли карликовые кустарники — непроходимые переплетения веток и листьев высотой по плечо.

Присев на корточки, Брюс положил винтовку на колени и стал рассматривать башни. Ливень перешел в моросящий дождик.

Где-то там, наверху, засел Хендри. Керри знал, что мерзавец выберет самую высокую точку — высота дает человеку возможность почувствовать себя неуязвимым, ощутить себя богом. Скорее всего Уолли находился на той башне, которая повыше, — она ближе к глинистому влею и ее верхушка покрыта подозрительными зарослями ракитника.

«Так, понятно, где он. Что ж, подожду полчаса. Хендри занервничает, пошевелится, выдаст свою позицию, и я его пристрелю».

Брюс прищурился, прикидывая расстояние — около двухсот ярдов. Он наладил прицел, проверил заряд винтовки и запасные обоймы в кармане и устроился поудобнее.

— Керри, сукин ты сын, где ты? — раздался крик Хендри, перекрывая шум дождя.

Брюс замер. «Я был прав — он на левой башне».

— Ну, давай, пижон. Я тебя со вчерашнего вечера дожидаюсь.

Керри поднял винтовку и для пробы прицелился в каменную стену. Сложно будет стрелять в дождь — винтовка мокрая и скользкая, капли дождя заливают глаза, стекают на мушку прицела.

— Эй, Керри, как там твоя французская киска? Горяча, ничего не скажешь!

Брюс крепче обхватил винтовку.

— Она тебе рассказала, как я ее? Ей очень понравилось! Слышал бы ты, как она дышала — как паровоз! Слово даю, Керри, ей все мало было!

Брюс почувствовал, что дрожит. Он крепко, до боли сжал зубы.

«Спокойно, парень, спокойно. Он только этого и ждет».

С деревьев монотонно капала вода, а порыв ветра тронул ракитник на склонах холма. Брюс ждал, напряженно высматривая движение на левой башне.

— Керри, ты трусишь? Боишься сюда забраться? Да?

Брюс слегка подвинулся, готовый к внезапному выстрелу.

— Ладно, пижон, я подожду. У меня целый день. Сижу тут и вспоминаю, как отодрал твою французскую штучку. Это было что-то! Туда-сюда, туда-сюда, о-о-о...

Брюс осторожно встал за стволом дерева и еще раз внимательно осмотрел холм. «Если подняться по склону к правой башне, там есть выступ, по которому можно вскарабкаться на самый верх. Окажусь в двадцати — тридцати футах от Хендри. На таком расстоянии все будет кончено за несколько секунд». Керри глубоко вдохнул и выскочил из-под дерева.

Хендри уловил движение в лесу, но коричневое пятнышко промелькнуло слишком быстро, и взять его на мушку Уолли не успел. Он вытер мокрое лицо и передвинул ногу поближе к краю.

— Давай, Керри. Хватит тянуть! — крикнул он и поудобнее устроил приклад винтовки на плече, то и дело облизывая губы кончиком языка.

У подножия холма качнулась ветка — ветра не было. «Вот он, — ухмыльнулся Хендри, — ползет по кустам».

— Я знаю, где ты. Ладно, Керри, я подожду.

На середине склона зашелестела листва кустарника.

— Есть! — прошептал Уолли и щелкнул предохранителем, медленно проведя языком по губам.

«Попался, точно попался! Ага — придется ему перебежать открытое место. Ярда два, не больше. Этого хватит».

Хендри сдвинулся еще на несколько дюймов и взял под прицел пространство между двумя большими валунами. Переключив винтовку на скорострельный режим, он спокойно положил указательный палец на курок.

— Эй, Керри, мне скучно. Если не собираешься подниматься, может, споешь или анекдот расскажешь?

Брюс скрючился за большим серым валуном. Впереди было три ярда открытой местности, а потом снова большой камень. Керри уже почти вскарабкался на вершину, а Хендри его не заметил. От второго камня можно было безопасно метнуться к правой башне — пара секунд, не больше. Уолли наверняка следит за лесом у подножия склона. Брюс подобрался, как спринтер на старте.

— Пошел! — прошептал он и, ринувшись вперед, попал под ураганный огонь. Одна пуля ударила в винтовку, вырвав ее с такой силой, что рука онемела до плеча; следующий выстрел ожег грудь. Керри укрылся за валуном и, задыхаясь от неожиданности и шока, услышал торжествующий рев Хендри.

— Дурак, тупой ублюдок! Я тебя вел от самого леса.

Брюс прижал левую руку к животу. Онемение спадало, но на его место пришла боль. Большой палец попал в спусковую скобу, верхнюю фалангу оторвало, и теперь из раны текла кровь — темная и густая, как яблочное желе. Правой рукой Керри нащупал носовой платок.

— Эй, Керри, ты винтовку уронил. Возьми, вдруг пригодится, а?

Брюс туго обмотал платком обрубок пальца, и кровотечение замедлилось. Винтовка с отбитой мушкой лежала в десяти футах от Керри. Та же пуля, что оторвала ему палец, смяла казенную часть и погнула затвор. Починить это было невозможно.

— Немного потренируюсь в стрельбе по мишеням! — крикнул Хендри, и сверху снова громыхнула автоматная очередь, взметнув облако пыли и гранитной крошки. Пули расщепили деревянные части винтовки, вывели из строя ствольную коробку.

«Ну что, — подумал Брюс, — винтовка разбита, пистолет у Шермэйн, а у меня только одна здоровая рука. Да, интересная ситуация».

Он расстегнул куртку и осмотрел ссадину, оставленную на груди другой пулей, — как след от удара плетью, красный, вздувшийся и болезненный, но в целом ничего серьезного.

— Ладно, милый Брюс, игры кончились. Спускаюсь к тебе. — Хриплый и громкий голос Хендри был полон самоуверенности.

Керри быстро огляделся. «Куда идти? Хорошо бы забраться повыше, пусть Хендри карабкается наверх. Цель — правая башня; надо обойти ее с другой стороны и засесть на вершине».

Торопливо, подгоняемый сознанием, что теперь он — дичь, а не охотник, Брюс поднялся на ноги и побежал вверх по склону, пригибая голову и стараясь держаться под прикрытием валунов и густого кустарника. Добравшись до стены правой башни, он стал обходить ее с другой стороны и нашел тот самый выступ, который был виден снизу. По этой дорожке шириной в восемнадцать дюймов, как муха по стене, совершенно ничем не защищенный, прижимаясь спиной к граниту, Керри двинулся боком. Пропасть под ногами с каждым шагом становилась все глубже и глубже.

И вот он уже в трехстах футах над лесом. С высоты хорошо просматривалась вся местность, а на горизонте виднелся ряд таких же холмов. Дождь прекратился, но тучи еще закрывали небо.

Небольшая площадка выступа обрывалась в пропасть. Брюс оказался прижатым к стене башни. Путь к вершине был закрыт. Если Хендри спустится вниз и обойдет холм, то Брюс окажется в полной его власти — на узком выступе укрыться негде, и Уолли с удовольствием еще раз потренируется в стрельбе по мишеням.

Прислонившись к гранитной стене, Брюс постарался отдышаться. От усталости и страха горло заполнила густая слюна. Керри чувствовал себя изможденным и совершенно беспомощным. Палец болезненно пульсировал — несмотря на жгут, из раны все еще сочилась кровь.

Кровь! Брюс сглотнул вязкую массу, скопившуюся в горле, и оглянулся: по всему пройденному им пути алые капли ярко выделялись на серых камнях, словно кровавый след, специально проложенный для Уолли.

«Ладно, может, так и лучше. Схвачусь с мерзавцем врукопашную. Подожду здесь, за этим уступом, пока он перейдет площадку. Здесь с одной стороны обрыв в триста футов — накинусь на Хендри и сброшу вниз».

Брюс, невидимый с площадки, затаился за гранитным уступом и приготовился уловить шорох шагов Хендри.

На востоке облака раздвинулись, и выглянуло солнце, ярко полоснув по склону холма.

«Лучше умереть при солнце, — решил Брюс. — Жертва богу солнца, сброшенная с крыши храма...» Он мрачно улыбнулся и, еле сдерживая боль, терпеливо ждал.

Минуты падали, как капли в чашу времени, отмеряя выделенный ему срок. Ровно стучало сердце, грудь медленно вздымалась и опадала — сколько еще осталось?

«Надо бы помолиться, — подумал Керри. — Странно: я утром молился, чтобы не было дождя, а дождь пошел и спас меня. Пожалуй, не стану указывать Ему, как поступать. В конце концов, Он лучше знает. Да будет воля Твоя», — вдруг вспомнил он, и в этот момент нервы задергались, как рыболовная сеть, в которую угодила большая рыба. Раздался шорох — одеждой задели за камни. Брюс задержал дыхание и прислушался, но различил только биение сердца и шелест листьев.

«Да будет воля Твоя», — повторил он про себя и тут услышал дыхание Хендри за уступом.

Керри слегка подался назад и увидел тень Хендри, протянувшуюся через всю площадку, — огромную уродливую тень на серых камнях.

«Да будет воля Твоя».

Брюс выскочил из-за уступа, выставив вперед здоровую руку, как клинок, и сосредоточив в ней все свои силы. В трех футах от него Хендри прижался к скале, держа винтовку у груди. Надвинутая на лоб стальная каска скрывала узкие глаза, а в рыжей щетине на подбородке застряли капельки пота. Он хотел вскинуть винтовку, но Брюс был слишком близко.

Жесткими пальцами Керри схватил Хендри за горло. Раздался треск хрящей. Под тяжестью Брюса противники упали на каменную площадку. Винтовка вылетела из рук Хендри и сорвалась вниз с обрыва.

Керри и Хендри лежали грудь к груди, сплетенные в единое целое, в отвратительной пародии на любовный акт — не ради продолжения жизни, а ради ее уничтожения.

Хендри побагровел и, открыв рот, глотал воздух. Брюс чувствовал его вонючее дыхание. Высвободив правую руку из крепкой хватки Хендри, Керри занес ее, словно топор, и ударил Хендри в переносицу. Из носа Уолли хлынула струя крови, заливая разинутый рот. Хрипя и булькая горлом, Хендри выгнулся и сбросил с себя Брюса с такой силой, что тот ударился о стену и секунду лежал неподвижно.

Уолли встал на колени. Он глядел на Брюса невидящими глазами, все еще хрипя и выплевывая кровь. Обеими руками Хендри пытался вытащить пистолет из брезентовой кобуры.

Брюс подтянул колени к груди и, резко выпрямив, ударил Уолли в живот, столкнув его с обрыва. Раздался безумный сдавленный рев — и все стихло. Воздух снова наполнился шумом ветра и шелестом листьев.

Керри в изнеможении сидел на выступе скалы. Тучи рассеялись, показалось голубое небо. Он посмотрел вдаль, на чистую, свежую после дождя зелень.

«Я все еще жив».

Эта мысль согревала сознание Брюса, как раннее солнце согревало его тело. Хотелось крикнуть на весь лес: «Я все еще жив!»

Наконец Керри поднялся, подошел к краю обрыва и посмотрел на крошечную искалеченную фигурку, лежащую на камнях. Потом повернулся и побрел вниз.

Целых двадцать минут он искал Хендри в хаосе камней и дикого кустарника. Уолли лежал на боку, подогнув колени — как будто спал. Брюс присел рядом и вынул из оливково-зеленой кобуры его пистолет, а затем, расстегнув нагрудный карман, достал оттуда белый холщовый мешочек. Выпрямившись, он открыл его, пошевелил алмазы пальцем и, затянув тесемку, положил мешочек к себе в карман.

«Мертвый Хендри еще отвратительнее», — подумал Брюс без всякого сожаления, глядя на труп. Мухи уже сели на окровавленный нос и глаза.

— Значит, Майк Хейг был прав, а я нет — зло можно уничтожить, — произнес Керри в полный голос и не оглядываясь пошел прочь.

Усталости как не бывало.

34

Карл Энгельбрехт вышел из кабины пилота.

— Ну что, счастливы? — спросил он с улыбкой на широком коричневом лице, стараясь перекричать шум моторов. — Вижу, что да!

Брюс улыбнулся в ответ и крепче прижал к себе Шермэйн.

— Уходи! Не видишь — мы заняты!

— Ну ты и наглец — выставить бы вас отсюда! — проворчал Карл, присаживаясь на скамью, которая шла вдоль всего фюзеляжа. — Вот, принес вам кофе и бутерброды.

— Как хорошо. Я ужасно хочу есть. — Шермэйн выпрямилась и протянула руку к термосу и бумажному пакету. Синяк на щеке заметно поблек — тому уже десять дней.

Откусив бутерброд с курятиной, Брюс ткнул ногой в один из деревянных ящиков, крепко привязанных к полу самолета:

— Что в них, Карл?

— Не знаю, — сказал Карл и налил кофе в три пластиковые кружки. — В этой игре вопросов не задают. Наше дело — доставить, получить деньги и лететь дальше. — Он осушил свою кружку и встал. — Ладно, оставлю вас одних. В Найроби будем часа через два, так что можете вздремнуть или еще что-нибудь! — Он подмигнул. — Во время дозаправки оставайтесь на борту, а через час снова поднимемся. Так что послезавтра, если будет угодно Богу и погоде, приземлимся в Цюрихе.

— Спасибо, старина.

— Да не за что — работа есть работа.

Он ушел в кабину, плотно закрыв за собой дверь.

Шермэйн секунду смотрела на Брюса и рассмеялась.

— Ты изменился… совсем как юрист!

Брюс смущенно поправил узел на галстуке.

— Признаюсь, странно снова надеть галстук. — Он оглядел свой хорошо сшитый синий костюм — единственный, который у него остался. — Да и тебя с трудом узнаешь в платье.

На Шермэйн было светло-зеленое хлопковое платье, прохладное и хрустящее на вид, и туфли на высоких каблуках. И совсем чуть-чуть макияжа — только чтобы скрыть синяк. «Чертовски привлекательная женщина», — с удовольствием подумал Брюс.

— Как твой палец? — спросила она.

Керри поднял руку с маленьким тюрбаном из пластыря на обрубке.

— Уже почти забыл.

Вдруг лицо Шермэйн просияло, и она взволнованно указала на иллюминатор у Брюса за плечом:

— Смотри, море!

Под ними, омывая полоску белого пляжа, расстилалась водная гладь, покрытая рябью волн всех оттенков — от голубого до бледно-зеленого.

— Озеро Танганьика, — рассмеялся Брюс. — Конго осталось позади.

— Навсегда? — спросила она.

— Навсегда! — заверил он ее.

Самолет качнуло, и их прижало друг к другу — Карл взял курс на северо-восток.

В четырех тысячах футов под ними, над озером, стрекозой летела тень самолета.

Примечания

1

Дерьмо (*фр* .). — *Здесь и далее примеч. пер.*

2

Общий отдел — Армия Катанги (*фр* .).

3

Нет (*фр* .).

4

Господин (*фр* .).

5

Ближайший городок (*фр* .).

6

Да, господин (*фр* .).

7

Это же война (*фр* .).

8

До свидания (*фр* .).

9

Моя дорогая (*фр* .).

10

Мой друг (*фр* .).

11

Мой генерал (*фр* .).

12

Да, мой генерал (*фр* .).

13

Нет, мой генерал (*фр* .).

14

Хорошо (*фр* .).

15

Доброе утро, мадам (*фр* .).

16

Хорошего дня, господин (*фр* .).

17

Да, господин Бонапарт! (*фр* .)

18

Мой Бог! (*фр* .)

19

Вперед! (*фр* .)